

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ

№ 12 2024 (ДЕКАБРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

Подписано в печать 13.12.2024 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

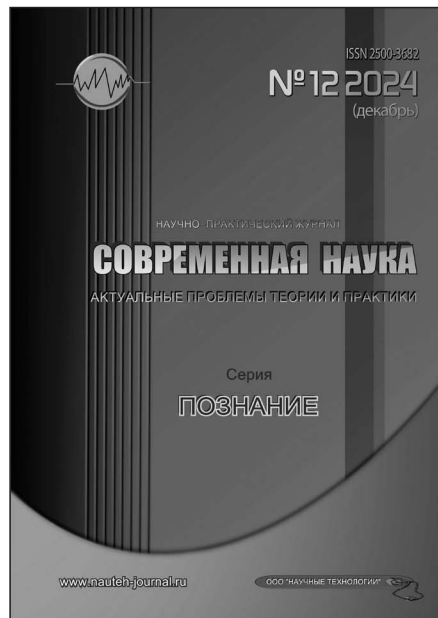
Серия: Познание №12 (декабрь) 2024 г

© Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики». Серия «Познание».

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 5.3.x, 5.7.x, 5.10.x)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филол.н, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н, доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н, профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр — Михайлович д.псх.н, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

Девятова О.Л., Маукин В.Р. – Особенности развития джазовой культуры в европейских странах (Франция, Англия и Германия)
Devyatova O., Maukin V. – Features of the development of jazz in France, England and Germany 5

Ефимова Е.М., Пинигина О.Н. – Якутская одежда
Efimova E., Pinigina O. – Yakut clothes 11

Лю Хуайчжун – Развитие креативности в исполнении на фортепиано: стратегии и вызовы
Liu Huaizhong – Developing creativity in piano performance: strategies and challenges 14

Синельщикова О.Д. – Анализ конкурентоспособности основных европейских киностудий и направления повышения ее уровня
Sinelshchikova O. – Analysis of the competitiveness of the main European film studios and directions for improving its level 18

Тань Вэйци – Символизм и минимализм в дизайне интерьера центров чайной церемонии: анализ современных тенденций
Tan Weiqi – Symbolism and minimalism in the interior design of tea ceremony centers: an analysis of modern trends 25

Ю Лилинь – Переосмысление телесных нарративов в творчестве китайских художниц XXI века
Yu Lilin – Reinterpreting bodily narratives in the work of 21st-century Chinese female artists 30

Психология

Альская Е.В. – Профессиональное поведение женщин в условиях жизненных кризисов (теоретический аспект)
Alskaiya E. – Women's professional behavior in life crises (theoretical aspect) 35

Бурикова И.С. – Психологическое измерение цифровизации
Burikova I. – Psychological dimensions of digitalization 41

Глущенко И.А., Петьков В.А., Демченко Н.Ю., Аров Х.Н., Огарь Е.В. – Психолого-педагогические условия развития саногенного мышления младших школьников
Glushchenko I., Petkov V., Demchenko N., Arov H., Ogar E. – Psychological and pedagogical conditions of development sanogenic thinking of primary school children 46

Емельяненко Б.О., Браташ Р.И. – Эстетическая парадигма в психологии: опыт зарубежных исследователей
Emelianenko B., Bratash R. – The aesthetic paradigm in psychology: the experience of foreign researchers 50

Зеликова К.А. – Развитие этнической толерантности и интеграции посредством социально-психологического тренинга
Zelikova K. – Development of ethnic tolerance and integration through socio-psychological training 55

Игнатов К.А. – Изучение эмоциональной сферы у подростков с ментальными нарушениями с помощью проективных методик
Ignatov K. – The study of the emotional sphere in adolescents with mental disorders using projective techniques 60

Исагулова Е.Ю. – Коррелирующие факторы между пограничным расстройством личности и комплексным посттравматическим стрессовым расстройством
Isagulova E. – Correlating factors between borderline personality disorder and complex posttraumatic stress disorder 64

Кожевникова Т.А., Костарев В.В., Титовец Н.С. – Особенности взаимосвязи процессов старения с невротическими расстройствами
Kozhevnikova T., Kostarev V., Titovets N. – Features of the relationship between aging processes and neurotic disorders. 72

Николаева Н.О. – Особенности вестибулярной функции у детей с гравитационной неуверенностью
Nikolaeva N. – Features of vestibular function in children with gravitational insecurity 78

Роде Ю.А. – Реабилитация участников боевых действий на основе применения суггестивных средств
Rode J. – Rehabilitation of participants in combat operations based on the use of suggestive means 84

Смолянская Е.И. – Способы совладающего поведения пожилых людей с различной направленностью на социум
Smolyanskaya E. – Coping strategies of elderly people with different social orientation 87

Фурсов К.А. – Особенности социально-психологических характеристик наркозависимых зрелых лиц
Fursov K. – Features of socio-psychological characteristics of drug-addicted mature persons ... 92

Хаснутдинова А.Л. – Особенности вестибулоглазного рефлекса у детей с трудностями в обучении и нарушениями речи до и после двигательного тренинга
Khasnutdinova A. – Features of the vestibulo-ocular reflex in children with learning difficulties and speech disorders before and after motor training 99

Философия

Дружинина И.А., Зайнутдинова Л.И. – Текст в философском дискурсе: демаркация сквозь призму постмодернизма
Druzhinina I., Zaynutdinova L. – Text in philosophical discourse: demarcation through the prism of postmodernism. 104

Ключкова Е.Ю. – Творчество звукорежиссера как форма постижения смыслов музыкального бытия
Klyuchkova E. – The creativity of a sound engineer as a form of comprehension of the meanings of musical existence 107

Корсак М.В., Бернас И.З. – Амфитеатр: философия пространства в контексте социокультурной ситуации постмодерна
Korsak M., Bernas I. – Amphitheater: the philosophy of space in the context of the sociocultural situation of postmodernism. 112

Пионткевич Л.Ю., Гусарова М.Н. – Проблема милосердия в этике И. Канта
Piontkevich L., Gusarova M. – The problem of mercy in the ethics of I. Kant. 117

Скляр Д.С. – Место наблюдения в системе научных методов
Sklyarov D. – The place of observation in the system of scientific methods 120

Скопа В.А., Терехова М.С. – Дифференциация и интеграция социальных отношений: социально-философский анализ
Skopa V., Terekhova M. – Differentiation and integration of social relations: social and philosophical analysis 123

Суханова Е.В., Скородумов Д.А. – Капиталоцен как новая реальность: отчуждение общественного от природного
Sukhanova E., Skorodumov D. – Capitalocene as a new reality: alienation of the public from the natural. 127

Информация

Наши авторы. Our Authors. 131

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 133

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ДЖАЗОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ (ФРАНЦИЯ, АНГЛИЯ И ГЕРМАНИЯ)

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF JAZZ IN FRANCE, ENGLAND AND GERMANY

**O. Devyatova
V. Maukin**

Summary: The article examines the problem of the development of jazz in Great Britain, France and Germany, emphasizing both common and distinctive features. The main factor contributing to the spread of jazz in Europe is the question of the attitude towards African-American musicians, who were carriers of jazz culture and influenced the formation of European jazz styles. The conclusion is drawn about the formation of European jazz as an independent phenomenon of modern culture and the importance of the formation of national jazz schools.

Keywords: jazz, African-American culture, European culture, national traditions.

Девятова Ольга Леонидовна

доктор культурологии, профессор, Уральский
федеральный университет имени первого президента
России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург)
sonare-9@inbox.ru

Маукин Всеволод Романович

Соискатель, Уральский федеральный университет имени
первого президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург)
Vsevolod.Maukin@yandex.ru

Аннотация: В статье исследуется проблема развития джаза в Великобритании, Франции и Германии, акцентируются как общие, так и отличительные черты. В качестве главного фактора, способствующего распространению джаза в Европе, рассматривается вопрос об отношении к афроамериканским музыкантам, явившимся носителями джазовой культуры и повлиявшим на формирование стилей европейского джаза. Делается вывод о становлении европейского джаза как самостоятельного явления современной культуры и важности формирования национальных джазовых школ.

Ключевые слова: джаз, афроамериканская культура, европейская культура, национальные традиции.

Введение

Проблема взаимодействия национальных культур являлась одной из актуальных в XX веке. Особую значимость она приобрела на рубеже XX-XXI веков, в условиях глобализирующегося мира, в котором наметилась тенденция к стиранию граней между различными странами, нивелированию их национальной культурной самобытности, приводящая к некоей унификации и отрицанию отличительных признаков. Эти процессы охватили разные области культурного ареала, в том числе и музыку, особенно джаз — искусство, зародившееся на «стыке» африканской, американской и западноевропейской музыкальных культур. При всей своей актуальности эта проблематика пока исследована явно недостаточно, особенно в русскоязычных трудах и требует научной разработки в культурологическом аспекте. В данной статье анализируются основные вехи развития джаза и джазовой культуры в европейских странах (Франция, Великобритания и Германия), с целью осмысления своеобразия становления национальных джазовых школ.

В осмыслении этих вопросов мы опираемся на труды Б. Остендорфа, М.Р. Рождерса, Дж.Л. Коллиера, Л. Росса, Дж. Тойнби, В. Х. Кенни, Дж. О. Уипплингера, У. Адельта, В.Д. Конен, А.М. Цукера, О.Л. Девятовой, С.А. Беличенко, а также Т. Гартмана, А. Гюзевель, О. Зенна, Б. Свирса, Т. Уинтона. Немалое значение для нас имеют и работы М.Г.

Арановского, С.Т. Махлиной, Т.С. Ястремского, М.М. Митропольского, Е.С. Барбана.

При всей значимости многих трудов о джазовой культуре, в том числе европейской, споры о феномене европейского джаза и его природе не прекращаются до сих пор. Одни воспринимают джаз исключительно афроамериканским феноменом. Так, С.А. Беличенко пишет: «Национальные школы джаза: джаз польский, немецкий, японский, английский, австралийский и т.д. Это исключительно классификация национальной принадлежности музыкантов, играющих джаз, который по своему происхождению, сути и эстетике продолжает оставаться американским» [3, с. 322]. Другие считают, что европейский джаз стал самостоятельным феноменом, который должен порвать или, по крайней мере, ослабить связи с американской идиомой. К примеру, М.М. Митропольский пишет о том, что каждая национальная джазовая школа обладает собственной базой, «на которой строится характерный синтаксически-семантический комплекс» [7, с. 115]. В качестве примера критик приводит французскую и британскую джазовые школы. Французская объединяет академические традиции национальной музыки с творчеством переселившихся в Европу американских джазменов. В британской М.М. Митропольский видит уникальное соединение блюз-роковых элементов с «комплексом идей радикально нового джаза» [7, с. 115]. Важно в этой связи отметить, что именно в XX веке логика внеевропейской музыкальной культуры становится

все более доступной для европейских музыкантов [9, с. 5].

Однако не все джазовые теоретики соглашались с самостоятельным статусом европейского джаза. Так, на научной конференции в Люцерне (Швейцария, 2017) «Jazz between 1960 and 1980», посвященной европейской джазовой самоидентификации, развернулась дискуссия, участники которой освещали как специфические национальные феномены в рамках европейского джаза 1960-1980 годов, так и общие вопросы о «взрослении» евроджаза. Ряд современных исследователей (С. Николсон, М. Хеффли и др.) выразили мнение, что в данный период европейский джаз развивает собственную чувственность и он может разорвать связи с американской джазовой идиомой, повернувшись к своим национальным корням. Однако, по мнению одного из участников конференции и джазового исследователя Т. Уинтона, взаимодействие культур — гораздо более сложное явление, а возможность разорвать связь с американской джазовой традицией представляется ему невозможной, так как наше понимание истории построено ретроспективно в соответствии с потребностями, желаниями и ценностями сегодняшнего дня [17, р. 3].

В российской культуре сложился своего рода стереотип восприятия джаза, согласно которому европейская джазовая культура расценивается как продолжение афроамериканской. На фоне политического и культурного антагонизма СССР и стран Запада в обществе нередко складывалось впечатление, будто джаз, периодически попадавший под запреты в нашей стране, беспрепятственно прижился в странах Европы. Однако, как отмечает Б. Остендорф [13, р. 1-2] и в европейских странах распространение джаза как центрального проявления американизации культуры было предметом споров среди общественности. Традиционалисты выступали против американизации, в то время как либерально настроенное население было открыто к новым музыкальным веяниям и к джазу, как к символу свободы. Возникал вопрос и касающийся отношения европейцев к афроамериканским музыкантам, которое было разным и далеко не всегда толерантным, что серьезно повлияло на ход развития джаза в культурах европейских стран. Эти тенденции рассмотрим далее на примере Франции, Великобритании и Франции.

Результаты исследования

Как известно, джаз развивался на пересечении афроамериканской и европейской культур, соответственно огромное значение имело взаимоотношение между коренным населением страны и потомками африканских невольников. Насколько толерантны были носители этих культур? Насколько они были открыты к диалогу и взаимодействию? Ответы на эти и другие вопросы

определили, на наш взгляд, характер развития джаза в европейских странах.

Большую роль джаз сыграл в истории французской музыкальной культуры. Взаимодействие его с европейской музыкальной культурой началось еще на раннем этапе развития. Особенно эти процессы коснулись профессиональной музыки первой половины XX века. Так, М. Р. Роджерс вполне справедливо пишет, что серьезные французские композиторы заинтересовались джазом гораздо раньше американских. Французы познакомились с рэгтаймом еще во время Всемирной выставки в Париже (к сожалению, автор не уточняет год, но вероятно речь идет о самой известной выставке 1889 года). Причем, на выставке танцоры из США танцевали кекуок под характерные мелодии рэгтайма, чем и покорили французов [14, р. 56]. Важно, что к 1900 году звукозаписи рэгтайма на фонографе можно было без особенных сложностей приобрести в Европе [14, р. 56], так как тогда уже стали появляться звукозаписывающие компании, и коммерческий потенциал этого изобретения вырос. Интересно, что в Европе, как и в Америке, к рэгтайму было двойственное отношение, одним слушателям его «скачущие» ритмы и далекие от европейских ладов гармонии «резали» ухо. По мнению Б. Остендорфа, многие умы того времени находили рэгтаймы проявлением кризиса культуры, остро переживаемого современной интеллигенцией. Рэгтайм, по мысли ученого, даже воспринимался как воплощение всего аморального, вульгарного и болезненного, скопившегося в культуре на рубеже XIX–XX веков [14, р. 3]. Однако, другого взгляда придерживались французские композиторы-импрессионисты. Услышав рэгтайм на выставке или в записи, они начали экспериментировать с его мотивами. Как отмечает М.Р. Роджерс, первым среди них оказался импрессионист К. Дебюсси, который в 1908 г. написал «Golliwog's Cake-Walk». Причем такой интерес к «чистой природе», то есть в данном случае к аутентичным фольклорным произведениям различных народов мира, подпитывался философией популярного среди французских композиторов рубежа XX–XXI веков Ж.-Ж. Руссо.

Существенно, что высоким художественным уровнем своих «джазовых» сочинений К. Дебюсси опередил развитие собственно американского джаза приблизительно на 15 лет и открыл путь к джазу для своих младших современников и последователей. Вслед за К. Дебюсси преджазовые и собственно джазовые элементы в своем творчестве, нередко для придания своеобразного экзотического колорита, стали применять Эрик Сати, Игорь Стравинский, а также композиторы французской «Шестёрки», в которую входили Д. Мийо, А. Онеггер, Ж. Орик, Ф. Пуленк, Л. Дюрей и Ж. Тайефер [14, р. 59].

Значительный рост интереса к джазу во Франции произошел в 1917 году, после вступления американских

войск в Париж и выхода первой джазовой пластинки белого коллектива «Original Dixieland Jazz Band». Причем джазовые музыканты там появляются вместе с военными оркестрами. После войны афроамериканских артистов начинают привозить французские организаторы больших концертов. Однако, как отмечает Дж. Л. Коллиер, в основном это были белые американские джазмены, чье творчество и оказало влияние на формирование европейского джаза [5, с. 228].

Заметим, однако, что несмотря на рост джазовых слушателей, во Франции джаз воспринимался в основном как увеселительная музыка, а не как искусство, ведь первоначально даже само слово «джаз» воспринималось французами скорее как танец, а не как музыка. Лишь к 1930-м годам, как подчеркивает В.Х. Кенни, джаз укоренился во Франции как музыкальный феномен, там появились сообщества джазовых музыкантов, аудитория и клубы [12, р. 2].

После Второй Мировой войны чаще и дольше стали гостить во Франции афроамериканские музыканты. В 1947 году одним из первых туда приехал Рекс Стюарт. Причем, как отмечает Л. Росс, многие афроамериканские джазовые музыканты и вовсе переезжали во Францию, так как там была гораздо более благоприятная атмосфера по отношению к «темным» музыкантам, по сравнению с США и другими европейскими странами. Среди мигрировавших джазменов были также тромбонист Дикки Уэллс, кларнетист А. Никольс, барабанщик К. Кларк и многие другие [15, р. 13].

В Великобритании джазовая культура развивалась несколько иным путем. С момента появления джаза в Британии в 1919 году важную роль в развитии джаза сыграли чернокожие музыканты из числа мигрантов английских колоний (в том числе и бывших). Рождение джаза было связано с прибытием в страну уже упомянутого выше коллектива «Original Dixieland Jazz Band». Музыканты привнесли в британскую джазовую культуру значительные новшества, благодаря чему, по словам Тойнби, там «зазвучал голос африканской диаспоры» [16, р. 1].

Однако, в отношении к джазу и темнокожим музыкантам в Британии все-таки, как и во всей Европе, действовали двойные стандарты [16, р. 5]. На «туманном Альбионе» расовый вопрос оказался даже более острым, чем в континентальной Европе, отчего в стране сложилась несколько особенная джазовая культура. Расизм в Англии проявлялся не только в общественных настроениях, но и затрагивал законодательную сферу. Так в течение 1920-х годов были наложены серьезные ограничения на работу в стране для афроамериканских музыкантов и введен визовый режим.

Но в то же время, начало XX века ознаменовалось в Британии увеличением численности чернокожего населения, главным образом за счет миграции моряков из Вест-Индии и Африки. В Вест-Индии, как и в целом в Латинской Америке, отношение к африканским рабам и впоследствии к их потомкам было гораздо гуманнее, чем в Северной Америке. Отчего африканские культуры и их представители смешались с местными и европейскими культурами органичнее, чем в США. В результате, мигранты из Вест-Индии быстро перенимали джазовую музыку и ее новшества в виду соседства стран Карибского бассейна с США и культурной близости с афроамериканцами. Приезжая в Британию, мигранты способствовали распространению там джаза. При этом, для выходцев из британских колоний ограничений в работе, как для афроамериканцев, не было [17, р. 6-7].

Мигранты развивали в консервативной Великобритании самые новые течения джаза. В 1940-е и 1950-е годы произошло возрождение такого стиля, как диксиленд. В Европе возрождение диксиленда продлилось дольше, чем в США. А в Великобритании — дольше, чем в других странах Европы. Зачастую возрождение новоорлеанской музыки увлекало более старое поколение белых американцев и европейцев. Молодые афроамериканцы, как и выходцы из Вест-Индии, не хотели разделять эту ностальгию и больше увлекались бибопом.

Вслед за бибопом и кул-джазом возник фри-джаз, который получил распространение и в европейских странах. Примечательно, что параллельно с фри-джазом Орнетта Коулмана в Америке, выходец из Вест-Индии Джо Хэрриотт разработал в Англии собственную джазовую идиому, которую он назвал игрой в «свободной форме». Кто из них открыл новое течение в джазе, согласно Дж. Тойнби, остается не известным, и вероятно, оба просто уловили саму идею, которая словно «виталя в воздухе». Но, несмотря на мировое признание (хотя и в узких кругах) альбома Джо Хэрриотта «Abstract», в самой Британии столь новаторскую работу не оценили ни слушатели, ни музыканты [16, р. 11].

В отношении европейского «свободного джаза» примечательно и то, что движение получило большое распространение в Европе, хотя его отцы-основатели видели в этой музыке наибольшее проявление африканской культуры, отрицая влияния на джаз европейской музыки. При этом Е. Барбан отмечает, что сам «свободный джаз» оказывается по своей сути достаточно близок к европейской авангардной музыке [2, с. 24-26].

В Германии история развития джаза началась, как во многих других странах, в 1917 году, однако с 1933 года он развивался в совершенно иных социокультурных обстоятельствах, в связи с приходом к власти нацистов. Причем, согласно исследованию Дж.О. Випплингера,

джаз получил достаточно мощное распространение еще во времена Веймарской Республики. Тогда профессиональные композиторы, такие как К. Вайль, П. Хиндемит и Х. Эйслер, уже начинали использовать джазовые элементы в своих произведениях. Примечательно также, что один из главных и крупнейших джазовых лейблов в мире «Blue Note» основал А. Лайон, немец еврейской национальности, совместно с американским музыкантом М. Маргулисом. [18, р. 2]. А в 1928 году в Германии был организован первый в истории курс по джазовой музыке в высшем учебном заведении. Эта инициатива принадлежала Б. Зеклезу, директору консерватории Хоха во Франкфурте. Событие было очень резонансным и встретило критику среди консерваторов не только в Германии, но и Европе, а также стало большой новостью и в Америке [18, р. 141].

Однако, если в остальных европейских странах в 1930-е годы джаз уже обрёл свою аудиторию и своих профессиональных джазменов, то в Германии, с приходом к власти нацистов, начинается антиджазовая пропаганда. Афроамериканцам запрещали выступать, а в 1938 году в Мюнхене прошла выставка «Дегенеративная музыка», где были представлены карикатуры на афроамериканских и еврейских музыкантов. Но, все-таки, полностью истребить джаз в Германии фашистскому режиму не удалось. В 1939 году в Гамбурге сформировалась молодежная организация, под названием «Swingjugend», представлявшая собой андеграундную джазовую субкультуру. А во время Второй Мировой войны, даже само нацистское правительство развлекало солдат танцевальной музыкой, очень напоминавшей джаз, хотя секция духовых инструментов там была заменена скрипками.

В послевоенное время джаз в Западной Германии набирал все большую популярность. Молодые западные немцы воспринимали джаз как антифашистскую музыку, что привлекало к ней внимание многих слушателей. А. Ульрих пишет, что большой вклад в популяризацию джаза в ФРГ внесли два джазовых промоутера Ф. Рау и Х. Липпманн, которые, как и молодежь, видели в джазе способ либерализации немецкого общества после Второй Мировой войны. В 1969 году в Мюнхене М. Айхером был основан лейбл «ECM Records», аббревиатура которого расшифровывается как «Издание Современной Музыки». Постепенно лейбл выработал собственное узнаваемое звучание. Как отмечает Т. Уинтон, оно со временем стала в определенной мере синонимом к термину «европейский джаз» [11, р. 3]. В Восточной Германии джаз набирал популярность в 1945–1949 годах, там продолжали развиваться такие стили, как блюз, диксиленд, свинг и даже спиричуэлс. Вместе с тем, в стране началась массовая критика современного бобопа, рок-н-ролла как дегенеративной буржуазной музыки, из-за чего многие джазовые музыканты уехали из ГДР в ФРГ [10, р. 957].

Вторая волна джазовой экспансии была во многом обусловлена присутствием американских войск в Европе и прочно связала джаз с ощущением освобождения и антифашистскими настроениями. В это время отношение к джазу в Европе стало значительно серьезнее. Если в первую волну европейская молодежь видела в джазе в основном танцевальную музыку и способ преодолеть строгость танцевальных традиций, то во вторую волну европейская общественность, согласно Э. Хобсбауму, восприняла «джаз как высокохудожественную музыку, созданную в форме популярной» [цит. по 13, р. 3]. Она была готова увидеть в джазовых композициях произведения искусства и слушать его в филармонических залах.

Этим серьезным подходом и спецификой музыкального мышления и отличается такое явление, как «европейский джаз». Европейцы с самого знакомства с джазом пробовали соединять его с академической музыкальной традицией. Не случайно, что и первые исследования джаза появились не в США, а во Франции, как и упомянутый ранее первый джазовый учебный курс, который читался в Германии. В европейской джазовой музыке меньше афроамериканской дионисийской энергии, а типичная для джаза «эстетика несовершенства» [8] кажется более сглаженной. Европейская музыка больше напоминает отстраненный и интеллектуальный кул-джаз, с большим влиянием академической школы. При этом европейский джаз часто взаимодействует с различными этническими традициями и филигранно включает его элементы в свое полотно. Но что остается общим и непоколебимым качеством, как для европейского, так и для афроамериканского джаза — это ценность свободы и эстетическая мощь импровизации. Ведь в обоих случаях джаз ассоциировался со свободой, как у афроамериканцев, сопротивлявшихся угнетению расистского общества, так и у европейцев, сражавшихся против немецкого национализма.

Мы полагаем, что, несмотря на особенности музыкального менталитета, присущие каждому этносу и нации, джаз в любой стране ориентируется на традиции афроамериканской музыки. Конечно, национальные джазовые школы обладают своим особым стилем, но различия между ними гораздо менее существенны, чем в академической музыке. Главной причиной тому, на наш взгляд, являются, во-первых, появление звукозаписывающих технологий, а во-вторых, значительное упрощение путешествий в XX веке, по сравнению с предыдущими. Представители музыкальных культур европейских стран постигали джаз часто от первоисточников — на виниловых записях или живых концертах «носителей» джазовой музыкальной культуры. Третьим и возможно важнейшим аспектом было то, что джаз воспринимался как принципиально другая музыка. Соответственно игра американцев и, в первую очередь, афроамериканцев виделась европейцам как некий эталон.

Современный джаз также приобрел новое звучание в виду технологического развития и также заимствовал мелодические и ритмические элементы из других музыкальных языков, поэтому нельзя ограничивать джаз одной эпохой. Вместе с развитием джаза некоторые региональные или национальные джазовые особенности («акценты») могут в перспективе стать самостоятельными стилями (в понимании стиля эпохи). Среди претендентов на становление европейского джазового стиля мы назовем: Esbjorn Svensson Trio, Jacky Terrasson, John McLaughlin, John Surman Project, WDR Big-Band Koln и многие другие. В России музыкантов, исполняющих «европейский» джаз, не так много, но и те немногие, кто есть, создают музыку высокого художественного уровня. К ним относятся Квартет Аркадия Шилклопера, Квартет Сергея Проня, «Круглый бэнд» Алексея Круглова, Трио Андрея Кондакова и другие. Помимо разработки собственно «европейского джаза» музыканты из Европы создали и другие джазовые стили. Так, в 1930-е годы в Европе развивалось направление «барокко-джаз», одним из наиболее ярких представителей которого был джазовый скрипач С. Граппелли. Музыканты сочиняли авторские джазовые аранжировки произведений эпохи барокко. В 1937 году скрипачи записали совместный

концерт с джазовыми интерпретациями произведений Баха. Как отмечают О.Л. Девятова и О.П. Никова, «музыканты осуществляли параллельно и обратное действие, в результате которого в джаз они приносили черты классической музыки» [4, с. 17]. Однако, пожалуй, самым заметным достижением европейских джазменов в 1930-е годы стало появления цыганского джаза — направления, разработанного виртуозным гитаристом Джанго Рейнхардтом. В его музыке свинг смешался с цыганскими музыкальными традициями, а также заимствовал что-то неуловимое от французской музыки.

Выводы

Итак, подобно М.Р. Роджерсу, мы воспринимаем джазовую культуру в целом как масштабное явление, одним из направлений которого является джаз, созданный в странах Европы. Как научное понятие «европейский джаз» мы трактуем как самостоятельный музыкальный стиль, на который оказали влияние, наряду с афроамериканскими элементами, кул-джаз, академический музыкальный стиль, авангардизм, этническая музыка этих стран, в том числе и внеевропейская, а также и современная массовая музыкальная культура.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арановский, М.Г. Русское музыкальное искусство в истории художественной культуры XX века // Русская музыка и XX век: Русское музыкальное искусство в истории художественной культуры XX века / Ред.-сост. М.Г. Арановский. - М.: Изд-во ГИИ, 1997. - С. 7-24.
2. Барбан, Е.С. Черная музыка, белая свобода / Е.С. Барбан. - СПб: Композитор • Санкт-Петербург, 2007. - 284 с.
3. Беличенко С.А. Мегаджаз 1975–2020 гг. / С.А. Беличенко. - Новосибирск – Москва: Сибирский институт джаза, 2022. - 471 с.
4. Девятова, О.Л. Межкультурные взаимодействия американской и европейской культур в скрипичной музыке эпохи свинга / О.Л. Девятова, О.П. Никова // Человек в мире культуры. - 2015. - Т. 2, № 1. - С. 15-19.
5. Коллиер, Дж.Л. Становление джаза / Дж.Л. Коллиер. - Москва: «РАДУГА», 1984. - 411 с.
6. Махлина, С.Т. Язык искусства в контексте культуры: специальность 17.00.08 «Теория и история культуры»: диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук / Махлина Светлана Тевельевна. - Санкт-Петербургский, 1992. - 337 с.
7. Митропольский, М.М. Реальность российского джаза в мировом контексте (к постановке проблемы) / М.М. Митропольский // Современный джаз в музыкальной культуре. - СПб: Композитор. Санкт-Петербург, 2013. - С. 112-124.
8. Резанцева, М.С. Джаз как "несовершенное" искусство: импровизация в контексте диалектики прекрасного и безобразного / М. С. Резанцева // Вестник МГУКИ. - 2019. - № 2 (88). - С. 107-112. - ISSN 1997-0803.
9. Ястремский, Т.С. Танцевальная электронная музыка в художественной культуре рубежа XX - XXI веков: специальность 17.00.09 «Теория и история искусства»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения / Ястремский Тимур Сергеевич. - Санкт-Петербург, 2006. - 29 с.
10. Adelt, U. Germany Gets the Blues: Negotiations of 'Race' and Nation at the American Folk Blues Festival. / U. Adelt // American Quarterly. - 2008. - vol. 60, no. 4, - pp. 951-974. - URL: <http://www.jstor.org/stable/40068557>. (Accessed 9 Feb. 2024).
11. Growing up: Jazz in Europe 1960-1980 / T. Gartmann, A. Güsewell, O. Senn, B. Sweers // European journal of musicology. - 2017. - vol. 16, no. 1. - pp. 7- URL: <https://doi.org/10.24451/arb.6835>. (Accessed 27 April 2021).
12. Kenney, W.H. Le Hot: The Assimilation of American Jazz in France, 1917-1940. / W. H. Kenney // American Studies. - 1984 - vol. 25, no. 1. - pp. 5-24. - URL: <http://www.jstor.org/stable/40641828>. (Accessed 15 Feb. 2024).
13. Ostendorf, B. Subversive Reeducation? Jazz as a Liberating Force in Germany and Europe. / B. Ostendorf // Revue Française d'études Américaines. - 2001. - pp. 53-71. - URL: <http://www.jstor.org/stable/20874822>. (Accessed 12 Feb. 2024).
14. Rogers, M.R. Jazz Influence on French Music / M.R. Rogers // The Musical Quarterly. - 1935. - vol. 21, no. 1. - pp. 53-68. - URL: <http://www.jstor.org/stable/738965>. (Accessed 27 April 2021).
15. Ross L. Jazz Musicians in Postwar Europe & Japan. - pp. 55. // academia.edu - URL: https://www.academia.edu/9001687/Jazz-_Musicians_in_Postwar_

- Europe_and_Japan (Accessed 27 April 2021).
16. Toynbee, J. Race, History, and Black British Jazz / J. Toynbee // *Black Music Research Journal*. – 2013. – vol. 33, no 1. – pp. 1–25. – URL: <https://doi.org/10.5406/blacmusiresej.33.1.0001>. (Accessed 13 Feb. 2024).
 17. Whyton, T. Moving to Higher Ground The Changing Discourse of European Jazz 1960–1980 / T. Whyton // *European journal of musicology*. – 2017. – vol.16, no 1. – pp. 13–22. – URL: <https://bop.unibe.ch/EJM/article/view/5776/8055>. (Accessed 13 Feb. 2024).
 18. Wipplinger, J.O. *The Jazz Republic: Music, Race, and American Culture In Weimar Germany* / J.O. Wipplinger. – Michigan: University of Michigan Press, 2017. – 311 с.

© Девятова Ольга Леонидовна (sonare-9@inbox.ru), Маукин Всеволод Романович (Vsevolod.Maukin@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЯКУТСКАЯ ОДЕЖДА

Ефимова Екатерина Михайловнакандидат культурологии, доцент,
ФГБОУ ВО «Арктический государственный институт
культуры и искусств»**Пинигина Ольга Николаевна**кандидат педагогических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Арктический государственный институт
культуры и искусств»
shangri_la99@mail.ru

YAKUT CLOTHES

E. Efimova**O. Pinigina**

Summary: The article examines the evolution of traditional Yakut clothing in the context of the historical periods of the development of Yakutia. The analysis includes a description of the materials used and decorative elements of traditional Yakut clothing.

Keywords: traditional clothing, research, samples of Yakut clothing, cut, material, style.

Аннотация: В статье рассматривается эволюция традиционной одежды якутов в контексте исторических периодов развития Якутии. Анализ включает в себя описание используемых материалов и декоративных элементов традиционной одежды якутов.

Ключевые слова: традиционная одежда, исследования, образцы якутской одежды, крой, материал, фасон.

Традиционная одежда является частью вещественной стороны культуры, одним из артефактов, сохраняющим и передающим информацию о духовной культуре этноса, выраженной в универсальном семиотическом комплексе представлений картине мира.

Необходимость изучения картины мира, отраженная в традиционной одежде якутов вызвана следующими причинами: во-первых, разрушение традиционного уклада жизни народа в XX веке, вызвали на рубеже веков ответную реакцию, а именно, инновационные процессы возрождения этнического самосознания народа, интерес к его культурному наследию и древним самобытным традициям.

Материалом для шитья одежды служили выделанная кожа, ровдуга, различные меха. Украшали одежду вышивкой бисером, цветными нитками, аппликацией, нашивали металлические бляшки. Крой и декор одежды соответствовал социальному положению человека и зависел от функции. Одежда должна была соответствовать определенному ритуалу, т.к. была частью этого ритуала. Весь комплекс представлений о мире был воплощен в одежде.

К началу XX в. относятся исследования: Е.С. Ромодановской, В.Н. Васильева, Э.К. Пекарского, Н.А. Попова. В дореволюционный период особое место занимают фундаментальные труды А. Миддендорфа, Р.К. Мака, В.Л. Серошевского, Э.К. Пекарского.

В советский период началось изучение накопленного материала из музейных коллекций и археологических раскопок, архивов, сведений устного народного фольклора. Это исследования Г.А. Попова, М.М. Носова,

Г.Ф. Миллера, С.А. Токарева, А.П. Окладникова, В.П. Дьяконовой, У.М. Поляковой, Л.И. Якуниной, И.Д. Новгородова, И.Г. Березкина, Г.М. Василевич, Н.И. Каплан, В.Ф. Иванова, М. Осиповой, И.С. Гурвич, П.С. Софронеева, Н.М. Калашниковой, Г.А. Плужниковой, А. Зверевой и др. [4].

Более детальному изучению элементов традиционной якутской одежды посвящены некоторые работы, например, Н.Х. Дьяконова рассмотрела обувь, Л. Чубарова - варежки, С.Н. Баснаева - одежду ысыаха. Изучением техники и технологии изготовления одежды якутов занимаются мастерица Е.Е. Аммосова, технолог Л.Н. Расторгуева.

На современном этапе необходимо выделить исследования, в которых традиционная якутская одежда рассматривается как целостное явление, отражающее мировоззрение народа. Одной из первых знаковой функцией традиционной якутской одежды занималась Р.С. Гаврильева.

В ее работе дается общая характеристика, состав, особенности изготовления старинной одежды саха XVII-XVIII вв. Семантике традиционной культуры якутов посвящены работы Е.Н. Романовой. Особенности семантики обрядовой одежды рассматривает С.И. Петрова.

Исторически достоверные образцы декоративно-прикладного искусства и одежды якутов дают археологические материалы дохристианских захоронений конца XVII – середины XVIII вв. хранящиеся в музейных фондах Якутского государственного краеведческого музей им. Ем. Ярославского, Национального художественного музея им. М. Габышева, Музея антропологии и этнографии

им. Петра Великого РАН; Российского этнографического музея. Особое место в исследовательской работе заняли иллюстративные материалы. Их комплексное исследование осуществлялось в нескольких направлениях: сбор эмпирического материала в музеях Республики Саха (Якутия) и России; работа с архивными и иллюстративными документами, историческими коллекциями костюмов и украшений в музейных собраниях [3].

Таким образом, как в науке, так и в художественной практике был накоплен богатый материал, свидетельствующий о значительной роли предметного искусства, частью которого является костюм.

Традиции шитья и украшения одежды якутов-саха складывались постепенно и в течение длительного периода претерпевали разные трансформации в зависимости от изменений образа жизни народа. Особенно строго придерживались традиций в шитье нарядной обрядовой одежды.

По половозрастному признаку традиционную одежду якутов делят на мужскую, женскую и детскую, которые не отличаются по покрою, только размерами, длиной подольной части, декором, причем девичья одежда похожа на мужскую. Одежду пожилых и старых людей якуты не выделяли.

По характеру кроя в якутской одежде присутствуют следующие типы конструкций:

- конструкции с цельнокроеными рукавами и отрезными бочками или вставками (даба);
- конструкции с отрезными рукавами и кокеткой (пальто «бууктаах сон», безрукавка).

Повседневная одежда якутов представлена комплектами для охоты, дороги, работы в доме и вне дома. Ее прагматическая функция выражена в конструкции и материале. Праздничная одежда предназначалась для проведения ритуалов свадьбы, Ысыаха.

Рассматривая конкретные образцы якутской одежды необходимо обратить внимание на:

- 1) материал (фактура)
- 2) фасон
- 3) детали костюма и отделки.

Самые ранние археологические находки, в основном, относятся к концу XVII - началу XVIII вв. Таким образом, более правомерно, на наш взгляд, как архаический, доисторический период рассматривать именно этот временной отрезок. С середины XVIII в. до начала XIX в. можно выделить промежуточный период, когда в одежде присутствуют архаические и новые черты.

Соответственно с этим якутскую одежду по времени

и по изменению образа жизни делим;

1. Традиционная архаичная якутская одежда (до середины XVIII века);
2. Традиционная якутская одежда переходного периода (с середины XVIII в. до начала XIX в.);
3. Традиционная якутская национальная одежда (с начала XIX до начала XX века);
4. Одежда советского периода (20-80-е годы XX века),
5. Возрождение традиционной якутской одежды в постсоветский период (с 90-х годов XX века).

Одежда этих периодов отличается по использованию материалов: ровдуга, в основном, в первом, различные покупные ткани во втором и, особенно, третьем, и способам декорирования.

По мнению Р.С. Гаврильевой, главным своеобразием старинной одежды

народа саха следует считать многосоставность ее комплектного набора, что вполне соответствовало мобильному образу жизни полукочевых-полуоседлых якутских родов. Еще одна особенность архаичной одежды - комбинированное использование различных меховых, кожаных и, изредка, тканых материалов (шерстяного сукна, хлопчатобумажных и шелковых тканей). Одежда данного периода была целесообразна и удобна по крою, красива по декоративному решению и цветовому сочетанию [2].

Благородный бежево-охристый колер, характерный для костюма саха, создавался природными красителями или натуральными цветами меха, кожи и замши, из которых шили одежду, оживляя ее медными украшениями и перфорированной отделкой из материалов различной фактуры, разноцветной вышивкой растительных орнаментов.

Для одежды переходного периода характерно одновременное существование архаических элементов декора, кроя и новых привозных материалов. Уже в середине XVIII века в материальной культуре якутов происходят большие изменения. Интенсивнее становится взаимный экономический и культурный обмен среди народов России, взаимовлияние и проникновение их культур. Это оказало сильное влияние и на эволюцию народной художественной традиции.

В этот период заметны заимствования из русской культуры, появление новых конструктивных элементов. В одежде отражается усилившаяся социальная дифференциация якутского общества, касающаяся в основном богато декорированной привозными материалами верхней одежды. Появляются новый крой шубы, шелковые платья и безрукавки. Все редкие и дорогие виды

Меха составляли специфические особенности одежды XVIII столетия. Более зажиточная часть населения стремилась одеться пороскошнее и поприхотливее. Ткань встречается редко, у наиболее богатых якутов. Сорта ткани очень ограничены: грубое сукно, торго, даба, холст и шелк. Шелк двух видов: желтый и светло-зеленый. Шелк шел на постельное белье и отделки костюма. Сукно, торго и даба - на парадные шубы и камзолы. Менее нарядная одежда покрывалась ровдугой [1, с. 2]. Приобретаются такие новые материалы у приезжих купцов. «Очень высоко ценились на купеческом рынке бухарские, индийские и китайские шелкопрядные материалы, различные жемчуга. Индийские и китайские коралловые, стеклянные, фарфоровые и самоцветные бисер и бусы. Китайская хлопчатобумажная ткань даба синего и желтого цвета шла на нательную одежду. А шелковые ткани - камка, муар, пике, газ, парча, с рисунками в виде ажурных разводов, цветочных, растительных мотивов и мотивов животного мира, использовались исключительно

для отделки нарядной одежды богатых якутов» [2, с. 11].

Якутская одежда XIX в. несколько эклектична. В ней причудливо переплетаются и уживаются местные национальные особенности покроя и декора традиционной одежды конца XVII - начала XVIII века с элементами влияний. В деталях фасона народной одежды господствует своеобразный стиль, выражающийся в пышных формах рукавов с высокими буфами у плеча, с особым вычурным клином с фигурным разрезом *кокуруо оноо* (горообразный разрез), оставленный в надрезе у линии талии. В деталях – покрой русских армяков и зипунов, а также в некоторой степени европейского камзола. Одежда становится значительно длиннее.

Для традиционной одежды саха, в целом, характерны многосоставность, комбинированность материалов, соответствие климатическим условиям. К этому необходимо добавить такие черты, как вариативность, взаимодополняемость частей комплекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеев В.Н. Семиотика/Владимир Агеев. - М: Весь мир, 2002. - 254 с.
2. Гаврильева П.С. Одежда народа Саха конца XVII- середины XVIII века / П.С. Гаврильева. - Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1998.-144 с, ил.
3. Ефимова Е.М. Семантический аспект традиционной картины мира якутов / Е.М. Ефимова // Культурное пространство Восточной Сибири Монголии: материалы международной научно-практической конференции. В 3 т. - Т.3. - Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2004. - С. 62-65.
4. Ефимова Е.М. Семантика картины мира якутов в традиционной одежде: автореферат дис. ... кандидата культурологии: 24.00.01 / Ефимова Екатерина Михайловна; [Место защиты: Вост.-Сиб. гос. акад. культуры и искусств]. - Улан-Удэ, 2009. - 20 с.
5. Ефимова Е.М. Семантика картины мира якутов в традиционной одежде: специальность 24.00.01 «Теория и история культуры»: диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии/ Ефимова Екатерина Михайловна.-Улан-Удэ, 2009-189 с.

© Ефимова Екатерина Михайловна, Пинигина Ольга Николаевна (shangri_la99@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РАЗВИТИЕ КРЕАТИВНОСТИ В ИСПОЛНЕНИИ НА ФОРТЕПИАНО: СТРАТЕГИИ И ВЫЗОВЫ

Лю Хуайчжун

Доктор наук, Национальный Университет Андонг, Китай

568784866@qq.com

DEVELOPING CREATIVITY IN PIANO PERFORMANCE: STRATEGIES AND CHALLENGES

Liu Huaizhong

Summary: The article discusses the main factors and principles for the development of students' creativity in piano performance practice. The concept of "creativity" is considered, factors and pedagogical principles influencing the development of students' creative abilities are identified. To achieve a comprehensive understanding and deep familiarity with the art of piano music, innovative approaches and teaching strategies must be used.

Keywords: piano, performance, creativity, development, Creative skills.

Аннотация: В статье рассмотрены основные факторы и принципы развития креативности учащихся в исполнительской практике на фортепиано. Рассмотрено понятие "креативность", выявлены факторы и педагогические принципы, влияющие на развитие творческих способностей учащихся. Для достижения всестороннего понимания и глубокого ознакомления с искусством фортепианной музыки необходимо применять инновационные подходы и стратегии обучения.

Ключевые слова: фортепиано, исполнительство, креативность, развитие, творческие способности.

Введение

Музыка, как форма изобразительного искусства, является объектом особого интереса для исследования в контексте ее влияния на психологические и культурные аспекты человеческой жизни. Непрерывное изучение музыкального искусства позволяет раскрыть ее роль в процессе формирования личности и воздействия на эмоциональное, когнитивное и поведенческое функционирование человека. Одной из центральных задач в обучении музыкантов является создание условий для передачи и усвоения музыкальных знаний и навыков, стимулирующих разностороннее развитие человеческой индивидуальности.

Одной из главных целей музыкального образования является разностороннее развитие учащихся и ознакомлении с богатым культурным наследием мировой музыки. Педагогический процесс направлен на формирование у детей чувства эстетического восприятия, овладение навыками игры на музыкальных инструментах, а также развитие ключевых умений, включая транспонирование, слуховое восприятие, чтение нотного текста с листа, участие в ансамблях и аккомпанирование. Фортепианная педагогика акцентирует внимание на различных методах, формах и техниках обучения фортепианной музыке. Активное развитие музыкальных способностей через практическую деятельность способствует стимуляции воображения и творческой инициативы учащихся.

Основные результаты

Биографии великих композиторов свидетельствуют о том, что импровизация являлась активным проявлением творческой фантазии и требовала глубокого понимания музыкальной теории и систематической тренировки. Одним из ключевых факторов в данном процессе являлось изучение произведений предшествующих музыкантов еще со школьных лет.

Расцвет пианистических школ, обусловленный новыми направлениями в музыкальном искусстве, значительно повлиял на профессиональное обучение. Однако, до сих пор в начальной стадии обучения игре на фортепиано присутствовали ошибочные подходы. В частности, распространена была точка зрения о том, что начальное обучение должно было быть ограничено лишь техническими навыками, в то время как музыкальность должна была появиться со временем. Тем не менее, современные методики постепенно проникли и в эту область.

Повышенные требования к выразительности исполнения и широкий спектр приемов для достижения этой выразительности ведут к разработке трудов, которые научно обосновывают систему различных техник игры на фортепиано. В этих работах акцент делается на развитие быстрых пальцевых движений и исследование всех возможностей инструмента. Однако в таких работах слишком много внимания уделяется лишь "естественно физиологическим" основам движения, что отклоняет от необходимых приемов игры, способных претворить в жизнь художественные образы.

Каждый ребенок обладает своим неповторимым набором способностей и талантов, которые уже проявляются в раннем детстве, когда они привлекаются к новому и стремятся к обучению. Уникальный творческий потенциал ребенка присутствует с рождения и является неотъемлемой частью его развития. Развитие творческих способностей является ключевым для детей, чтобы они могли вести насыщенную и интересную жизнь.

Формирование творческой индивидуальности в школе играет важную роль в полноценном развитии личности. Люди, которые постоянно интересуются творчеством и могут реализовать свой творческий потенциал, более легко адаптируются к изменяющимся условиям жизни, успешно достигают своих целей и находят собственный стиль в своей деятельности. Процесс творчества способствует тренировке и развитию памяти, мышления, активности, наблюдательности, стремлению к достижению целей, логике и интуиции. В музыке важную роль играет соединение эмоций и мышление. «Творчество предполагает активное развитие воображения, способность быстро принимать решения и аналитическое мышление» [5, с. 37].

Выражение и раскрытие своих способностей является важной составляющей использования человеческого потенциала. В этом контексте можно выделить два вида способностей: общие и специальные. Общие способности определяют уровень и характер любого познавательного процесса. В отличие от них, специальные способности проявляются в успешном выполнении конкретных задач. Под интеллектом в данном случае понимается общая способность, проявляющаяся в различных сферах деятельности, в то время как специальные способности определяют эффективность в определенных областях.

Рассмотрим понятие «творческие способности» и их значимость. В настоящее время разделяют общие умственные способности на два вида: познавательные и творческие. Однако, исследователь В.Н. Дружинин разделил общие способности на «интеллектуальные (способность решать проблемы), обучаемость (способность усваивать знания) и креативность (другие концепции предлагают различное определение) - это общая способность к творчеству и преобразованию». [2, с.98].

В настоящее время не существует единого взгляда на то, что такое креативность. Однако, все исследователи соглашаются в одном, что креативность является частью общей одаренности и проявлением развития определенных способностей.

Один из важных факторов, подтверждающих самостоятельность креативного процесса, – это отдельное доказательство того, что он отражает уникальную психо-

логическую реальность, которая не является частью других характеристик, особенно общего интеллекта. Связь между креативностью и интеллектом была основным аргументом в пользу идеи, что креативность является неотъемлемой частью общих умственных способностей.

Творчество неразрывно связано с когнитивными функциями, такими как воображение, память и внимание. Данные способности играют ключевую роль в процессе усвоения знаний и развития навыков. Взаимосвязь между ними содействует раскрытию потенциала и достижению успехов. Творческая способность проявляется как в академической сфере, так и в творческой деятельности, включая создание культурных объектов, разработку новых идей и изобретений.

Изучение творческих способностей осуществляется с разных точек зрения. С одной стороны, они могут быть врожденными и неизменными на протяжении жизни, а с другой — подверженными изменениям и развитию. Основу общих способностей составляют свойства нервной системы, известные как задатки, которые способны определить креативность в индивидуальном развитии. Тем не менее, связь между пластичностью нервной системы и креативностью все еще представляет объект исследования.

Также исследования обращают внимание на роль бессознательных процессов и функциональной асимметрии мозга в творческом процессе. Например, люди с преобладающей стратегией мышления левого полушария могут быть менее креативными, чем те, у кого преобладает стратегия правого полушария.

Окружающая среда также оказывает существенное влияние на креативность. Межкультурные исследования показывают, что культурные особенности влияют на проявление креативности. А её развитие зависит от культурных влияний, которым подвергается ребенок в процессе воспитания.

Необходимо отметить, что процесс развития креативности не является постоянным и непрерывным. В ситуациях стресса и при возникновении новых требований ее временно может снизиться. Однако, благодаря специальному обучению, спад развития креативности может быть преодолен в любом возрасте.

«В процессе обучения фортепиано происходит развитие творческого мышления. Этот процесс проходит поэтапно. На первом этапе ученик осваивает основные навыки игры на инструменте: он учится правильно держать руки, нажимать на клавиши, и изучает базовые профессиональные приемы. На втором этапе, когда ученик изучает более сложные музыкальные произведения, его эмоциональная и образная палитра расширяется» [3,

с. 101). Это открывает возможность для совместной работы с преподавателем по решению различных творческих задач, связанных с музыкой. Ученик начинает улавливать и передавать эмоциональное содержание музыки. И, наконец, на третьем этапе, когда ученик выступает в роли исполнителя, он приобретает способность самостоятельно решать творческие задачи. Он может вносить свои собственные интерпретации и находить собственный стиль игры.

Музыкальный исполнитель обладает глубокой чувствительностью к образно-выразительной стороне музыки, что отражается в его мышлении. Он в состоянии передать внутренний звук на инструменте с наивысшей точностью. Исследования показывают, что выполнение более сложной и самостоятельной работы способствует развитию более сложного и гибкого мышления. Музыкальное мышление охватывает такие аспекты, как мелодия, ритм, гармония, контрапункт, тембровая окраска, артикуляция и принципы формообразования. Чтобы полностью понять музыкальное произведение, необходимо анализировать интонационные и ритмические процессы, а также процессы, связанные с тональностью и гармонией. «Усвоение объективных закономерностей искусства способствует развитию творческого мышления у учеников и позволяет им раскрыть свой потенциал в музыкальной сфере» [1, с. 45]

Преподаватели играют значительную роль в развитии творческих способностей учеников. Поддержка естественного творческого процесса, активная поддержка и развитие конструктивных личностных качеств помогают детям сохранять интерес в своих идеях и экспериментах, осознавать важность самостоятельных исследований для личностного развития. Педагоги, обладающие этими качествами, могут непосредственно влиять на творческое исследовательское отношение ребенка к самому себе и окружающему миру, способствуя развитию творческого мышления у учеников.

Согласованный и поддерживающий подход педагога к творчеству детей включает следующие принципы:

1. Поддержка самостоятельности ученика;
2. Уважение точки зрения ученика;
3. Внимание и поддержка действиям, когда ученик хочет изображать что-то по-своему;
4. Предоставление ученикам возможностей для свободного творчества в различных формах: пения, игры на инструменте, рисования, сочинения рассказов и стихов;
5. Избегать критического мнения над необычными образами, словами или движениями ребенка, чтобы не подавлять их желание экспериментировать и искать самостоятельно;
6. Участвовать в творческой прецеденте совместно с учеником;

7. Использование разнообразных занимательных заданий, направленных на развитие различных творческих способностей;
8. Ориентироваться на достижениях ученика в качестве ориентира в дальнейшей творческой деятельности;
9. Поддержка положительного эмоционального настроения как у ребенка, так и у преподавателя.

Методы развития творческих способностей учащихся включают:

1. Создание уникального нотного текста путем добавления подголосков;
2. Использование варьирования, чтобы придать новое звучание музыке;
3. Сочинение мелодии, соответствующей выбранному тексту;
4. Создание сопровождения к уже существующей мелодии;
5. Досочинение музыкальных фрагментов;
6. Добавление своего ритмического рисунка к музыке;
7. Редактирование нотного текста для улучшения его звучания и выразительности;
8. Импровизация для развития свободного и творческого музицирования.

Одним из важных аспектов формирования музыкальности является последовательное преодоление всех этапов развития учащихся без пропусков. Они должны не только научиться передавать музыку, но и создавать ее. Это подразумевает понимание процесса создания музыки и формирования музыкальной идеи. Однако знакомство с правилами и понятиями должно быть подтверждено практическим применением.

Процесс обучения начинается с восприятия информации и усвоения знаний на уровне развития учеников. Затем они могут применять полученные знания в новых условиях, выполняя творческие задания. Важным показателем развития творческого мышления является способность учеников создавать собственные версии ритмических или мелодических рисунков.

Перед преподавателем стоит задача в организации творческой деятельности, где присутствует поддержка и стимулирование желания учащегося к самостоятельной творческой работе.

Творческая активность младших учащихся отличается отсутствием стереотипов и шаблонов мышления, хорошим воображением, а также способностью находить взаимосвязь музыки с другими видами искусства. Таких учеников достаточно легко вовлечь в творческий процесс. Но их творческие способности требуют поддержки и развития преподавателя, который может направить

их деятельность и предложить различные возможности для воплощения творческих идей.

На данном этапе обучения наиболее уместными заданиями для развития творческих способностей ученика являются:

1. Метро-ритмическая импровизация;
2. Сочинение попевок на заданные стихи;
3. Музыкальная импровизация, как иллюстрация к сказкам или различным историям;
4. Сочинение музыки на основе изобразительного искусства;
5. Редактирование нотного текста.

Заключение. Данное исследование нацелено на решение существующей проблемы, связанной с развитием детского творчества в современной педагогике. В сложных социальных условиях и отсутствии поддержки среды, творчество играет важнейшую роль в нашей жизни. Возможность преодоления трудностей и открытия новых горизонтов всегда связана с оригинальным и творческим подходом к решению задач и отказом от устаревших методов. Особые методики и формы обучения могут

стимулировать развитие творческих способностей и повышать качество образования.

Разумеется, знания, умения и навыки являются важными компонентами творческого процесса. Однако истинная сущность творчества заключается не только в их усвоении, но и в правильном их использовании как инструментов для открытия новых путей, закономерностей и подходов.

Формирование творческих способностей у детей через искусство, в том числе и игра на фортепиано в музыкальной школе, становится одной из основных задач в области музыкального развития детей. «Музыкальная культура может быть определена как индивидуальное творческое проявление, осуществляемое через различные художественные формы деятельности» [4, с. 60]. Способность детей к созданию новых, оригинальных и высококачественных проявляется особенно активно, когда музыка перестает быть внешним фактором и становится внутренним выражением и проявлением их собственной индивидуальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баренбойм Л.А. «Вопросы фортепианного исполнительства и педагогики», М., 1968, 327 с.
2. Богоявленская Д.Б. «Психология творческих способностей» М., , 2002, 257 с.
3. Выготский Л.С. «Психология искусства», М. 1991, 270 с.
4. Кинарская Д.К. «Музыкальные способности», М., 2004, 150 с.
5. Киселева Е.А. «Основные концепции творческих способностей» Ч., 2000, 90 с.

© Лю Хуайчжун (568784866@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АНАЛИЗ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ОСНОВНЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ КИНОСТУДИЙ И НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЕЕ УРОВНЯ

Синельщикова Ольга Дильшатовна

Продюсер, AN Media
sinelshikova@gmail.com

ANALYSIS OF THE COMPETITIVENESS OF THE MAIN EUROPEAN FILM STUDIOS AND DIRECTIONS FOR IMPROVING ITS LEVEL

O. Sinelshchikova

Summary: The need to assess the competitiveness of business entities is due to the search for competitive advantages, as well as omissions in the activities in order to develop a competitive strategy by the business entity and the effective use of competitive advantage.

International competition in the field of cinematography is a special form of interaction in the world film market between national and foreign producers in order to ensure better opportunities for the sale of domestic film products abroad, as well as obtaining the greatest profit for business entities of film exhibition while maintaining the originality of domestic cinema and increasing the quality of film products of the national film industry.

The relevance of studying the competitiveness of film studios is to assess what factors influence the activities of film companies and what characteristics distinguish a truly strong film company from a weak one. This aspect is important for producers when choosing a project.

The purpose of the article is to analyze the competitiveness of the main European film studios and directions for improving its level.

The practical significance of the study is that identifying the most competitive film studios will allow the producer to produce his project with the lowest production costs and make his project the most profitable.

Keywords: European film studios, competitiveness, analysis, areas for improvement.

Аннотация: Необходимость оценки конкурентоспособности субъектов хозяйствования обуславливается поиском конкурентных преимуществ, а также упущений в деятельности с целью выработки хозяйствующим субъектом конкурентной стратегии и эффективным использованием конкурентного преимущества.

Международная конкуренция в сфере кинематографии представляет собой особую форму взаимодействия на мировом кинорынке между национальными и зарубежными производителями в целях обеспечения лучших возможностей сбыта отечественной кинопродукции за рубежом, а также получения наибольшей прибыли киностудиями при сохранении самобытности отечественного кино и росте качества кинопродукции национальной киноотрасли.

Актуальность изучения конкурентоспособности киностудий заключается в том, чтобы оценить, какие факторы влияют на деятельность кинокомпаний и какие характеристики отличают по-настоящему сильную кинокомпанию от слабой. Данный аспект является важным для продюсеров при выборе проекта.

Цель статьи – проанализировать конкурентоспособность основных европейских киностудий и направления повышения ее (конкурентоспособности имеется в виду) уровня.

Практическая значимость исследования заключается в том, что определение наиболее конкурентоспособных киностудий позволит продюсеру произвести свой проект с наименьшими производственными затратами и сделать свой проект наиболее прибыльным.

Ключевые слова: европейские киностудии, конкурентоспособность, анализ, направления повышения.

Введение

Анализ конкурентоспособности киностудий направлен на объединение существующих сильных сторон, выявление и преодоление слабых сторон, а также планирование будущей конкурентоспособности [1].

Целью анализа является изучение преимуществ и распространённых недостатков в области конкурентоспособности в Европе и политики, направленной на повышение конкурентоспособности.

Материалы и методы исследования

В исследовании использовались аналитические ме-

тоды исследования, методы экономического анализа и анализа конкурентоспособности: выявление сильных и слабых сторон, возможностей и угроз для европейских киностудий.

Результаты и обсуждение

Studio Babelsberg AG, расположенный в Потсдам-Бабельсберге, недалеко от Берлина, является старейшей крупной киностудией в мире и крупнейшей в Европе. Её площадь составляет более 25 000 квадратных метров [2].

С начала XXI века было снято множество известных фильмов, в том числе «Бесславные ублюдки», «Валькирия», «V — значит вендетта» и «Отель Гранд Будапешт».

Чешская киностудия Barrandov Studios – это самая известная европейская «фабрика грез», о которой слышали во всем мире. Она была основана еще в 1921 году. Ее создателями являются 2 родных брата – Вацлав Гавел, сын которого станет первым президентом Чехии и Милош Гавел. Они выбрали для постройки пригород Праги – Баррандов. Этот небольшой район получил свое название от известного палеонтолога Франции. Чешская киностудия стала аналогом американского Голливуда [3].

Nu Boyana — одна из ведущих киностудий Европы, располагающая самыми современными помещениями, новейшим оборудованием для съёмок и освещения, а также высококвалифицированными съёмочными группами [4].

Имея более чем 55-летний опыт работы в киноиндустрии, студии предоставляют услуги по производству и постпродакшну на мировом уровне.

Korda Studios – это суперсовременная венгерская киностудия, расположенная в 30 километрах к западу от Будапешта в винодельческой деревне Этьек. Студию открыли относительно недавно - в 2007 году. Здесь проходят съемки многих голливудских и европейских картин [5].

Студия MediaPro с 1998 г. входит в самый крупный медиахолдинг Румынии – MediaPro, принадлежащий Adrian Sârbu; в его составе – киностудия, телекомпания, Интернет-бизнес, продакшн компания, фирма, специализирующаяся на производстве спецэффектов и т.д. [6].

Студия MediaPro расположена недалеко от Бухареста, что делает ее доступной для кинопроизводителей и удобной, с точки зрения близости и к городу, и к природным объектам для съемок. Студия предлагает 19 современных павильонов, среди которых стоит отметить два павильона трансформера общей площадью более 4 тыс. кв. м. и несколько водных бассейнов.

В 1948 году, на основе двух производств, была создана Рижская студия (Латвийская киностудия) художественных и хронико-документальных фильмов, сегодняшнее название получила в 1958 году. На «счете» киностудии более 180 художественных и документальных фильмов.

Литовская киностудия была основана под названием «Каунасская киностудия» в 1940 году в Каунасе, Литовская ССР. В 1949 году была перебазирована в Вильнюс и стала называться «Литовской киностудией хроникально-документальных фильмов».

Киностудия в Литве — крупнейшая киностудия в Литве с двумя съёмочными площадками, большой тер-

риторией для съёмок и всего в 25 минутах езды от центра столицы Вильнюса. Киностудия стала местом съёмок многих известных международных фильмов и рекламных роликов благодаря своему расположению, съёмочным площадкам [7].

Средиземноморская киностудия, или MFS, — это сердце киноиндустрии Мальты. С 1964 года MFS выпустила сотни фильмов, телесериалов и мини-сериалов, рекламных роликов, музыкальных клипов и мероприятий, большинство из которых снималось на воде [8].

Компания MFS известна во всём мире благодаря двум большим резервуарам для съёмок под водой, своему опыту в создании морских спецэффектов и мастерству своих специалистов, которые могут изготовить любой реквизит или декорации по индивидуальному заказу.

В таблице 1 представлен объем выручки проданных услуг киностудий составили за 2022 – 2023 годы.

Таблица 1.

Объем выручки от проданных услуг киностудий в 2022-2023 гг.

Киностудия	Выручка, млн. евро	
	2022 год	2023 год
Studio Babelsberg AG	117,7	72,1
Barrandov Studios	86,5	74,3
Nu Boyana Film Studios	34,8	35,9
Korda Studios	5,8	4,2
MediaPro Studios	2,7	3,1
Рижская киностудия	0,8	0,6
Литовская киностудия	1,9	1,3
Mediterranean Film Studios	3,8	4,2

В 2022 году киностудия Studio Babelsberg AG заработала 117,7 миллионов евро, что является самым высоким показателем среди всех киностудий. На втором месте по выручке оказалась киностудия Barrandov Studios с 86,5 миллионами евро. Следом за ней идут Nu Boyana Film Studios с результатом в 34,8 миллионов евро. Наименьшую выручку в 2022 году показала Литовская киностудия с 1,9 миллионами евро.

В 2023 году картина изменилась. Studio Babelsberg AG заняла второе место, заработав 72,1 миллиона евро. В то время как Barrandov Studios вышла на первое место, увеличив выручку до 74,3 миллионов евро. Nu Boyana Film Studios также увеличили свои доходы до 35,9 миллионов евро. Наименьший результат в 2023 году показала киностудия Рижская киностудия с 0,6 миллионами евро.

На рисунке 1 представлена динамика выручки кино-

студий за 2022 – 2023 годы.

Рыночные доли кинокомпаний в зависимости от полученной выручки представлены на рисунке 2.

Процентное распределение долей в киностудиях выглядит следующим образом: Barrandov Studios занимают 38%, Studio Babelsberg AG - 37%, Nu Boyana Film Studios – 18%, Mediterranean Film Studios – 2%, Korda Studios – 2%,

Литовская киностудия – 0,7%, MediaPro Studios – 1,5%, Рижская киностудия – 0,3%.

Для определения уровня конкурентоспособности кинокомпаний в таблице 2 отражены их основные сильные и слабые стороны.

Таким образом, Barrandov Studios предлагает работу в режиме «one stop shop» с 14 современными павильо-

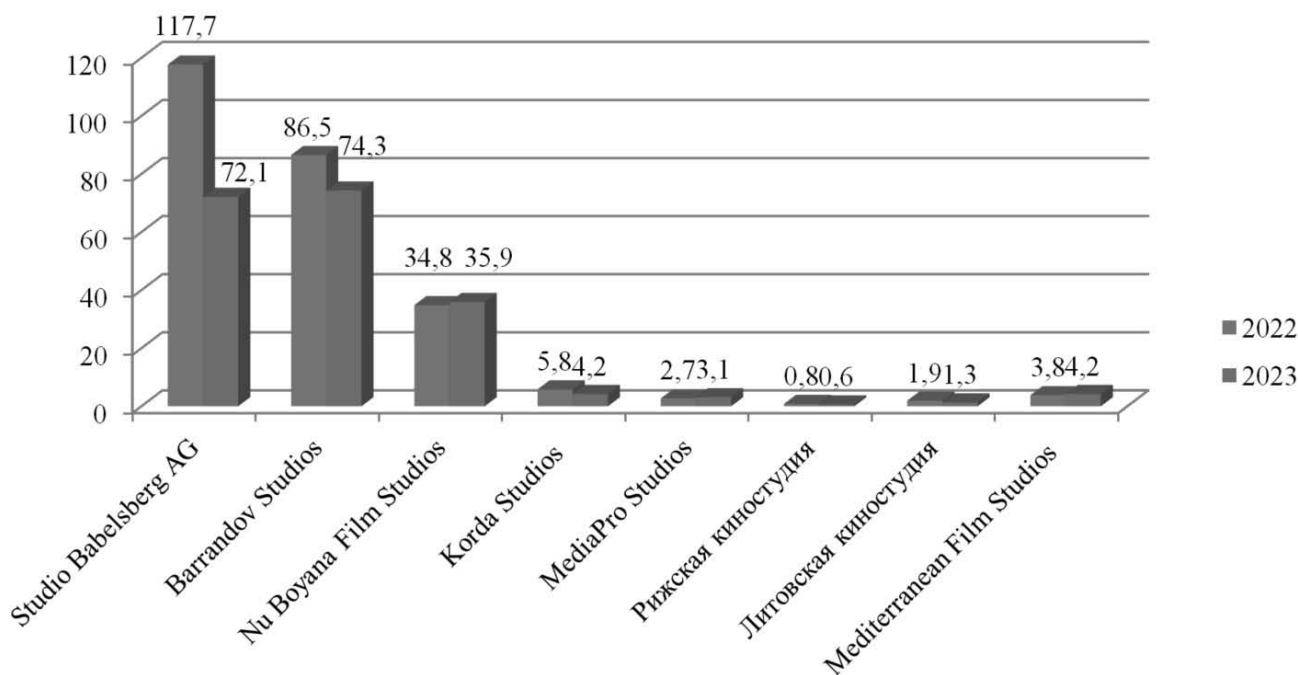

Рис. 1. Динамика выручки киностудий за 2022 – 2023 годы, млн. евро

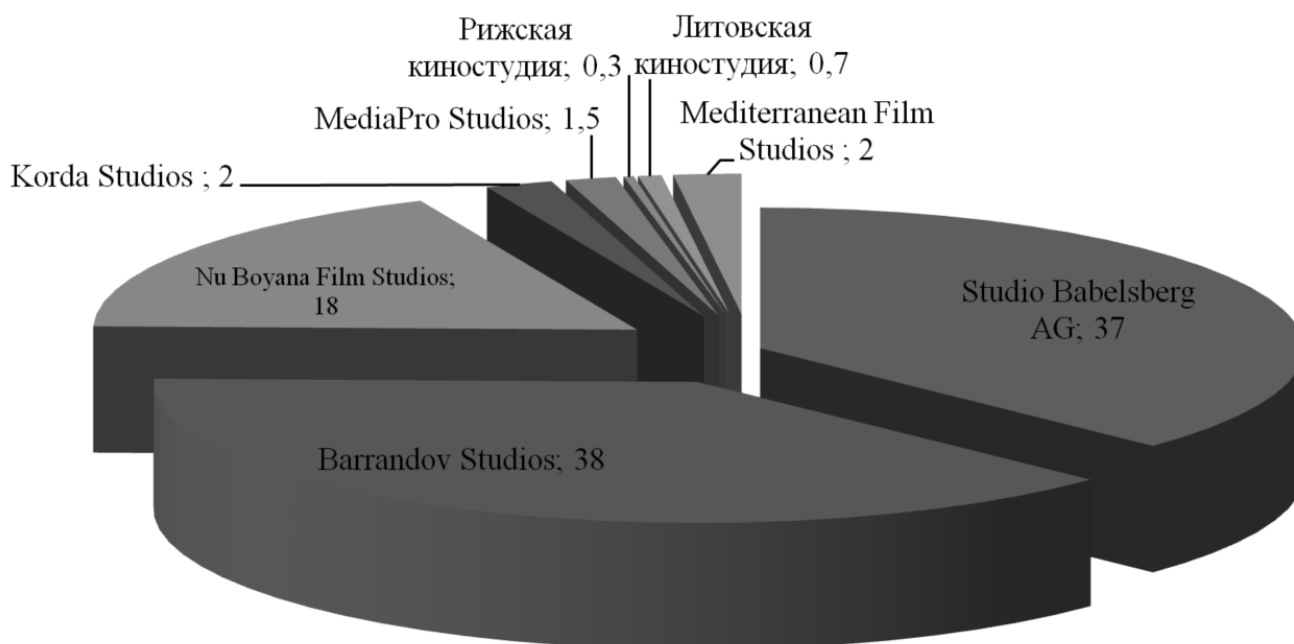

Рис. 2. Рыночные доли кинокомпаний в зависимости от полученной выручки в 2023 году, %

Таблица 2.

Сильные и слабые стороны кинокомпаний.

Киностудия	Сильные стороны	Слабые стороны
Studio Babelsberg AG	Второй по величине киностудийный комплекс в Европе (после Pinewood). Модернизированные павильоны и современное оборудование.	Стоимость рабочей силы выше, чем в Восточной Европе. В связи с особенностями индустрии, спрос на производственные мощности подвержен колебаниям, зависит от наличия проектов.
Barrandov Studios	Работа в режиме «one stop shop». 14 современных павильонов общей площадью 17400 кв.м. и современное оборудование. Крупнейший в Европе фонд реквизита/костюмов для съемок исторических фильмов.	Зависимость всего бизнеса от высокобюджетных проектов. Дороговизна услуг киностудии для чешских кинопроизводителей.
Nu Boyana Film Studios	Современное оборудование. Востребованные натурные площадки. Опыт в реализации высокобюджетных фильмов.	В связи с особенностями индустрии, спрос на производственные мощности подвержен колебаниям, зависит от наличия проектов.
Korda Studios	Самая современная студия в Венгрии. Отсутствие рентал хауса (минимум рисков) при наличии оборудования у партнеров	Отсутствие собственного подразделения линейного продюсирования. Отсутствие загрузки павильонов.
MediaPro Studios	Связи в Голливуде. Расположена в центре Будапешта. Наличие партнеров в группе, которые предоставляют услуги продюсирования, оборудование.	-
Рижская киностудия	Наличие 3-х больших павильонов, собственного участка земли в 10 га для съемок на улице, сравнительно дешевые реквизит и костюмы.	Отсутствие подразделения продюсирования. Отсутствие современного оборудования. Неанглоязычный персонал.
Литовская киностудия	Англоговорящие и немецкоговорящие специалисты, имеющие опыт работы с международными проектами.	Отсутствие пост-продакшна и своей лаборатории по обработке киноплёнки.
Mediterranean Film Studios	Предоставляет услуги для водных съемок со спецэффектами, имеет большой опыт работы и мощности, способные обслуживать проекты любой сложности. Уникальные бассейны у моря с линией горизонта.	Оборудование весьма изношено, амортизировано как в финансовом, так и в физическом смысле.

нами общей площадью 17400 кв.м. и современным оборудованием. Стоимость рабочей силы в этой киностудии выше, чем в Восточной Европе из-за модернизированных павильонов и современного оборудования Studio Babelsberg AG, второго по величине киностудийного комплекса в Европе (после Pinewood). Спрос на производственные мощности в Barrandov Studios подвержен колебаниям из-за особенностей индустрии и зависит от наличия проектов.

Венгрия представляет самую современную студию - Korda Studios. Зависимость от крупных проектов становится явной для чешских кинопроизводителей из-за высокой стоимости услуг киностудии. Nu Boyana Film Studios обладает современным оборудованием и пользуется популярными натурными площадками. Опыт в реализации дорогостоящих фильмов приносит свои плоды, но спрос на производственные мощности колеблется в зависимости от наличия проектов. Минимизация рисков осуществляется путем отсутствия собственного рентал хауса и подразделения линейного продюсирования.

В центре Будапешта находится MediaPro Studios, которые имеют связи в Голливуде. У них есть компании-партнеры, предоставляющие услуги линейного продюсирования и оборудование. Рижская киностудия обладает 3 большими павильонами, участком земли для съемок на улице и доступными реквизитами и костюмами. Однако у них нет собственного подразделения линейного продюсирования и современного оборудования, а также работает неанглоязычный персонал. Литовская киностудия, в свою очередь, имеет квалифицированных англоговорящих и немецкоговорящих специалистов с опытом работы над международными проектами. Однако у них отсутствует пост-продакшн и собственная лаборатория по обработке киноплёнки.

Студия MFS, известная как Mediterranean Film Studios, специализируется на создании уникальных водных съемок с применением спецэффектов. Они обладают огромным опытом работы и мощным оборудованием, способным обслуживать проекты любой сложности. У студии есть бассейны у моря с удивительной линией горизонта,

Возможности и угрозы кинокомпаний.

Киностудия	Возможности	Угрозы
Studio Babelsberg AG	Близость профессиональных и современных ренал хаусов (ARRI Rental в Берлине), которым доступны все последние разработки в области съемочной техники. Квалифицированные англоязычные специалисты, уже имеющие опыт работы над американскими блокбастерами.	Ограниченность времени существования DFFF может подвергнуть риску схему привлечения «мягких денег» в голливудские проекты. Конкуренция со стороны других Европейских стран, которые начали активно копировать немецкую и французскую модели взаимоотношений государства.
Barrandov Studios	Близость профессиональных и современных ренал хаусов, которым доступны все последние разработки в области съемочной техники. Благоприятная политика мэрии в отношении съемок фильмов в Праге.	Конкуренция со стороны других Европейских стран, вводящих программы поддержки кинопроизводителей (Венгрия, Германия, Великобритания). Повышение уровня цен в Чехии на услуги гостиниц и сервисы.
Nu Boyana Film Studios	Цены в Болгарии ниже, чем в странах Центральной и Восточной Европы. Простота получения разрешения на съемки.	Конкуренция со стороны других Европейских стран, вводящих программы поддержки кинопроизводителей.
Korda Studios	Выгодная и понятная система налоговых льгот. Красивые исторические места, пригодные для съемок фильмов о Европе 18-19 вв.	Жесткая конкуренция. Недостаток квалифицированного съемочного персонала.
MediaPro Studios	Опыт работы над американскими и английскими фильмами у местных продюсеров. Выгодная и понятная система налоговых льгот.	Жесткая конкуренция. Недостаток квалифицированного съемочного персонала.
Рижская киностудия	Колоритная архитектура Латвии и многообразие ландшафтов, пригодных для съемок о Европе 18-19 вв. Варьируемые расценки на предоставления услуг и аренду павильонов и земли.	Жесткая конкуренция со стороны других европейских киностудий. Недостаток квалифицированного съемочного персонала.
Литовская киностудия	Колоритная архитектура Литвы и живописные природные пейзажи, пригодные для съемок о Европе 18-19 вв. Богатый исторический центр Вильнюса.	Жесткая конкуренция со стороны других европейских киностудий.
Mediterranean Film Studios	Стоимость технического персонала на Мальте ниже, чем в Великобритании, Франции, Испании и Италии. Значительная декларированная поддержка государством и наличие налоговых стимулов, благодаря которым с экономической точки зрения. Мальта является привлекательной страной для съемок кино-, теле и рекламной продукции. Выгодное местоположение, большое число солнечных дней в году.	Конкуренция со стороны других Европейских стран, имеющих программы поддержки кинопроизводителей и более развитую съемочную инфраструктуру (мощности, павильоны, ренал-хаусы).

которые создают идеальные условия для съемок. Однако оборудование, используемое в студии, находится в плохом состоянии и изношено.

Studio Babelsberg AG предоставляет возможности благодаря близости профессиональных и современных ренал хаусов (ARRI Rental в Берлине), где доступны все последние разработки в области съемочной техники. Квалифицированные англоязычные специалисты уже имеют опыт работы над американскими блокбастерами. Однако ограниченность времени существования DFFF может подвергнуть риску выгодную схему привлечения «мягких денег» в голливудские проекты.

В Праге благоприятная политика мэрии относительно съемок фильмов, а также близость профессиональ-

ных и современных ренал хаусов, предоставляющих доступ ко всем последним разработкам в области съемочной техники, способствуют конкуренции со стороны других европейских стран, включая Венгрию, Германию и Великобританию, которые также начали активно копировать немецкую и французскую модели взаимоотношений государства и киноиндустрии. Уровень цен на услуги гостиниц и сервисы в Чехии также повышается.

В Болгарии цены ниже, чем в других странах Центральной и Восточной Европы, что делает ее привлекательным местом для съемок. Система налоговых льгот в Korda Studios является выгодной и понятной. Сильная конкуренция со стороны других европейских стран, предлагающих программы поддержки кинопроизводителей, стимулирует развитие индустрии. В Nu Boyana

Film Studios легко получить разрешение на съемки, что также привлекает местных и зарубежных продюсеров. Недостаток квалифицированного съемочного персонала является проблемой, но опыт работы над американскими и английскими фильмами у местных продюсеров в MediaPro Studios помогает повысить профессионализм и качество производства. Красивые исторические места, пригодные для съемок фильмов о Европе 18-19 веков, также являются преимуществом для индустрии кино.

Жесткая конкуренция со стороны других европейских киностудий - это главная проблема, с которой сталкиваются киностудии в Риге и Литве. Несмотря на это, обе студии обладают колоритной архитектурой своих стран и разнообразными ландшафтами, идеальными для съемок фильмов о Европе 18-19 веков. Важным преимуществом является наличие выгодной и понятной системы налоговых льгот, которая способствует привлечению инвестиций в киноиндустрию. Однако, недостаток квалифицированного съемочного персонала остается серьезной проблемой для обеих студий. Важно также отметить, что в Литве предлагаются варьируемые расценки на предоставление услуг и аренду павильонов и земли, что делает работу киностудии более гибкой и адаптивной к потребностям клиентов.

На Мальте стоимость технического персонала оказывается ниже, чем в таких странах, как Великобритания, Франция, Испания и Италия. Государство активно декларирует свою поддержку и предоставляет налоговые льготы, что делает Мальту привлекательным местом для съемок кино, телевизионных передач и рекламы. Благоприятное местоположение и обилие солнечных дней в году создают удобные условия для работы. Конкуренция от других европейских стран, которые также предлагают программы поддержки кинопроизводителей и имеют более развитую инфраструктуру для съемок, подталкивает к постоянному совершенствованию.

Чтобы повысить конкурентоспособность, важно учитывать сильные и слабые стороны, возможности и угрозы для киностудий. Необходимо сосредоточиться на репрезентации, производительности и технологических достижениях. Повышение конкурентоспособности может помочь создать более разнообразную и инклюзивную индустрию [9].

Повышение производительности за счёт ориентированного на потребителя продукта может привести к созданию более привлекательного контента для зрителей. Внедрение технологических инноваций, таких как совершенствование современного оборудования для производства фильмов, может оптимизировать производственные процессы и повысить эффективность.

Кроме того, реализация политики, направленной на поддержку региональной интеграции в сфере кинематографии может способствовать развитию местных аудиовизуальных отраслей и укреплению культурной самобытности. Сочетая эти подходы, киностудии смогут повысить свою конкурентоспособность [10].

Выводы

Рынок киноиндустрии всегда был довольно конкурентным рынком, где компании всех размеров в равной степени борются за внимание клиентов. При такой большой конкуренции им постоянно приходится работать над инновационными решениями, которые позволят расширить своё предложение и таким образом оставаться актуальными и конкурентоспособными [11].

В настоящее время фильмы становятся всё более зрелищными и привлекательными. Поэтому при повышении конкурентоспособности киностудий необходимо не только учитывать сильные и слабые стороны, но и стремиться к развитию и внедрению инноваций киноиндустрии [12].

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Г.В., Колобова Е.Ю. Экономические и правовые аспекты сотрудничества и конкуренции в мировой киноиндустрии // Управленческое консультирование. 2022. № 12. С. 67–78.
2. Babelsberg Studio – Wikipedia [Электронный ресурс]. URL: <http://en.wikipedia.org>
3. Barrandov Studios – Wikipedia [Электронный ресурс]. URL: <http://en.wikipedia.org>
4. Nu Boyana – Wikipedia [Электронный ресурс]. URL: <http://en.wikipedia.org>
5. Korda Studios – Wikipedia [Электронный ресурс]. URL: <http://en.wikipedia.org>
6. MediaPro – Wikipedia [Электронный ресурс]. URL: <http://en.wikipedia.org>
7. База данных LUMIERE о фильмах, выпущенных в европейских кинотеатрах [Электронный ресурс]. URL: <http://lumiere.obs.coe.int>
8. Mediterranean Film Studios – Wikipedia [Электронный ресурс]. URL: <http://en.wikipedia.org>
9. Ульянова М.А. Особенности маркетинга кинорынка и специфика кинопродукции как объекта маркетинга // Маркетинг в России и за рубежом. 2020. № 2. URL: <http://www.cfin.ru/press/marketing/2020-2/08.shtml>
10. Walls, W.D. (2023). The economics of the film industry. In L. Blum & S. Durlauf (eds.), *The New Palgrave Dictionary of Economics* (pp. 787–791). London: Palgrave Macmillan.

11. Boughen, J., & van Zeebroeck, N. (2017). The best response to digital change. *MIT Sloan Management Review*, 58(4), 80–86.
12. Hennig-Thureau, T., & Houston, M.B. (2019). *The science of entertainment: Data analysis and practical theory for movies, games, books, and music*. New York: Springer.

© Синельщикова Ольга Дильшатовна (sinelshikova@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СИМВОЛИЗМ И МИНИМАЛИЗМ В ДИЗАЙНЕ ИНТЕРЬЕРА ЦЕНТРОВ ЧАЙНОЙ ЦЕРЕМОНИИ: АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

Тань Вэйци

Белорусский национальный технический университет,
Минск, Беларусь
t1959679477@gmail.com

SYMBOLISM AND MINIMALISM IN THE INTERIOR DESIGN OF TEA CEREMONY CENTERS: AN ANALYSIS OF MODERN TRENDS

Tan Weiqi

Summary: This article explores modern trends in the interior design of tea ceremony centers through the lens of symbolism and minimalism. The tea ceremony, as an important element of the cultural heritage of East Asia, requires an appropriate space design that enhances the spiritual and aesthetic experience of the ritual. The focus is on symbolic elements, such as natural materials and architectural forms, as well as minimalist techniques that express the philosophy of simplicity and harmony. The research methodology is based on a qualitative analysis of contemporary design solutions that integrate traditional Eastern elements with Western approaches to interior design. The article provides examples of the use of symbolism and minimalism in various countries and analyzes modern technological innovations, such as dynamic lighting and innovative materials, which are seamlessly integrated into the design while preserving the philosophical principles of the tea ceremony. The scientific novelty of the work lies in identifying the key aspects of the interaction between traditional and modern elements in interior design, which helps to preserve the cultural identity of the tea ceremony in the context of globalization.

Keywords: tea ceremony, minimalism, symbolism, interior design, eastern philosophy, globalization.

Аннотация: В данной статье рассматриваются современные тенденции в дизайне интерьеров центров чайной церемонии через призму символизма и минимализма. Чайная церемония, являясь важным элементом культурного наследия Восточной Азии, требует соответствующего дизайна пространства, способствующего духовному и эстетическому восприятию ритуала. Основное внимание уделяется символическим элементам, таким как природные материалы и архитектурные формы, а также минималистическим приемам, которые выражают философию простоты и гармонии. Методология исследования основана на качественном анализе современных дизайнерских решений, включающих традиционные восточные элементы и западные подходы к созданию интерьеров. В статье приводятся примеры использования символизма и минимализма в разных странах, а также анализируются современные технологические нововведения, такие как динамическое освещение и инновационные материалы, которые органично интегрируются в дизайн, сохраняя при этом философские принципы чайной церемонии. Научная новизна работы заключается в выявлении ключевых аспектов взаимодействия традиционных и современных элементов в дизайне интерьеров, что позволяет сохранить культурную идентичность чайной церемонии в условиях глобализации.

Ключевые слова: чайная церемония, минимализм, символизм, дизайн интерьера, восточная философия, глобализация.

Введение

Чайная церемония представляет собой важный элемент культурного наследия, особенно в странах Восточной Азии, таких как Китай и Япония. Она несет в себе глубокий философский смысл, отражающий идеи гармонии, уважения к природе, спокойствия и созерцательности. Важной составляющей этого ритуала является не только сам процесс приготовления и потребления чая, но и окружающая атмосфера, которая создается за счет особенностей дизайна интерьера [1]. Интерьер чайной комнаты играет ключевую роль в обеспечении соответствующей обстановки, которая способствует погружению участников в процесс и помогает достичь состояния умиротворенности и внутреннего равновесия.

Среди современных тенденций в дизайне интерьеров чайных комнат особое внимание привлекают символизм и минимализм. Эти два направления представляют собой не просто стилистические решения, но и глубокие философские концепции, которые позволяют сохранить традиционные ценности в условиях быстро изменяющегося мира. Символизм в дизайне интерьеров проявляется через использование определенных элементов, имеющих культурное и духовное значение, таких как природные материалы, специфические формы и цвета, которые помогают передать идею гармонии с природой [2]. Минимализм, в свою очередь, выражает философию простоты и отказа от излишеств, что тесно связано с восточной концепцией дзен. В дизайне чайных комнат это проявляется в использовании чистых линий, нейтральных цветов и минимального количества декора, что помогает создать атмосферу сосредоточенности и умиро-

творенности.

Цель данного исследования заключается в определении и анализе основных тенденций в использовании символизма и минимализма в дизайне интерьеров современных центров чайной церемонии. В условиях глобализации и увеличивающегося интереса к восточным культурным традициям важно исследовать, каким образом современные дизайнеры адаптируют и интерпретируют эти философские концепции, сохраняя при этом аутентичность и культурную значимость пространства.

Методологическая основа исследования включает в себя качественный анализ дизайна интерьеров современных центров чайной церемонии в различных странах. Будет проведено изучение конкретных дизайнерских решений, направленных на использование символических элементов и минималистических приемов, с учетом культурных и исторических особенностей каждой страны. Важным аспектом исследования станет также анализ взаимодействия традиционных и современных элементов в дизайне интерьера, что позволит выявить, как символизм и минимализм помогают сохранить культурную идентичность чайной церемонии в контексте современных дизайнерских подходов.

Исторический контекст и эволюция интерьера чайной церемонии

Исторический контекст дизайна интерьера чайных церемоний в Китае и Японии тесно связан с философскими, духовными и эстетическими традициями этих культур. В основе чайных церемоний в обеих странах лежат принципы созерцания, гармонии с природой и стремления к простоте, что в полной мере отражено в интерьерах пространств, где проходят церемонии. В китайской традиции, особенно в эпоху династии Тан и далее, интерьер чайных домов был украшен элементами, символизирующими гармонию человека и природы: дерево, камень, вода, а также мотивы традиционных китайских живописных ландшафтов. Основная цель дизайна заключалась в создании пространства, где человек мог бы сосредоточиться на созерцании и медитации, поэтому использование природных материалов и спокойной цветовой палитры было ключевым аспектом интерьера.

Японская чайная церемония, известная как "Чаню" или "Путь чая", приобрела свое окончательное оформление в период Муромати (XIV-XVI века). Здесь интерьер стал важной частью философии дзен-буддизма, где простота и отказ от ненужного символизировали путь к очищению разума. Дизайн чайной комнаты, называемой "чашицу", отличался минимализмом, что выражалось в использовании простых, необработанных материалов, таких как бамбук, дерево, глина, а также в малом количестве декоративных элементов. Японская чайная комната традиционно маленькая, с низкими потолками и

сдержанной отделкой, что символизировало смирение и равенство всех участников церемонии. Важную роль играли также такие элементы, как татами (соломенные маты), токонома (ниша для размещения одного декоративного предмета, например, свитка или цветочной композиции) и глиняная посуда, которая своим грубоватым видом подчеркивала естественную красоту [3].

Эволюция дизайна интерьера чайных комнат происходила под влиянием культурных изменений, которые приносили новые идеи и технологии, но неизменными оставались ключевые философские принципы – гармония, спокойствие и связь с природой. В XX и XXI веках под воздействием глобализации и западных дизайнерских течений чайные церемонии стали объектом интерпретации в различных культурных контекстах. В западных странах, например, интерес к восточной философии и медитации привел к созданию современных центров чайной церемонии, где традиционные элементы сочетаются с более современными подходами к пространству, материалам и освещению. Тем не менее, основополагающая философия минимализма и символизма остается центральной в дизайне таких интерьеров, что свидетельствует о постоянстве этих эстетических принципов даже в условиях культурных изменений. Историческая эволюция дизайна интерьеров чайных церемоний показывает, как философские и духовные аспекты влияют на выбор материалов, композиций и общего настроения пространства. С течением времени эти интерьеры адаптировались к новым условиям, но сохранили ключевые элементы, выражающие идеалы спокойствия, созерцания и естественной красоты.

Символизм в дизайне интерьеров чайной церемонии

Символизм в дизайне интерьеров чайной церемонии является неотъемлемой частью создания атмосферы, способствующей глубокому духовному переживанию и культурной идентификации. Одним из ключевых элементов символизма в дизайне таких пространств являются природные материалы и элементы, которые олицетворяют гармонию между человеком и природой. Например, использование дерева, камня и воды в интерьерах не только подчеркивает естественную красоту, но и символизирует преходящесть, цикличность жизни и неизменную связь с окружающим миром. Эти материалы выбираются не случайно — каждый из них несет глубокий символический смысл. Дерево олицетворяет жизненную силу и устойчивость, камень символизирует вечность и стойкость, а вода — текучесть времени и очищение.

Архитектурные формы, используемые в дизайне чайных комнат, также играют важную символическую роль. Прямые линии и простота форм, которые часто встречаются в минималистичных интерьерах, направлены на

создание ощущения уравновешенности и покоя. Округлые формы символизируют гармонию и целостность. Пространство чайной комнаты спроектировано таким образом, чтобы его архитектурные элементы способствовали медитативному настрою и позволяли сосредоточиться на внутреннем мире, отсекая внешние раздражители. Открытые окна или раздвижные двери часто ведут в сад или внутренний дворик, что также символизирует единство с природой и плавное слияние внутреннего и внешнего миров [4].

Цвета в интерьере чайных церемоний тщательно подбираются в соответствии с философскими идеями. Чаще всего используются естественные и нейтральные оттенки, такие как землистые тона, мягкие зеленые и серые цвета, которые способствуют созданию атмосферы умиротворенности и спокойствия. Зелёный цвет, например, ассоциируется с природой и символизирует возрождение и баланс. Коричневые и серые тона — цвета земли и камня — символизируют стабильность и устойчивость. Использование этих цветов не только визуально гармонирует с природными материалами, но и поддерживает духовный настрой участников чайной церемонии, помогая им лучше сконцентрироваться на ритуале и своем внутреннем состоянии.

Символизм в интерьере чайной комнаты поддерживает не только культурную преемственность, но и помогает участникам глубже погружаться в процесс церемонии. Каждый элемент интерьера направлен на создание условий для созерцания и духовного очищения. Важную роль играет ощущение пространства, где каждая деталь, будь то керамическая чашка или бамбуковая ширма, несет символический смысл и вызывает ассоциации с природой, традициями и внутренним покоем. Например, использование глиняной посуды напоминает о земных корнях и о том, что чайная церемония — это не просто ритуал, но и философия жизни, где ценятся простота и естественность.

Современные центры чайной церемонии продолжают активно использовать символические элементы в своих интерьерах, несмотря на внедрение новых технологий и дизайнерских решений. Примером может служить сочетание традиционных натуральных материалов с более современными световыми решениями и минималистскими формами. Так, современные дизайнеры нередко используют природные элементы, такие как вода и камень, в сочетании с архитектурным освещением, создавая эффекты тени и света, которые символизируют переход между миром материальным и духовным. В некоторых центрах активно применяются символы воды в виде фонтанов или небольших водоемов, которые продолжают напоминать о философии текучести и изменчивости мира.

Символизм в дизайне интерьеров чайных церемо-

ний продолжает оставаться основополагающим аспектом создания пространства, которое способствует духовному и культурному погружению участников ритуала. В этом заключается уникальная сила чайной церемонии — она не просто поддерживает традицию, но и через символику позволяет выразить философские и духовные ценности, передаваемые из поколения в поколение.

Минимализм как философия и стилистический прием

Минимализм как философия и стилистический прием в дизайне интерьеров чайных комнат неразрывно связан с восточной философией, особенно с концепциями дзен-буддизма, которые глубоко укоренены в японской культуре. Дзен учит тому, что истинная суть вещей заключается в их простоте и пустоте. В контексте чайной церемонии минимализм выражается через отказ от излишеств, что позволяет участникам сосредоточиться на моменте и на глубоком восприятии ритуала. Пустота в дизайне интерьера, один из ключевых элементов минимализма, не воспринимается как отсутствие, а скорее как пространство для медитации и созерцания. Это пространство открывает возможности для внутреннего осмысления, освобождая разум от ненужных отвлечений.

Гармония — еще одна важная концепция минимализма, которая отражается в сбалансированном использовании пространства, света и материалов [5]. В минималистическом дизайне чайных комнат все элементы находятся в идеальном равновесии друг с другом. Нет ничего лишнего, каждая деталь — будь то текстура стены, форма чашки или расположение окон — подчинена общей цели создания спокойной и умиротворенной атмосферы. Гармония в минимализме выражается через использование природных материалов и форм, которые не нарушают естественного порядка, а дополняют его. Это позволяет создать среду, способствующую внутреннему спокойствию и созерцанию.

Минималистические элементы в дизайне чайных комнат включают прежде всего простоту форм и материалов. Традиционно в интерьерах используются натуральные материалы, такие как дерево, глина, бамбук и камень. Эти материалы не только обладают эстетической привлекательностью, но и несут глубокий символический смысл, связанный с природной чистотой и естественностью. Простота форм в минимализме достигается через отказ от сложных декоративных элементов в пользу чистых, прямых линий и функциональности. Полностью исключаются предметы, которые не имеют непосредственного отношения к церемонии, что создает пространство, где ничто не отвлекает от ритуала. Цветовая палитра минималистических интерьеров чайных комнат также сдержанна и нейтральна. Преобладают естественные оттенки — серые, бежевые, коричневые

и зеленые, — которые способствуют ощущению покоя и связи с природой.

В современных центрах чайной церемонии минимализм продолжает играть важную роль, несмотря на внедрение новых технологий и изменений в подходах к дизайну. Одним из ярких примеров является использование простых, но элегантных архитектурных форм, которые подчеркивают пустоту и свободу пространства. В некоторых современных интерьерах дизайнеры используют открытые пространства, минимальное количество мебели и максимальное использование природного света для создания чувства единства с природой. В таких пространствах нет места для излишних украшений или ярких цветов — всё подчинено идее умиротворения и духовного сосредоточения.

Примером минималистического подхода в современных центрах может служить использование раздвижных стен и панелей, которые позволяют трансформировать пространство в зависимости от нужд церемонии. Эти архитектурные решения не только функциональны, но и визуально подчеркивают чистоту и простоту интерьера. В некоторых центрах активно используется современное освещение, которое деликатно подчеркивает природные текстуры материалов, таких как дерево или камень, создавая игру света и тени, что усиливает ощущение пустоты и глубины пространства.

Минимализм как философия и стилистический прием в дизайне интерьеров чайных комнат отражает глубокие духовные ценности восточной культуры. Он направлен на создание пространств, которые способствуют медитации, духовному очищению и сосредоточенности, что делает чайную церемонию не просто ритуалом, но способом гармонизации внутреннего мира участников с окружающей средой.

Современные тенденции в дизайне интерьеров центров чайной церемонии

Современные тенденции в дизайне интерьеров центров чайной церемонии отражают сложное взаимодействие между традиционными восточными философскими принципами и западными дизайнерскими подходами. Влияние глобализации и обмена культурными идеями привело к тому, что интерьеры чайных комнат сегодня являются продуктом синтеза различных культурных и дизайнерских традиций. Западные дизайнеры, часто вдохновляясь восточной философией дзен и концепцией минимализма, стремятся адаптировать эти принципы к потребностям современного общества, создавая пространства, где главенствуют гармония, спокойствие и созерцание. [6]. Восточные дизайнеры, в свою очередь, активно внедряют в традиционные интерьеры элементы современных технологий и материалов, чтобы сделать чайную церемонию более доступной и привле-

кательной для широкой аудитории.

Интерпретация минимализма и символизма в дизайне интерьеров центров чайной церемонии различается в зависимости от культурного контекста. В Японии и Китае минимализм по-прежнему сохраняет свою философскую основу, заключающуюся в отказе от излишеств и в сохранении простоты. Традиционные элементы, такие как татами, низкие столики, ниши токонома и натуральные материалы, продолжают доминировать в интерьерах, однако в них всё чаще привносятся современные дизайнерские решения. Например, японские дизайнеры активно используют минимализм в создании пространств с максимальным использованием естественного света и открытых пространств, что символизирует духовное очищение и гармонию с природой.

В западных странах, таких как США и страны Европы, минимализм и символизм получают новую интерпретацию. Здесь дизайнеры, вдохновляясь философией дзен и восточными практиками медитации, создают пространства, сочетающие элементы чайной церемонии с современными стилями жизни. Просторные, открытые интерьеры, где ключевую роль играют натуральные материалы, такие как дерево и камень, создаются с акцентом на функциональность и эстетику. В таких интерьерах важное значение придается игре света и тени, а также использованию современных технологий, что придает чайным комнатам новый облик, сохраняя при этом основополагающие философские принципы. Символизм в этих интерьерах часто интерпретируется через более абстрактные формы, в которых сохраняются намеки на природные элементы и гармонию, однако они интегрированы в современные архитектурные и дизайнерские решения.

Одним из значимых направлений в современном дизайне интерьеров чайных церемоний является использование новых технологий в сочетании с традиционными элементами. В последние годы всё большее распространение получают технологии умного освещения, которые позволяют изменять настроение пространства в зависимости от времени суток и фазы церемонии. В частности, в современных центрах используются динамические системы освещения, которые помогают акцентировать внимание на ключевых символических элементах интерьера — воде, дереве, камне, создавая игру света и тени, усиливающую ощущение духовного погружения. Технологии также используются для создания новых форм взаимодействия с пространством. Например, в некоторых современных центрах чайной церемонии применяются проекционные технологии, которые позволяют создавать иллюзию движения природных элементов, таких как вода или листья, что символизирует связь между природой и человеком в ходе ритуала.

Технологические нововведения затрагивают не

только освещение, но и использование пространства и текстур. Современные материалы, такие как переработанное дерево, биоразлагаемые композиты и искусственные камни, всё чаще находят свое место в интерьерах чайных комнат. Эти материалы не только соответствуют эстетическим требованиям минимализма, но и подчеркивают экологичность и устойчивость современных дизайнов. Интеграция таких материалов в традиционный дизайн позволяет создать уникальные пространства, которые сохраняют дух чайной церемонии, но в то же время адаптированы к потребностям современного общества, где экологические ценности играют всё более важную роль.

Современные тенденции в дизайне интерьеров центров чайной церемонии показывают, как традиционные философские принципы, такие как минимализм и символизм, продолжают эволюционировать, адаптируясь к вызовам времени. Технологические инновации, культурный обмен и переосмысление традиций позволяют создавать интерьеры, которые сохраняют духовную и культурную значимость чайной церемонии, предлагая при этом новые формы взаимодействия с пространством и материальной средой.

Заключение

В современном дизайне интерьеров центров чайной церемонии минимализм и символизм играют ключевую роль, отражая глубокие философские принципы восточной культуры. Символизм в интерьерах проявляется через использование природных материалов, архитектурных форм и сдержанных цветов, что создает атмосферу гармонии и духовного спокойствия. Природные элементы, такие как дерево, камень и вода, не просто украшают пространство, но и передают философские идеи о преходящести, единстве человека с природой и важности внутреннего созерцания. Минимализм, в свою

очередь, выражается в отказе от излишеств, в чистоте форм и функциональности, что способствует созданию пространства, свободного от отвлекающих факторов. Это пространство идеально подходит для медитации и глубокого погружения в ритуал, подчеркивая важность самого процесса чайной церемонии, а не её внешних атрибутов.

Дизайн интерьера напрямую влияет на восприятие и опыт участников церемонии. Символизм и минимализм способствуют созданию условий, где каждый элемент пространства поддерживает духовное и эстетическое переживание. Участники чайной церемонии могут сосредоточиться на процессе, не отвлекаясь на ненужные детали, что позволяет глубже проникнуться философией ритуала. Простота форм, природные материалы и нейтральные оттенки создают атмосферу покоя и умиротворенности, которая помогает достичь внутреннего равновесия и гармонии. Таким образом, дизайн интерьера не просто выполняет декоративную функцию, а становится неотъемлемой частью общего опыта, способствуя восприятию ритуала как духовного действия.

Перспективы дальнейших исследований в области дизайна интерьеров центров чайной церемонии открывают широкие возможности для изучения взаимодействия традиционного и современного. В условиях глобализации растет интерес к восточной философии и практике, что приводит к активной интеграции этих идей в западные дизайнерские подходы. Исследование этого синтеза и влияние глобализационных процессов на трансформацию традиционных элементов может стать важной темой для будущих научных работ. Кроме того, внедрение новых технологий, таких как динамическое освещение и использование инновационных материалов, требует глубокого анализа их роли в сохранении духовной аутентичности чайной церемонии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гарифуллина, А.А. Чайная церемония // Символ науки. 2020. №3. С. 95-98.
2. Свестельник, З.В. Культурные традиции в современном искусстве интерьера Китая: автореф. дис. ... канд. искусствоведения / З.В. Свестельник. — 2006.
3. Андропова, О.В. Архитектура японских чайных комнат // Проект Байкал. 2018. №14. С. 142-147.
4. Канчуга, А.Д., Сохацкая, Д.Г. Ваби-саби как компонент японского эстетического мировоззрения и способ организации пространства интерьера в японском интерьере // Молодежь и наука: актуальные проблемы фундаментальных и прикладных исследований. 2021. С. 48-51.
5. Ахремко, В. Цвет в интерьере типовых квартир. — М.: Litres, 2014.
6. Кирпо, А.Р., Ким, А.А. Влияние японской культуры и эстетического мировоззрения ваби-саби на современную архитектуру // Урбанистика. 2022. №2. С. 38-45.

© Тань Вэйци (t1959679477@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ТЕЛЕСНЫХ НАРРАТИВОВ В ТВОРЧЕСТВЕ КИТАЙСКИХ ХУДОЖНИЦ XXI ВЕКА

Ю Лилинь

Аспирант, Санкт-Петербургский институт культуры

Youlilin97@gmail.com

REINTERPRETING BODILY NARRATIVES IN THE WORK OF 21ST-CENTURY CHINESE FEMALE ARTISTS

Yu Lilin

Summary: At the intersection of traditional Chinese cultural values and global feminist trends, the female body becomes an essential tool for expressing personal experiences and social critique. This study examines the works of artists such as Yu Hong, Liu Manwen, and Cui Xiuwen, whose creations showcase unique approaches to representing the female body in the context of China's changing social and political landscape. Bodily narratives serve not only as an expression of gender identity but also as a means of deconstructing patriarchal stereotypes, highlighting the unique cross-cultural intersections between Western feminist ideas and Chinese traditions. The research methodology includes a comparative analysis of Western and Chinese theories of gender performativity and their application in art. Special attention is given to the integration of feminist theory into the Chinese context and the adaptation of Western feminist ideas to the socio-cultural realities of China. The scientific novelty of this work lies in uncovering the specific features of bodily narratives in contemporary Chinese female art, where the body serves as a symbol not only of female representation but also of the struggle for social change. This study deepens our understanding of the role of female art in social transformation and the rethinking of gender roles in Chinese society.

Keywords: bodily narratives, feminist art, gender identity, Chinese female artists, cultural critique, cross-cultural analysis.

Аннотация: На пересечении традиционных китайских культурных ценностей и глобальных феминистских тенденций женское тело становится важным инструментом для выражения личных переживаний и социальной критики. В рамках данного исследования рассматриваются работы художниц, таких как Юй Хун, Лю Манвэнь и Цуй Сюэвэнь, чьи произведения иллюстрируют уникальные подходы к репрезентации женского тела в контексте меняющихся социальных и политических условий Китая. Телесные нарративы служат не только выражением гендерной идентичности, но и средством деконструкции патриархальных стереотипов, демонстрируя уникальные кросс-культурные пересечения западных феминистских идей и китайских традиций. Методология исследования включает сравнительный анализ западных и китайских теорий гендерной перформативности и их применение в искусстве. Особое внимание уделено интеграции феминистской теории в китайский контекст, а также адаптации западных феминистских идей к социально-культурным реалиям Китая. Научная новизна работы заключается в раскрытии специфических особенностей телесных нарративов в китайском женском искусстве, где тело служит символом не только женской репрезентации, но и борьбы за социальные изменения. Это исследование углубляет понимание роли женского искусства в социальной трансформации и переосмыслении гендерных ролей в китайском обществе.

Ключевые слова: телесные нарративы, феминистское искусство, гендерная идентичность, китайские художницы, культурная критика, кросс-культурный анализ.

В современной китайской художественной среде, находящейся на пересечении традиционных культурных ценностей и глобальных тенденций, нарративы тела играют ключевую роль в осмыслении гендерной идентичности и культурных символов. Женское тело становится не только объектом изображения, но и инструментом выражения личных и социальных переживаний, а также критики патриархальных норм и систем [1]. Вопросы самовыражения и репрезентации женственности в искусстве обретают особую остроту в условиях быстрого культурного, социального и политического изменения Китая. Художницы активно используют нарративы тела для того, чтобы привлечь внимание к проблемам, связанным с гендерной дискриминацией, неравенством и изменением культурных кодов.

Целью данного исследования является анализ того, как китайские художницы XXI века применяют телесные нарративы для выражения своей культурной идентич-

ности и социальной критики. Особое внимание будет уделено тому, как посредством тела художницы деконструируют традиционные представления о женственности, ставят под сомнение гендерные стереотипы и поднимают вопросы самореализации и свободы в условиях меняющейся социальной реальности. Использование тела как символического элемента в искусстве позволяет исследовать не только личные переживания, но и более широкие культурные и политические контексты. Художницы обращаются к сложным визуальным метафорам, чтобы выразить свои мысли о гендерных ролях, сексуальности, репродуктивных правах и других важных аспектах женской жизни [2].

Интеграция феминистской теории искусства и гендерной репрезентации в китайском искусстве была оказала влияние западными феминистскими мыслителями, такими как Линда Нохлин, Люс Иригарэй и Джудит Батлер, и была адаптирована китайскими художниками и

учеными с учетом их уникального культурного контекста [3,4,5]. В западной традиции феминистская критика мужского взгляда, особенно через теорию перформативности Батлер и исследование женской субъективности Иригарэй, революционизировала восприятие и репрезентацию гендера в искусстве [6,7]. В Китае развитие феминистского дискурса началось позже, под влиянием местных социополитических контекстов и культурных норм. Например, в анализе Хун Цюаня рассматривается, как тела китайских женщин были представлены и подавлены с социалистической эпохи до настоящего времени, исследуется переход от политической пропаганды к коммерциализации женственности в современном Китае [8]. Между тем, Луиза Гест анализирует творчество таких художниц, как Ли Синьмо, Сяо Лу и Се Жун, которые бросают вызов патриархальным традициям через телесные перформансы, критикуя как гендерное насилие, так и традиционные китайские эстетические нормы [9]. Исследование Филлис Хуи Ленг Тео дополнительно подчеркивает маргинализацию китайских женщин в истории искусства, демонстрируя, как современные художницы заимствуют западные модернистские техники для сопротивления как внутренним, так и международным патриархальным структурам [10]. Это пересечение феминистской теории с китайскими культурными традициями раскрывает динамичный и развивающийся дискурс в искусстве, где женщины как восстанавливают, так и трансформируют свое представление.

Сравнительный анализ интерпретаций нарративов тела в Китае и на Западе выявляет как общие тенденции, так и существенные различия. На Западе феминистское искусство часто сосредотачивается на теле как поле битвы за гендерные и сексуальные права, в то время как в китайской традиции тело чаще ассоциируется с общим состоянием души и общества. Западные художницы ак-

тивно используют телесные образы для выражения протеста против объективации и сексуализации женщин, тогда как китайские художницы, хотя и критикуют патриархальные структуры, часто делают это через более тонкие метафоры и символику, избегая прямого конфликта. Тем не менее, общим для обеих традиций остается стремление через нарративы тела выразить личное и социальное в условиях господствующих норм и ограничений. Таким образом, теоретические основы исследования, опираясь на работы Кристевой, Батлер и китайских ученых, позволяют глубже понять, каким образом тело становится не только объектом изображения, но и ключевым элементом культурного и социального анализа. Через призму телесных нарративов можно проследить трансформацию художественного восприятия гендера и его репрезентации как в западной, так и в китайской художественной традиции.

В современном китайском искусстве тело играет ключевую роль не только как объект изображения, но и как мощный инструмент для осмысления культурной идентичности, гендерных ролей и социальных норм. Примером глубокого исследования тела как средства самовыражения является серия Юй Хун «Она» (2004), в которой художница использует образы женщин для выражения личных и исторических процессов. В этих работах тело становится местом пересечения личных переживаний и коллективных историй, что вызывает размышления о том, как культурные и социальные изменения влияют на восприятие женственности в современном китайском обществе. Через изображения тел Юй Хун стремится деконструировать существующие представления о роли женщины, показывая, что тело женщины — это не просто биологическая сущность, но также пространство, через которое передаются культурные коды и социальные ожидания. Художница создает образы, которые одно-

Рис. 1. «Она — тибетская женщина» масляная живопись/акрил на холсте, серия «Она». 150x300+150x100cm, 2004
 Источник: https://i.cafa.edu.cn/sub_artist/fn/awc/?a=1102132022#

временно трогают за личное и отражают глобальные процессы трансформации, что делает её работы важными для понимания изменений в восприятии женской идентичности.

Лю Манвэнь в своей работе «Осенняя вода» (2011) добавляет ещё один важный аспект телесных нарративов — её подход концентрируется на телесности как способе выражения внутреннего мира женщины. Её работа выводит на передний план взаимосвязь между природой и женской идентичностью. В китайской культуре вода часто символизирует чистоту, спокойствие и женственность, и использование этого символа в сочетании с телом создает визуальную метафору внутреннего мира женщины, её чувств, эмоций и борьбы за самоопределение. Тело здесь символизирует не только физическое существование, но и глубинные слои эмоций и переживаний. Интересно, что в контексте китайской культурной традиции такое изображение может читаться как выражение гармонии с природой, однако за внешней гармонией скрываются напряженные взаимоотношения между традицией и современностью, что делает работу Лю Манвэнь многослойной и концептуально насыщенной.

Особый интерес вызывает работа Цуй Сюэнь «Уборная» (2000), где художница поднимает вопросы контроля над телом и его репрезентацией в публичной и приватной сферах [11]. Видеоперформанс, изображающий женщин в закрытом пространстве уборной, представляет собой критическое осмысление гендерной сегрегации и патриархального контроля над женским телом. Женское пространство, которое традиционно воспринимается как приватное, в работе Цуй Сюэнь становится ареной социального давления и общественного надзора. В этом контексте возникает вопрос: может ли личное пространство оставаться действительно личным в обществе, где тело постоянно подвергается внешнему контролю? Таким образом, работа Цуй Сюэнь не просто документирует женскую жизнь, но и делает её предметом глубокой

социальной критики, показывая, как тело становится полем борьбы между индивидуальной свободой и общественным контролем.

Все три художницы — Юй Хун, Лю Манвэнь и Цуй Сюэнь — в своих работах не просто изображают тело, но используют его как мощный инструмент анализа и критики. Они демонстрируют, что тело — это больше, чем просто физическая оболочка; оно является пространством, через которое можно выразить напряженные отношения между традиционными нормами и современными реалиями. Вопрос о том, как тело используется для социальных и культурных репрезентаций, становится центральным в их творчестве, что подталкивает зрителя к осмыслению более широких вопросов гендера, власти и идентичности. Эти художницы помогают по-новому взглянуть на тело как на культурный текст, который можно читать и интерпретировать в контексте глобальных изменений в обществе. В этом контексте можно рассуждать о том, как именно телесные нарративы, предложенные этими художницами, ставят под сомнение традиционные нормы, углубляют феминистскую дискуссию и способствуют пониманию того, как культурные символы и социальные структуры взаимодействуют с гендерными ролями в современном Китае. Тело, как репрезентативный элемент, становится предметом не только эстетического исследования, но и политического высказывания, делая феминистское искусство Китая важным участником глобальной дискуссии о правах женщин и их роли в обществе.

Кросс-культурный анализ женского искусства и телесных нарративов в Китае и на Западе выявляет как общие тенденции, так и существенные различия, что позволяет глубже понять контекст, в котором работают китайские художницы XXI века. В Западной традиции феминистское искусство, начиная с 1970-х годов, активно использует тело как политический инструмент для деконструкции патриархальных стереотипов, связанных с женственно-

Рис. 2. «Осенняя вода» масляная живопись на холсте. 2011 200x900см

Источник: издательство изобразительных искусств; 1-е издание (1 октября 2011 г.), ISBN 7549404089

стью, сексуальностью и объектом взгляда. Теории Джу-дит Батлер о перформативности гендера и Линды Нох-лин о "мужском взгляде" оказали глубокое влияние на западных художниц, которые стали использовать тело как средство борьбы за права женщин, выражение сексуальной свободы и переоценку традиционных представлений о гендере [12]. В западном искусстве тело становится ареной социального и политического протеста, где женское начало выходит за рамки классических и стереотипных представлений.

В китайском контексте, однако, телесные нарративы развиваются под влиянием как западных феминистских идей, так и местных культурных и социальных условий. Китайские художницы, хотя и знакомы с западными теориями, адаптируют их под свои реалии, учитывая богатую традицию конфуцианских и социалистических ценностей [13]. Например, Юй Хун и Лю Манвэнь, хотя и затрагивают темы женской свободы и идентичности, делают это более тонко, избегая открытой конфронтации с патриархальными структурами. Это связано с тем, что в китайском обществе до сих пор сильны традиционные гендерные роли, и феминистская критика часто принимает форму более тонкого диалога с культурой, а не явного вызова ей. Китайские художницы, таким образом, предлагают уникальный способ репрезентации тела, который сосредоточен на внутренней динамике, психологической глубине и культурной символической.

Интересен также вопрос, как китайские художницы создают свои произведения в ответ на западные феминистские теории. На первый взгляд может показаться, что их работы следуют тем же линиям критики и самовыражения, что и у их западных коллег. Однако в контексте китайского искусства видны важные различия, связанные с национальной историей и культурой. Например, в западной традиции тело часто используется как инструмент протеста против объективации и сексуализации. В китайском же искусстве, как видно в работе Цуй Сюэнь «Уборная», тело становится символом напряженного диалога между личным пространством и общественным контролем, а его изображение в культурных кодах не всегда несет столь ярко выраженный конфликтный характер. Для китайских художниц актуально не только деконструировать патриархальные нормы, но и переосмысливать собственную культурную идентичность в условиях глобализации и давления со стороны западных стандартов.

Важно отметить, что в китайском искусстве женское тело часто представляется как часть коллективного опыта, что отличает его от более индивидуалистического подхода западных феминисток. В то время как западные художницы акцентируют внимание на личных переживаниях и личной свободе, китайские художницы, как Юй Хун, стремятся к отображению общих социальных

процессов и их влияния на женщину. В её серии «Она» (2004) женские образы одновременно выступают как отражение личного и коллективного, символизируя связь между прошлым и настоящим, культурным и личным. Это особенность китайского искусства, где личное всегда находится в диалоге с историческим и социальным контекстом, и через тело передаются культурные коды, которые затрагивают вопросы не только гендера, но и национальной идентичности.

Таким образом, китайские художницы создают свои произведения в условиях пересечения западных феминистских теорий и местных культурных традиций, что приводит к возникновению уникальных нарративов тела. Их работы не просто следуют за западными теориями, но переосмысливают их через призму китайских социальных и культурных реалий. В этом смысле китайское женское искусство представляет собой сложный кросс-культурный феномен, где тело становится символом как личных, так и коллективных изменений, где феминистская критика соединяется с глубоким культурным диалогом. Такой подход позволяет художницам не только поднимать вопросы гендера, но и переосмысливать свою роль в глобальном художественном процессе, где пересекаются разные традиции, влияния и контексты. Этот кросс-культурный анализ демонстрирует, что телесные нарративы в китайском искусстве являются не просто отражением западных тенденций, но и результатом уникального культурного синтеза, который позволяет китайским художницам высказывать свои мысли о роли женщины, её тела и идентичности в быстро меняющемся мире.

Основные выводы по теме использования тела как инструмента социальной критики и культурного выражения в работах современных китайских художниц показывают, что тело в их творчестве выступает не просто как объект визуализации, а как средство для деконструкции патриархальных норм, выражения гендерной идентичности и осмысления культурных изменений. Работы Юй Хун, Лю Манвэнь и Цуй Сюэнь иллюстрируют, как через телесные нарративы китайские художницы стремятся переосмыслить традиционные представления о женственности, социальной роли женщины и её месте в обществе. Использование тела в их произведениях отражает не только личные переживания, но и более широкие социальные процессы, которые затрагивают темы гендерного неравенства, культурных ограничений и давления общества на женскую идентичность. Эти художницы показывают, что через тело можно выражать как индивидуальное самовыражение, так и коллективную культурную критику, используя его как инструмент для вызова стереотипов и культурных норм.

Важным выводом также является то, что китайские художницы адаптируют западные феминистские идеи и

теории, применяя их к местному культурному контексту. Это создаёт уникальный синтез западных и восточных представлений о гендере и теле, где личное пространство женщины сталкивается с традиционными социальными нормами. Их искусство не только отображает борьбу за равенство, но и предлагает зрителю задуматься о том, как гендерные вопросы пересекаются с культурной идентичностью и политическими реалиями в Китае. Телесные нарративы в этом контексте становятся мощным инструментом для выражения общественных изменений, подчеркивая, что современное женское искусство в Китае — это не только эстетическое явление, но и политическое высказывание.

Рекомендации для дальнейшего исследования предполагают углублённое изучение влияния женского искусства на гендерное равенство и общественные изменения как в Китае, так и в других странах. Необходимо продолжать исследовать, как работы китайских художниц способствуют переосмыслению традиционных представлений о гендере, и каким образом их творче-

ство может оказывать влияние на политику в области гендерного равенства и прав женщин. Особого внимания заслуживает изучение того, как телесные нарративы помогают поднять общественное осознание гендерных вопросов и способствуют изменению восприятия женщины в обществе. Кроме того, сравнительное исследование женского искусства в разных культурных контекстах может пролить свет на то, как различные культуры взаимодействуют с идеями феминизма и телесности, и как это влияет на процессы социальной трансформации.

В заключение, работы современных китайских художниц свидетельствуют о важности тела как культурного и политического инструмента, способного оказывать влияние на общественные изменения. Продолжение исследований в этом направлении может способствовать углублению понимания роли искусства в борьбе за гендерное равенство и правовую защищённость женщин, как в Китае, так и за его пределами, что открывает новые перспективы для осмысления культурного диалога и социальной справедливости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова Н.Л., Абрамова С.Б., Дьяченко В.Д. Идеальное женское тело: практики и барьеры конструирования // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2023. Т. 29, № 3. С. 173–182.
2. Масловская Е.Е. Феминизм в арт-фотографии и фотодокументалистике: выпускная бакалаврская работа по направлению подготовки: 42.03.02 – Журналистика. 2021.
3. Дмитриева В. (Анти) метод линды нохлин: Критика и апроприация в современном феминистском искусствоведении // Art innovation. 2022. № 1-2. С. 115–136.
4. Аристархова И.Л. «Этика полового различия» в концепции Люси Иригарэй // Социологический журнал. 1998. № 3-4. С. 206–215.
5. Обухова Е.Н. Перформативность гендера: по следам исследований Джудит Батлер // В мире научных открытий. 2013. № 1-1. С. 78–97.
6. Цинь Ш.Ю., Костикова А.А. Три плоскости рассмотрения теории перформативности Джудит Батлер // Alma mater (Вестник высшей школы). 2022. № 6. С. 105–109.
7. Анцыферова О.Ю. Извивы феминистского литературоведения (материалы к спецкурсу) // Женщина в российском обществе. 2005. № 3-4. С. 73–86.
8. Hong Q. The representation and/or repression of Chinese women: from a socialist aesthetics to commodity fetish // Neohelicon. 2019. Vol. 46, № 2. P. 717–737.
9. Guest L. Gendered bodies: Feminism and Chineseness in the work of Li Xinmo, Xiao Lu and Xie Rong // Journal of contemporary Chinese art. 2023. Vol. 10, № 1. P. 85–106.
10. Phyllis H.L.T. Alternative agency in representation by contemporary Chinese women artists // Asian Culture and History. 2010. Vol. 2, № 1. P. 3.
11. Фу Лили. Самосознательное развитие духа искусства — интерпретация работ Цуй Сюэнь // Народное искусство: научное издание. 2013. № 13. С. 121–122.
12. Пещеров Г.И., Валькова Е.А. Феминизация общества: проблемы и перспективы // Власть. 2011. № 10. С. 41–43.
13. Лилинь Ю. Феминистское инсталляционное искусство в современном Китае // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2024. № 1 (58). С. 129–135.

© Ю Лилинь (Youlilin97@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЖЕНЩИН В УСЛОВИЯХ ЖИЗНЕННЫХ КРИЗИСОВ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Альская Екатерина Вадимовна

аспирант, Российский новый университет, Москва

alskayaekaterina@gmail.com

WOMEN'S PROFESSIONAL BEHAVIOR IN LIFE CRISES (THEORETICAL ASPECT)

E. Alskaia

Summary: The purpose of this article is to theoretically substantiate the existence of a relationship between women's professional behavior and those life circumstances that determine a woman's emotional and mental well-being. The relevance of this study is determined by the fact that at present, of particular interest are studies of an individual's behavior in crisis situations, which is primarily associated with the increase in stress factors of professional activity, which are also superimposed by factors of the external social environment that affect the mental state and social health of an individual. The methodology of this study is based on a systematic understanding of the problem associated with the existence of a relationship between women's professional behavior and crisis situations, which are an objective factor of human existence. The following methods were used in this work: analysis of scientific literature in which this issue is studied; generalization of scientific facts and data provided in primary sources; classification of various aspects that determine the professional behavior of women in conditions of a life crisis. In this work, the author proposes a definition of "professional burnout of women under the influence of crisis life circumstances", defines a model of mental burnout of female workers that affects the success of professional activity in conditions of life crises. It is concluded that professional activity for a woman can become both a powerful factor in revealing internal potential and personal development, a source of motivation and emotional and psychological support, and a source of psychotraumatic factors that inevitably negatively affect all aspects of her life. There is no doubt that professional activity has the greatest impact on life situations in which a woman finds herself, determining her psychological and emotional state and her readiness for self-realization in the profession.

Keywords: gender, crisis, profession, behavior, emotions, professional burnout, professional behavior.

Аннотация: Целью данной статьи является теоретическое обоснование наличия взаимосвязи между профессиональным поведением женщин и тех жизненных обстоятельств, которые определяют эмоциональное и психическое благополучие женщины. Актуальность данного исследования определяется тем, что в настоящее время особый интерес представляют исследования поведения личности в кризисных ситуациях, что связано в первую очередь с нарастанием стрессогенных факторов профессиональной деятельности, на которые накладываются также и факторы внешней социальной среды, оказывающие воздействие на психическое состояние и социальное здоровье личности. Методология данного исследования основана на системном осмыслении проблемы, связанной с наличием взаимосвязи между профессиональным поведением женщин и ситуациями кризисов, являющихся объективным фактором человеческого существования. В качестве методов в данной работе использовались: анализ научной литературы, в которой данная проблематика изучается; обобщение научных фактов и данных, приведенных в первоисточниках; классификации различных аспектов, определяющих профессиональное поведение женщин в условиях жизненного кризиса. В данной работе автором предложено определение «профессиональное выгорание женщин под воздействием кризисных жизненных обстоятельств», определена модель психического выгорания работников-женщин, воздействующего на успешность профессиональной деятельности, в условиях жизненных кризисов. Сделан вывод, что профессиональная деятельность для женщины может стать как мощным фактором раскрытия внутреннего потенциала и личностного развития, источником мотивации и эмоционально-психологической поддержки, так и источником психотравмирующих факторов, непременно отрицательно сказывающихся на всех сторонах ее жизни. Не вызывает сомнения тот факт, что наибольшее влияние профессиональная деятельность оказывает на жизненные ситуации, в которых находится женщина, определяющих ее психолого-эмоциональное состояние и ее готовность к самореализации в профессии.

Ключевые слова: гендер, кризис, профессия, поведение, эмоции, профессиональное выгорание, профессиональное поведение.

Введение

В начале XXI века вопросы профессиональной деятельности все чаще выходят за рамки экономико-правовых отношений, становятся объектом психологических и социологических исследований, которые касаются трудовой деятельности работников в различных жизненных ситуациях и условиях профессиональной деятельности. Особый интерес исследователей сосредоточен в области исследования поведения личности в кризисных ситуациях, что связано в первую

очередь с нарастанием стрессогенных факторов профессиональной деятельности, на которые накладываются также и факторы внешней социальной среды, оказывающие воздействие на психическое состояние и социальное здоровье личности.

В последние годы различные аспекты жизненного кризиса, особенности его переживания и преодоления, являются предметом изучения в отечественной психологии. Приведенный нами анализ исследований по данной проблематике показал, что различные концептуаль-

ные направления в своем единстве образуют сложную, многоуровневую систему, которая является методологической базой для изучения такого сложного и интересного явления, как жизненный кризис.

Так, в настоящее время активно исследовались различные аспекты трудных жизненных ситуаций (Белугина М.А. [1], Заболотько А.А., Дятлова Л.А. [6], Капранова М.В., Буцацкая М.В. [10], Ясько Б.А., Омельченко Н.В., Бабицкова Е.С. [17] и др.), особенности преодоления жизненных кризисов и трудных жизненных ситуаций (Дереча В.А. [4], Заика В. Н., Моргун В.Ф. [7], Усманова Э.З., Аскарова Г. [14] и др.); особенности оказания психологической помощи личности, находящейся в критической жизненной ситуации (Ильина Т.И. [8], Кабанова К.В. [9], Мищенко Л.В. [12], Полевая Н.М., Ситникова В.В. [13] и др.).

В данных исследованиях имеются отдельные указания на то, что поведение личности в стрессовых, кризисных ситуациях связано с гендерными особенностями, однако, несмотря на определенную изученность данной проблемы, проведенный нами анализ показал, что в настоящее время в научной литературе практически не исследуются проблемы, связанные с определением воздействия жизненных кризисов на профессиональное поведение, в частности на профессиональное поведение, рассматриваемое в гендерном аспекте.

Таким образом, **целью** данной статьи является теоретическое обоснование наличия взаимосвязи между профессиональным поведением женщин и тех жизненных обстоятельств, которые определяют эмоциональное и психическое благополучие женщины.

Методология данного исследования основана на системном осмыслении проблемы, связанной с наличием взаимосвязи между профессиональным поведением женщин и ситуациями кризисов, являющихся объективным фактором человеческого существования. В качестве методов в данной работе использовались: анализ научной литературы, в которой данная проблематика изучается; обобщение научных фактов и данных, приведенных в первоисточниках; классификации различных аспектов, определяющих профессиональное поведение женщин в условиях жизненного кризиса.

Научная новизна данного исследования состоит в том, что в данной работе автором предложено определение «профессиональное выгорание женщин под воздействием кризисных жизненных обстоятельств», определена модель психического выгорания работников-женщин, воздействующее на успешность профессиональной деятельности, в условиях жизненных кризисов.

Практическая ценность данной статьи состоит в

том, что полученные результаты могут быть использованы для дальнейших исследований в области гендерной проблематики профессиональной психологии.

Основные результаты

В психологической науке жизненный кризис рассматривается как разновидность сложной жизненной ситуации или кризисная ситуация, и изучается в плоскости событий, переживаний, отношений, поведения и реабилитации. В процессе изучения проблемы жизненного кризиса были введены такие понятия, как «личностный кризис», «психологический кризис» [5], «психодуховный кризис» [3], «биографический кризис» [16], «кризис профессионального становления» [15] и ряд других.

В понимании психологического феномена жизненный кризис рассматривается: 1) как социально психологическая ситуация; 2) как особое состояние, имеющее свои субъективные и объективные характеристики; 3) как процесс переживания. По мнению одних исследователей, понятие «кризис» в жизни человека одновременно означает как ненадежную ситуацию, так и потенциальную возможность подняться на более высокий уровень бытия [17].

В настоящее время одной из наиболее сложных областей человеческой жизни, в которой пересекаются проблемы жизненных кризисов и производственной деятельности, является профессиональная сфера, которая рассматривается как одна из приоритетных сфер самореализации, поскольку именно в ней личность может в полной мере раскрыть и воплотить свой потенциал [5].

Однако на всех этапах профессионального становления и развития есть факторы, препятствующие полноценной самореализации. Важной особенностью этого сложного процесса является возникновение кризисных периодов, сопровождающихся замедлением или даже регрессией профессионального развития. Что касается самореализации в профессиональной деятельности женщин, к этому процессу присоединяются еще и проблемы жизненных кризисов (напр., семейные кризисы, возникающие в рамках ролевого конфликта «семья-работа»; возрастные кризисы) [4].

В работах зарубежных исследователей [19, 20] мы находим определение: жизненный кризис (личностный кризис) – феномен внутреннего мира взрослого человека, проявляющийся в разных формах переживания взрослым человеком непродуктивности собственного жизненного пути. Его рассматривают как поворотный пункт жизненного пути личности, возникающий в ситуации невозможности реализации сложившегося жизненного замысла. Жизненный кризис является переходным периодом, когда происходит ломка и активное измене-

ние жизненных ролей личности.

Как отмечают отечественные ученые (В.А. Дереча [4], Мищенко Л.В. [12], Шарапов А.О., Пчелкина Е.П., Шех О.И. [16] и другие), жизненные кризисы взрослого человека протекают более скрыто, без выраженных изменений в поведении.

Происходящие в это время процессы перестройки смысловых структур сознания и переориентации на новые жизненные задачи приводят к изменению характера деятельности и взаимоотношений, влияя на дальнейший процесс развития взрослой личности [11].

Опасность жизненных кризисов проявляется в том, что психологическое пространство женского бытия, подвергаясь внешнему негативному воздействию, до конца не осознаются личностью, хотя при этом жизненные кризисы вызывают внутреннюю напряженность, что ускоряет процессы профессионального выгорания и профессиональной дезадаптации. Под воздействием различных жизненных обстоятельств, имеющих кризисный характер, у женщин наблюдается психическое истощение, возникает эмоциональная черствость, имеет место утрата любопытства к профессиональной деятельности.

Ученые отмечают, что кризисы в одинаковой степени сопровождают жизнь мужчин и женщин, однако, например, кризис среднего возраста в большей степени затрагивает мужчин, поскольку женские стадии жизненного цикла в большей степени определяются не хронологическим возрастом, а этапами семейного цикла – женитьба, рождение детей, оставления детьми родительского дома [7].

В тоже время кризисные явления семейной жизни в большей степени оказывают влияние на профессиональное поведение женщин, поскольку мужские потребности, в большей степени, связаны с карьерой и профессией, в то время как женские представления о жизненном успехе сосредоточены в области семейных отношений. При этом стремление женщины к карьерному росту вызывает чувство раздвоения, которое не связано с конкретным возрастным периодом, но основано на определенной жизненной ситуации, например связанной с необходимостью оставить работу с целью воспитания детей.

Следует отметить, что у женщин воздействие кризисов имеет сложный и драматический характер.

Среди особенностей женского переживания кризисов исследователи выделяют:

1. В профессиональной сфере: усталость от работы и тяжелая адаптация к профессии, тревога по поводу потери работы, поиск новых возможностей для самореализации и новых знаний, фрустрация по поводу «нереализованных возможностей». В отличие от мужчин женщины чаще задумываются о содержании профессиональной деятельности, они чаще не удовлетворены собственной реализацией в профессии.
2. В эмоциональной сфере доминируют: тревога по поводу отсутствия гарантий на будущее, утрата источника радости и цели жизни, утрата способности испытывать желание, имеет место эмоциональное выгорание. В сфере контактов теряется интерес к друзьям, усиливаются негативные эмоциональные переживания и разочарования по отношению к партнерам, появляются ощущение пустоты и одиночества;
3. В области телесности могут иметь место пренебрежение своим физическим состоянием и внешним видом, или активные поиски изменений – у мужчин с помощью спорта и отдыха, у женщин – спорта, здорового образа жизни и косметических интервенций [16].

Существенно выражены различия в проживании кризиса у женщин, имеющих семьи и женщин, сосредоточенных на карьере. Такие женщины проще относятся к необходимости вносить изменения в жизненные планы, у них в большей степени выражено самообладание в ситуации, охватывающей сферу телесности, деятельности и контактов, такие женщины готовы многим пожертвовать ради карьеры и профессионального успеха.

Выше мы уже говорили о том, что существенным элементом ощущения женщиной жизненного кризиса становится эмоциональное выгорание.

Имеющиеся подходы к изучению синдрома эмоционального выгорания не позволяют сформировать единую систему психологических детерминант этого явления. Традиционно факторы, вызывающие эмоциональное выгорание, группировались в два больших блока: особенности профессиональной деятельности и индивидуальные характеристики работников. Некоторые авторы выделяют третью группу факторов, рассматривая содержательные аспекты деятельности как самостоятельные.

Иностранные исследователи считают основным условием выгорания наличие организационных проблем. Другие ученые определяют как важнейшие личностные характеристики (низкая самооценка, высокий нейротизм, тревожность), экстернальный локус контроля [2].

Некоторые авторы доказывают, что выгорание является одним из проявлений профессиональной дефор-

мации личности, другие утверждают, что эти феномены отличаются. Профессиональную деформацию ученые трактуют как сложившиеся в профессии аспекты личности, имеющие негативный оттенок и проявляющиеся в основном в непрофессиональной жизни. Выгорание – исключительно профессиональный феномен. Такая позиция вполне обоснована. В то же время профессиональная деформация не всегда носит негативный характер, поэтому следует уточнить дефиницию понятия профессиональной деформации. Кроме того, можно предположить, что выгорание не может не отражаться на деятельности и самочувствии людей в непрофессиональных областях жизни.

Деформация личностных особенностей проявляется на более поздних этапах профессиональной карьеры, а выгорание может произойти и в начале профессиональной деятельности по причине несоответствия между требованиями профессии и усилиями личности [8].

На этот счет Влах Н.И. отмечает, что эмоциональное выгорание является толчком к профессиональному выгоранию. Исследователь выделяет следующие фазы: предупредительную (чрезмерное участие в деятельности); истощение (ощущение бессилия, бессонница); снижение уровня собственного участия (применительно к коллегам, окружению, профессиональной деятельности, повышению уровня требований); эмоциональные реакции (депрессия, агрессия); фазу деструктивного поведения (сферы интеллекта, мотивационная, эмоционально-социальная, психосоматические реакции и ослабление иммунитета, разочарование, отрицательная жизненная установка) [2].

По мнению Я.И. Чаплинской профессиональная деформация выражается в стереотипных действиях. Причиной таких действий является идеализированное восприятие собственных знаний и умений, нежелание участвовать в новых обучающих программах, совершенствовать себя как профессионала [15].

Выгорание, по мнению М.А. Жигулиной, является результатом разногласий между качествами личности и работой, которую она выполняет. Феномен выгорания не является внезапным явлением, а имеет глубинные предпосылки, скрытые в неосознанных тенденциях психики. Наиболее распространен такой подход к толкованию термина «профессиональное выгорание»: это стрессовая реакция, возникающая вследствие воздействия на личность стрессов, присущих специальности. Это неоднородная группа особых психологических состояний, развивающихся у здоровых людей в условиях перенапряжения профессиональной деятельности.

Говоря о профессиональном выгорании, следует сказать, что психологической наукой не сформулирован единый подход к определению структуры и динамики

синдрома выгорания [5].

Однокомпонентные модели отражают его как комбинацию физического, эмоционального и когнитивного истощения. Некоторые ученые главным фактором считают эмоциональное истощение, а остальные компоненты – следствие неконструктивного поведения преодоления (деперсонализации) или мотивационной деформации (редукции достижений).

Авторы однофакторной модели толкуют выгорание как состояние физического, эмоционального и когнитивного истощения, вызванного длительным пребыванием в эмоционально перегруженных ситуациях. Они считают истощение главной причиной, а остальные проявления дисгармонии переживаний и поведения – следствием [18].

Согласно двухфакторной модели, выгорание – это конструкт, имеющий аффективный (эмоциональное истощение) и установочный (отрицательные установки относительно реципиентов – деперсонализация; снижение самооценки по собственным профессиональным достижениям и компетентности – редукция персональных достижений) компоненты. В двумерной структуре выгорания эмоциональное истощение и деперсонализацию предлагают рассматривать как единый фактор или толкуют как определяющие факторы выгорания [20].

Трехкомпонентная модель включает эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию персональных достижений. Авторы трехфакторной модели синдром выгорания отражают в виде трехмерного конструкта, предусматривающего: 1) эмоциональное истощение, когда индивид истощен эмоционально и физически, жалуется на постоянную головную боль, простуду; 2) деперсонализацию; 3) редукцию личных достижений, когда происходит «полное эмоциональное выгорание», перерастающее в отвращение по отношению ко всем и ко всему [19].

В четырехкомпонентной модели один из элементов выгорания (эмоциональное истощение, деперсонализация или редуцированные персональные достижения) разделяют на два отдельных фактора [19].

Процессуальные модели выгорания рассматривают динамику его развития как процесс усиления эмоционального истощения, в результате которого формируются негативные установки в отношении субъектов профессиональной деятельности. Выгорание является динамичным процессом, развивающимся во времени и имеющим определенные фазы.

Ученые отмечают, что выгорание имеет следующие этапы: 1) профессиональная деятельность начинает доставлять все меньше удовольствия; 2) усталость, апатия,

уклонение от профессиональных обязанностей; 3) истощение, склонность к заболеваниям, психологические переживания; 4) «кризис» (развиваются хронические заболевания, человек теряет трудоспособность); 5) заболевания обостряются, карьера находится под угрозой [15].

Анализ исследований дает основание говорить о том, что для работников – женщин присуща трехкомпонентная модель психического выгорания, которая характеризуется эмоциональным истощением, т.е. деперсонализацией, проявляющейся в деформации отношений с другими людьми – усилении негативизма, циничности настроок и чувств в отношении других; редукцией личных достижений, заключающейся в негативной оценке себя, собственных профессиональных достижений и успехов, ощущение неспособности положительно повлиять на ситуацию в организации и постепенная утрата профессионального качества.

Таким образом, профессиональное выгорание женщин под воздействием кризисных жизненных обстоятельств следует трактовать как сложный психофизиологический феномен, предполагающий эмоциональное, умственное, психологическое, физическое истощение из-за длительной эмоциональной нагрузки, связанное стремлением женщины нормализовать ситуацию, что в случае неудачи ведет к личностным проблемам, находящим свое выражение в профессиональном поведении, формирующемся под воздействием выгорания эмоционального внутреннего мира женщины.

Рассматривая далее проблему воздействия жизненных кризисов на профессиональное поведение женщины, обратим внимание на то, что на сегодня не существует обобщенной классификации факторов эмоционального выгорания, но в отечественной психологической литературе обратимся к классификации, которая выделяет две группы факторов:

1. Индивидуальные, к которым относят социально-демографические особенности работника (возраст, пол, семейное положение, стаж работы, образовательный и квалификационный уровень, социальное происхождение, этническая и расовая принадлежность) и личностные особенности (выносливость, локус контроля, стратегии преодоления, самооценка, тип поведения, нейротизм (тревожность), экстраверсия и т.д.).
2. Организационные, к числу этих факторов можно отнести условия работы (рабочие перегрузки, дефицит времени, продолжительность рабочего дня и т.д.), содержание работы (интенсивность профессионального общения, участие в принятии решений, самостоятельность в своей работе), социально-психологические особенности (взаимоотношения в организации, наличие социальной поддержки), а также ролевые особенности (роле-

вые конфликты, ролевая амбивалентность и т.п.) [8].

Поступательные изменения в структуре сознания личности, формирующиеся в условиях жизненных кризисов и эмоционального и профессионального выгорания негативно отражаются на производительности труда и взаимодействии женщины с другими участниками профессиональной деятельности, а также на дальнейшем развитии самой личности, вызывают профессиональные деструкции.

В работах исследователей находим, что профессиональные деструкции различаются по своему уровню:

- общепрофессиональные деструкции, типичные для работников данной профессии, специальные профессиональные деструкции, возникающие в процессе специализации;
- профессионально-типологические деструкции, обусловленные наложением индивидуально-психологических особенностей личности на психологическую структуру профессиональной деятельности [5].

В результате развития профессиональных деструкций складываются профессионально и личностно обусловленные комплексы – профессиональные деформации:

1. деформации профессиональной направленности личности (искажение мотивов деятельности, перестройка ценностных ориентаций, пессимизм, скептическое отношение к нововведениям);
2. деформации, развивающиеся на основе любых способностей: организаторских, коммуникативных, интеллектуальных (комплекс превосходства, гипертрофированный уровень притязаний, нарциссизм);
3. деформации, обусловленные особенностями характера (ролевая экспансия, властолюбие, «должностная интервенция», доминантность, индифферентность);
4. индивидуальные деформации, когда отдельные профессионально важные качества, как, впрочем, так и нежелательные качества, чрезмерно развиваются, что может приводить к возникновению акцентуаций [5].

Данные деформации в сфере профессионального поведения оказывают воздействие не только на профессиональную деятельность женщины, но также формируют и общее эмоциональное напряжение, в результате чего возникает кризис профессиональной деятельности, еще больше осложняющий жизненный кризис.

Соответственно, можно сделать вывод о необходимости психологической коррекции состояния женщины, находящейся в ситуации жизненных кризисов, что в на-

стоящее время должно стать важным направлением современной психологии труда.

Заключение

Таким образом, можно заключить, что профессиональная деятельность для женщины может стать как мощным фактором раскрытия внутреннего потенциала и личностного развития, источником мотивации и эмоционально-психологической поддержки, так и источником психотравмирующих факторов, непременно отрицательно сказывающихся на всех сторонах ее жизни. Не вызывает сомнения тот факт, что наибольшее влияние профессиональная деятельность оказывает на жизненные ситуации, в которых находится женщина, опреде-

ляющие ее психолого-эмоциональное состояние и ее готовность к самореализации в профессии.

Проведенное исследование дает основания для того, чтобы констатировать взаимосвязь между профессиональной деятельностью женщины и теми жизненными обстоятельствами, которые определяют наиболее существенные условия на конкретном этапе ее личной жизни и профессиональной деятельности.

Несомненно, что данный вывод требует эмпирического подтверждения, в связи с чем дальнейшее исследование будет направлено на изучение данной взаимосвязи в условиях психологического эксперимента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белугина М.А. Специфика семейных отношений в период переживания жизненного кризиса // Ярославский педагогический вестник. 2023. №1. С. 126-134.
2. Влах Н.И. Преневротические субдепрессивные состояния при эмоциональном выгорании: методология, психодиагностика, феноменология, психологическая помощь: дисс. ... докт. наук. – СПб., 2020. 581 с.
3. Гроф С., Гроф К. Духовный кризис: когда преобразование личности становится кризисом. М.: "Класс"; Изд-во Трансперсонального института, 2009. – 280 с.
4. Дереча, В.А. Психогенные переживания и расстройства. М.: Издательство Юрайт, 2024. 195 с.
5. Жигулина М.А. Личностная зрелость субъектов труда как фактор снижения выраженности профессионального выгорания (на материале специалистов сферы социальной защиты): дисс. ... канд. психол. наук. – Ярославль, 2024. 398 с.
6. Заболотько А.А., Дятлова Л.А. Деформация устойчивого смыслового образования и ее отличие от трансформации в переживании ситуации жизненного кризиса // Инновационная наука: Психология, Педагогика, Дефектология. 2024. №3. С. 20-33.
7. Заика В.Н., Моргунов В.Ф. Многомерность жизненных кризисов и способов их преодоления // Социальная педагогика. 2020. №2. С. 5-29.
8. Ильина Т.И. Социально-психологический феномен эмоционального выгорания у женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком: дисс. ... канд. наук. – СПб., 2022. 292 с.
9. Кабанова К.В. Анализ основных направлений современных социально-психологических исследований семьи и брачных отношений // Психология и психотехника. 2021. №4. С. 99-110.
10. Капранова М.В., Бучацкая М.В. Особенности переживания кризиса «опустевшего гнезда» замужними и незамужними женщинами // Психология и психотехника. 2022. №2. С. 29-42.
11. Коноваленко, В.А., Соломатин А.А. Управленческая психология. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2024. 328 с.
12. Мищенко, Л.В. Психическая травма. Социально-психологическое сопровождение и предотвращение рецидивов. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2024. 225 с.
13. Полевая Н.М., Ситникова В.В. Особенности социального консультирования по телефону доверия // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 100. С. 68-73.
14. Усманова Э.З., Аскарлова Г. Основные подходы к изучению копинг – стратегий в трудных жизненных ситуациях // Scientific progress. 2021. №1. С. 308-317.
15. Чаплинская Я.И. Профессиональное выгорание как современная форма отчуждения: опыт культурно-философского осмысления. – Томск, 2018. 120 с.
16. Шарипов А.О., Пчелкина Е.П., Шех О.И. Психология личности в кризисных состояниях. – М.: Издательство Юрайт, 2024. 223 с.
17. Ясько Б.А., Омельченко Н.В., Бабичкова Е.С. Активизации эмоционально-ценностной и регуляторной сфер личности в условиях системного жизненного кризиса // Южно-российский журнал социальных наук. 2022. №1. С. 96-113.
18. Céleste Brotheridge M., Alicia A. Grandey. Emotional Labor and Burnout: Comparing Two Perspectives of "People Work". Journal of Vocational Behavior. Vol. 60, Iss. 1, 2002, P. 17-39
19. Koutsimani P, Montgomery A., Georganta K. The relationship between burnout, depression, and anxiety: a systematic review and meta-analysis. Frontiers in Psychology. 2019. DOI:10.3389/fpsyg.2019.00284
20. Qikai Wang, Yang Gao, Xiaochen Wang. The relationships between burnout, job satisfaction, and emotion regulation among foreign language teachers: a meta-analytic review. Acta Psychologica. Vol. 250, 2024, 104545.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ

PSYCHOLOGICAL DIMENSIONS OF DIGITALIZATION

I. Burikova

Summary: This article explores the psychological aspects related to the process of digitalization in society and governmental administration systems. The author focuses on the significant changes in human consciousness and behavior triggered by the integration of digital technologies and the transformation of the public informational environment. Digitalization leads to various serious social and psychological issues, such as the growth in information flows, the complexity of their structure and content, the emergence of informational "viruses," and the differentiation of society based on access to digital resources. These changes contribute to the formation of "digital bubbles"—social groups varying in levels of digital literacy and access to digital services. As a result, there is increased polarization of opinions, a decline in critical thinking, and a tendency to seek information that confirms pre-existing beliefs.

Keywords: digitalization, psychological impacts, informational viruses, strategic psychology, opinion polarization, destructive social epidemics, political psychology.

Бурикова Инга Сергеевна

Кандидат психологических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС) (Санкт-Петербург)
burikova@cspdom.ru

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию психологических аспектов, связанных с процессом цифровизации общества и государственной системы управления. Акцентируется внимание на значительных изменениях в сознании и поведении человека, вызванных внедрением цифровых технологий и трансформацией общественной информационной среды. Цифровизация приводит к ряду серьезных социальных и психологических проблем, таких как рост информационных потоков, усложнение их структуры и содержание, появление информационных «вирусов», а также дифференциация общества на основе доступности цифровых ресурсов. Эти изменения вызывают формирование «цифровых пузырей» — социальных групп, отличающихся по уровню цифровой грамотности и доступу к цифровым услугам. В результате происходит поляризация мнений, снижение критичности мышления и стремление искать информацию, подтверждающую уже существующие убеждения.

Ключевые слова: цифровизация, психологические последствия, информационные вирусы, стратегическая психология, поляризация мнений, деструктивные социальные эпидемии, политическая психология.

Введение

Цифровизация общества в целом и системы государственного управления в частности имеет множество разнообразных психологических издержек. И на сегодняшний день эта тема крайне мало изучена. Научное сообщество находится в самом начале пути изучения психологии цифровизации.

Данная работа носит скорее проблемный характер и ставит своей целью обозначить основные вопросы, связанные с влиянием процессов цифровизации на изменение сознания и поведения человека.

И в первую очередь важно поговорить о проблемном поле цифровизации, в котором наиболее остро проявляются психологические вопросы.

Во-первых, сама цифровизация — это цифровая трансформация государственного управления, а управление всегда имеет место в поле сознания человека, то, каким образом государство будет управлять людьми.

Во-вторых, цифровизация основана на достижениях четвертой промышленной революции. Тема влияния четвертой промышленной революции на трансформа-

цию сознания человека достаточно хорошо изучена в литературе [1; 5; 6]. Один из основных тезисов данных работ связан с тем, что параллельно с цифровизацией идет изменение психологических параметров сознания человека. По словам Клауса Шваба цифровизация в рамках четвертой промышленной революции «сочетает разнообразные технологии, обуславливающие возникновение беспрецедентных изменений парадигм в экономике, бизнесе, социуме в каждой отдельной личности. Она изменяет не только то, «что» и «как» мы делаем, но и то, «кем» мы являемся» [6, с. 9].

В-третьих, цифровизация влечет за собой глобальную перестройку не только системы управления, но и всей общественной информационно-психологической среды, окружающий мир неизбежно меняется.

В-четвертых, вслед за окружающим миром меняется и социальное окружение. Сама цифровизация разделяет общество на «цифровые пузыри» не только в социальных сетях, но и в реальной жизни. Социальные группы формируются и объединяются по принципу доступности/недоступности цифровых услуг и информационных технологий. В качестве примера можно привести сегрегацию по использованию цифровых технологий для решения бытовых проблем – заказа продуктов, товаров,

получения услуг, в том числе государственных. Части населения активно включены в онлайн-шоппинг и по максимуму стараются решить свои бытовые вопросы дистанционно, тогда как определенная доля населения по-прежнему не имеет доступа (или знаний) к подобным технологиям и решают перечисленные вопросы «по старинке». Таким образом, люди начинают дифференцироваться по доступу к различным технологиям, и как следствие, различаться по тому образу жизни, который они ведут. В частности, сейчас в ряде территорий Российской Федерации запущен проект под названием «Университет информационной культуры», в рамках которого людям старшего возраста помогают освоить элементарные цифровые услуги, чтобы они могли обладать тем же качеством жизни, как более технически подкованные группы населения: через интернет заказать продукты, получить услуги, в том числе государственные, не выходя из дома.

В-пятых, и это то последствие, которое напрямую значимо для психологии и, во многом, социологии, цифровизация приводит к поляризации мнений и настроений, в результате происходит разделение общества по отношению к любой действительно общественно значимой социальной проблеме.

В-шестых, благодаря той системе убеждений, внушений, которая существует в социальных сетях, происходит снижение критичности мышления, поиск подтверждения только собственной, уже имеющейся точки зрения. Таким образом, люди не получают в процессе цифровизации повышения своей информированности, а ищут подтверждение уже имеющейся у них информации и сложившегося представления о ситуации.

Теоретические основания

Важно отметить, что проблема работы с информацией глобальна и требует отдельного изучения. Еще в конце XX века профессор Александр Иванович Юрьев обозначил риски цифровизации, информатизации и глобальных процессов, в результате которых происходит реальная утрата контроля над информационными потоками – «*Психологическая глобализация для сознания человека сравнима с катастрофическими изменениями климата для его организма*» [7, с. 68]. Утрата контроля неизбежна, поскольку цифровизация в геометрической прогрессии наращивает объемы информации, контролировать содержание которой становится не под силу никому, сколь бы внимательно пользователь ни относился к содержанию поступающего к нему контента.

Политическое целеобразование имеет своим источником информацию, состоит из информации и представлено в виде информации. Утрата контроля над информа-

ционными потоками приводит к тому, что происходит подмена:

- объективной информации, в основе которой достоверность и полнота — фальсифицированной информацией;
- системной информации, где представлены взаимовлияния всех сторон жизни общества — дезориентирующей;
- организованной в общепринятой форме — информацией деморализующей, подменяющей нравственные ценности;
- достаточную информацию, необходимую для понимания и действия – энтропийной, содержащей в избыточном количестве все возможные точки зрения;
- читабельную информацию, дающую алгоритмы поведения — дезинформацией, которая вводит общественное мнение в заблуждение;
- конкретную информацию, позволяющую ее реализовывать — дезорганизирующей, расстраивающей систему управления;
- практическую информацию — развращающей, побуждающей к запрещенным действиям, когда цель оправдывает средства;
- необходимую информацию, без которой невозможно достижение цели системы — дезинтегрирующей, разъединяющей общество на соперничающие части.

В результате происходит изменение получаемой информации от полезной, достоверной, системной, читабельной, конкретной, практической к совершенно искаженным форматам информации, которая только путает человека, не дает ему практической возможности реализовывать какие-либо действия. Поэтому работа с информацией — это отдельное важное направление психологического измерения цифровизации.

Система психолого-политической информации является властным механизмом интеллектуальной экспансии — проникновения на чужую территорию через захват информационной, психологической среды. Вариантом захвата «чужой территории» выступает «захват» состояния и сознание человека.

Каковы же причины психологических изменений в ходе цифровизации? Глобальная причина – это общий мировой процесс, который связан с появлением новой политической реальности, которой предшествовали четыре мировых кризиса [6].

1. Культурно-философский кризис: не дает осмысления глобальных изменений в жизни людей. Поставлены под сомнение ответы на вопросы: что такое человек? Что он должен знать и понимать? Что ему позволено и что запрещено?

2. Морально-поведенческий кризис: не объясняет, почему идет замена традиционной морали и нравственности на новые нормы поведения, основанные на цифровой цивилизации. Понятия совести, сознания, долга, чести, справедливости не поддаются счету, поэтому они не являются ценностями глобализации.
3. Научно-интеллектуальный кризис: у власти нет решения конкретных глобальных проблем современности: экологии, занятости, преступности, образования, культуры, медицины.
4. Промышленно-финансовый кризис: люди не верят материалам дискуссий на международных форумах финансистов и экономистов.

Четыре мировых кризиса эпохи постмодерна порождают у людей ощущения невероятной новизны, которые не поддаются пониманию, потому что представляются людям [6]:

- необычными, потому что для них нет готовых «хороших» ответов;
- недопустимыми из-за своей кажущейся противостественности;
- внезапными, потому что происходят именно тогда, когда их не ждали;
- неожиданными, потому что оказываются совсем не такими, какими их предвидели.

Если обобщить эти кризисы, можно сказать, что общество находится в той ситуации, когда нет готовых решений на встающие перед ними вопросы. Даже в научном сообществе нет единого мнения по, казалось бы, базовым вопросам. В результате психологический фокус принятия решения относительно той или иной информации перекладывается на получателя этой информации, который не всегда оказывается к этому готов. И ощущение невероятной новизны вызывает у него ответную тревогу и непонимание, что происходит.

Материалы и методы

Методологическая специфика поиска ответов на вызовы новой реальности связана с невозможностью пользоваться исключительно традиционными социологическими методами, поскольку они имеют ряд серьезных ограничений, и ключевой из них – сложность предсказания появления революционных технических изменений. В качестве примера можно привести расхожую фразу, приписываемую Генри Форду, в которой поднимается проблема сложности предсказания появления новых изменений только на основе вербализованных потребностей потребителей: «Если бы я спрашивал людей, чего они хотят, они бы сказали, что хотят более быстрых лошадей» [2].

В этой связи необходимы косвенные методы исследова-

ования будущего, в первую очередь, психологические методы, стратегическая психология будущего. Именно они позволят углубиться в понимание, каким образом цифровизация изменит будущее человечества и общества.

Александр Иванович Юрьев выделял три направления психологии [7]:

1. оперативная психология — «психология человека»,
2. тактическая психология — «психология общества»,
3. стратегическая психология — «психология политики».

Оперативная психология занимается *внутренним кругом* проблем человека: соответствия его поведения общепринятым стандартам.

Тактическая психология изучает *ближний круг* проблем человека, который существует в реальном времени и пространстве, обеспечивая адекватные отношения человека с другим человеком, с группой лиц, с техническими системами или окружающей средой.

В контексте данной работы основное внимание уделяется стратегической психологии, которая работает с *внешним кругом* проблем человека и общества на пересечении политической и экономической психологии, футурологии и стратегического прогнозирования.

Стратегическая политическая психология изучает *будущее человека*, такие изменения его сознания и поведения, которых не было в прошлом, их нет в настоящем — они в будущем, но приближаются все быстрее и быстрее.

Основным методом изучения служит прогноз.

Результаты

Стратегическая политическая психология ставит перед исследователями ряд вопросов, ответы на которые нельзя найти в прошлом и настоящем:

- каким Вы видите человека будущего?
- должен ли человек уступить свое место новому, более совершенному разумному существу?
- какое политическое устройство общества будет доминировать на планете Земля, через 20, 50, 100 лет?
- что будет главным инструментом власти в будущем: сила, деньги, информация, или может быть... еда?

Ответы на эти вопросы позволяют предположить, каким должен быть человек будущего, а соответственно, как он будет изменяться под процессами цифровизации

и как государство может участвовать в этих изменениях, корректировать его поведение и корректировать развитие человека в соответствии с новыми заданными параметрами.

Одно из направлений, которое помогает в работе с человеком будущего и помогает справляться с проблемами человека настоящего, сталкивающегося с новой политической реальностью – это социальная психотерапия как способ противодействия деструктивным социальным политическим эпидемиям. Почему речь идет именно об эпидемиях? Чтобы объяснить это, необходимо обратиться к терминологии.

Эпидемия – массовая, непрерывная, прогрессирующая передача инфекционного заболевания, вируса от человека к человеку, превышающая обычную распространенность вируса на определенной территории в аналогичный период времени [8]. В контексте данной статьи (и социальной психотерапии) подразумевается информационный вирус.

Информатизация, цифровизация создают идеальные условия для мгновенной передачи этого «вируса», кроме того, наличествуют все параметры, которые отвечают термину «эпидемия». В своей монографии «Деструктивные социальные эпидемии» Катков А.Л. отмечал, что «В эпоху глобализации и проникновения информационных технологий в жизненное пространство каждого человека деструктивные социальные явления, до поры изолированные и разрозненные, обнаруживают тенденцию к неконтролируемому росту и охвату все более значительных групп населения» [3, с. 6].

Есть источник заболевания — информационный вирус, недостоверная, некачественная информация, с которой сталкивается человек. Этот информационный вирус — это адаптационное расстройство с признаками синдрома деморализации.

Есть механизм передачи этого вируса — информационная коммуникативная среда, интернет в первую очередь.

И есть восприимчивые к заболеванию – информационному вирусу – люди, которые появляются в результате снижения качества человеческого капитала.

Для борьбы с деструктивными социально-политическими эпидемиями обществу необходимо проводить исследования качества человеческого капитала, как уже имеющегося, так и построение моделей того качества человеческого капитала, которое необходимо для эффективной благополучной жизни в будущем и положительных ответов на вызовы, которые ставит перед обществом цифровизация.

Необходим поиск элементов деструктивного политического сознания и определение мишеней социальной психотерапии, на которые цифровизация может негативно повлиять. Определив эти элементы, станет возможным выстраивание работы по нейтрализации информационных вирусов.

Например, это может быть выявление наиболее уязвимых факторов дестабилизации с помощью психолого-политических исследований и мониторинга ситуации, выявление потенциальных протестных лозунгов, недовольств, тем, по которым может быть начат общественный резонанс, протест. Это можно сделать с помощью как социологических, так и психологических исследований, либо использования психологических методов, инструментов в структуре классических социологических исследований.

Далее, для поиска элементов деструктивного политического сознания может быть проведено изучение типа психологического воздействия и реакции в архитектуре политической стабильности, определение политико-психологических состояний целевых групп и в целом населения, прогноз поведения, а также описание типа данного поведения и средств для его прекращения. Дело в том, что некачественная информация и информационный вирус не влияют на человека просто так вообще, а влияют на его конкретные психические состояния и функции. Можно и нужно определить, какие из состояний и свойств станут наиболее уязвимыми для воздействия цифровизации, какие из них будут требовать дополнительной поддержки.

И еще одно важное направление борьбы с деструктивными социально-политическими эпидемиями – это работа с населением в формате новой политической реальности. Классические средства PR и рекламы положительных образов уже не работают. Необходимо включать механизмы самоорганизации и воспитывать соратников.

Почему в данном контексте речь идет о стратегической психологии, политической психологии? Дело в том, что структура «Человек-политик-власть» отвечает за три важных параметра:

- мишени социальной психотерапии (система политического сознания вместо эмпирического собирательства) – определение уязвимых мест;
- проект человека (идеализация и конструирование собственного проекта вместо согласия/несогласия с предложенными вариантами чужих проектов человека);
- политическая воля (включение системы самоорганизации субъектов и объектов политики вместо кем-то управляемого «хаоса»).

Очень важно, чтобы общество двигалось за чьим-либо примером. На субъектах политики, на политических лидерах, на политических партиях сейчас стоит самая важная моральная задача — показать эталонные образцы поведения и сделать их привлекательными для представителей общества, чтобы включился механизм желаний им соответствовать.

Обсуждение

Первые исследования психологических изменений, которые несет в себе цифровизация, уже есть. В частности, по касательной задевают эту тему Д. Ронфелд и Д. Аркилл в своей работе «Сети и сетевые войны: будущее террора, преступлений и вооруженной борьбы», описывая востребованные навыки современного вывода [8]. Это к вопросу о формировании проекта человека. По чуть-чуть к этому подходят, изучают и пытаются сформулировать, но нужно это делать более широко и системно.

В качестве общих навыков, которые сейчас считаются востребованными в современном цифровом мире, кроме собственно цифровых навыков, авторы обозначают так называемые *soft skills*, которые включают в себя ряд когнитивных, социальных и эмоциональных навыков, таких как креативность, критическое мышление, интерпретация информации, принятие решений и коммуникативные способности, любознательность, адаптивность, комфорт в условиях неопределенности. В психологической науке эти навыки принято было считать «женскими» [9, с. 64]. Запрос на «мягкие навыки» растет даже в условиях жестких времен.

Заключение

При оценке эффективности деятельности политических институтов в России рано или поздно встает вопрос о человеческом факторе. Даже идеально задуманные модели организации политических институтов на прак-

тике начинают «пробуксовывать» и работать с низкой эффективностью из-за проблем, связанных с людьми, задействованными в этих институтах.

Личность чиновника в процессе цифровизации приобретает ключевую значимость. Как будет восприниматься политик, политический лидер, представитель партии? Будет ли он предлагать только сервис и услуги на местах, в которых чиновник остается один на один с населением при решении сложных вопросов, и в 99% случаев он не может их решить, а значит вынужден заниматься, по сути, социальной психотерапией, не имея возможности решить проблему. Либо он сможет выполнить функцию маяка в сложном мире новой реальности и цифровизации, где наращивается фактор неопределенности, а партия, политические лидеры могли бы вести за собой и транслировать привлекательность своего образа, быть примером для подражания.

Процесс цифровизации, идущий в настоящее время, по масштабности изменения сознания человечества может сравниться разве что с изменением массового сознания в эпоху географических открытий и включения в общую жизнь многих разных народов. Об этом опыте очень емко написал Юваль Ной Харари в своей книге «Sapiens. Краткая история человечества»: «Кортес тоже ничего не знал об ацтеках, но у него и его спутников было существенное преимущество: ацтеки не обладали опытом, который подготовил бы их к появлению странных на вид и скверно пахнущих чужаков, испанцы же знали, что на Земле живет множество еще неизвестных народов.... Никто не мог на тот день сравниться с испанцами в опыте освоения чужих стран, в умении держаться в совершенно необычных ситуациях.... Кортес не знал, куда он попал, и ему это чертовски нравилось» [4].

Не известно, куда приведет человечество цифровизация, но наблюдать за этим процессом и изучать его очень увлекательно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балацкий, Е.В. Глобальные вызовы четвертой промышленной революции / Е.В. Балацкий // *Terra Economicus*. – 2019. – Т. 17, № 2. – С. 6-22. – DOI 10.23683/2073-6606-2019-17-2-6-22. – EDN DAOPRR.
2. Дженнифер Грин, Эндрю Стеллман Постигаая Agile. Ценности, принципы, методологии. - М.: Манн Иванов и Фербер, 2017. - 641 с.
3. Катков А.Л. Деструктивные социальные эпидемии: опыт системного исследования. Павлодар, 2012. 223 с.
4. Харари Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества. Издательство «Синдбад», 2016. 570 с.
5. Чесалов А.Ю. Цифровая трансформация. Издательские решения, 2020. 348 с.
6. Шваб К. Четвертая промышленная революция /пер. с англ. М.: Эксмо, 2016. 138 с.
7. Юрьев А.И. Избранные статьи по политической психологии. - СПб.: ЛГУ, 2021. - 260 с.
8. Arquilla J., Ronfeldt D. Networks and Netwars: The Future of Terror, Crime, and Militancy. - Santa Monica, CA: Rand Corporation, 2001. - 380 с.
9. Rothman P. Genius, gender and culture: Women mathematicians of the nineteenth century // *Interdisciplinary Science Reviews*. 1988. №13(1). С. 64-72.

© Бурикова Инга Сергеевна (burikova@cspdom.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ САНОГЕННОГО МЫШЛЕНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL CONDITIONS OF DEVELOPMENT SANOGENIC THINKING OF PRIMARY SCHOOL CHILDREN

I. Glushchenko

V. Petkov

N. Demchenko

H. Arov

E. Ogar

Summary: The relevance of the study is due to the search for ways to develop sanogenic thinking of younger schoolchildren, which is a prerequisite for the formation of mental health of younger schoolchildren, the success of their educational and cognitive activities and personal development. The purpose of the study is to identify and test the effectiveness of psychological and pedagogical conditions for the development of sanogenic thinking in younger schoolchildren. The novelty of the research consists in expanding the scientific concepts of pedagogical psychology and pedagogy related to the development of sanogenic behavior of younger schoolchildren.

Keywords: the personality of a younger student, mental health, sanogenic thinking, educational and cognitive activity.

Глущенко Ирина Анатольевна

Кандидат педагогических наук, доцент, Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт
iro4ka-glushenko@yandex.ru

Петьков Валерий Анатольевич

Доктор педагогических наук, профессор, Кубанский государственный университет (г. Краснодар)
Valerype@mail.ru

Демченко Наталья Юрьевна

Кандидат психологических наук, доцент, Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт (г. Невинномысск)
natalidem71@yandex.ru

Аров Хасан Нанурович

Кандидат биологических наук, доцент, Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт
arovichn@yandex.ru

Огарь Елена Викторовна

Старший преподаватель, Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт (г. Невинномысск)

Ogar_ev@yandex.ru

Аннотация: Актуальность исследования обусловлена поиском путей развития саногенного мышления младших школьников, которое является предпосылкой формирования психического здоровья младших школьников, успешности их учебно-познавательной деятельности и личностного развития. Целью исследования является выявление и апробация эффективности психолого-педагогических условий развития саногенного мышления младших школьников. Новизна исследования состоит в расширении научных представлений педагогической психологии и педагогики, связанных с развитием саногенного поведения младших школьников.

Ключевые слова: личность младшего школьника, психическое здоровье, саногенное мышление, учебно-познавательная деятельность.

Современная социокультурная ситуация в нашей стране характеризуется динамичностью, нестабильностью и высокой социальной напряженностью. Эти факторы способствуют повышению психологической нагрузки на организм человека, оказывают значительное влияние на личностное развитие, качество и характер его жизнедеятельности, а социокультурные установки детерминируют социальную успешность. В ряде научных исследований педагогов и психологов доказано, что слабое использование возможностей школьной психологической службы, приводит к нарушению психического и физического здоровья школьника и как следствие к снижению качества учебно-познавательной деятельности обучающихся [3,6].

В этой связи значительный научный интерес представляют психолого-педагогические условия развития у младших школьников элементов продуктивного или саногенного мышления, выявление и учёт которых позволяет повысить эффективность организации учебно-познавательной и оздоровительной деятельности образовательного учреждения, создать предпосылки для развития рефлексивных механизмов, составляющих основу мыслительных процессов и формирования навыков самостоятельного управления психическими процессами [4].

А.В. Брушлинский утверждает, что любой результат мыслительного процесса является прерывным компонентом непрерывного мыслительного процесса [1]. По

его мнению, результат психического (мыслительного) процесса характеризуется не только конкретным предметным содержанием найденного или не найденного решения задачи, а формированием психических новообразований: способы мышления, эмоциональные реакции, установки и пр. В таком случае эмоции, выступающие следствием саногенного (патогенного) мышления, являются компонентом данных видов мышления, его результатом. Так, положительные эмоции - результат саногенного, а отрицательные - результат патогенного мышления. Выдвинутое учёным теоретическое предположение вполне справедливо, поскольку психика младшего школьника неустойчива, он импульсивен, эмоционально неустойчив, подвержен влияниям среды, зависим от взрослых, подвержен неврозам. Это создает почву для формирования патогенного мышления.

Наиболее типичные эмоции младшего школьника, как положительные, так и отрицательные эмоции в силу легкости возникновения, яркости проявления, несформированности механизмов самоконтроля способны в значительной степени определить состояние психики, в том числе – мыслительной деятельности ребенка. Радостный ребёнок мыслит саногенно, а испытывающий отрицательную эмоцию, как правило, мыслит патогенно. Исследование взаимосвязи эмоциональной сферы и особенностей развития саногенного или патогенного мышления школьника, может объяснить существование многих психологических феноменов.

В российской психологии одним из основоположников исследования проблемы развития саногенного мышления является Ю.М. Орлов, научные труды которого послужили основанием для создания программ психологических тренингов для детей и взрослых его последователями (Т.Н. Васильева, О.С. Гребенюк, С.Н. Морозюк, Н.В. Павлюченкова и др.).

Выполненный нами анализ научных трудов, посвящённых развитию саногенного мышления школьников [2,4,5] позволил сформулировать следующие психолого-педагогические условия, обеспечивающие эффективность этого процесса:

- развитие положительных эмоций, а также навыков преодоления и конструктивного использования негативных эмоций являются предпосылкой формирования саногенного мышления у детей 7-8 лет и приводит к позитивной качественной и количественной динамике компонентов его саногенного поведения;
- процесс развития саногенного мышления младшего школьника связан с осознанием значимости здоровья личностью, с активизацией рефлексивных механизмов, составляющих основу мыслительных процессов и формирования психического здоровья;

- формирование готовности педагогов к организации эффективной деятельности по развитию саногенного мышления младших школьников;
- использование в работе с детьми развивающих и коррекционных возможностей разработанных комплексов занятий психогимнастикой, обеспечивающих развитие саногенного мышления как одного из компонентов психического здоровья.

В качестве экспериментального выступило образовательное учреждение Лицей №6 г. Невинномысска Ставропольского края. В эксперименте, проведенном в 2022-2023 учебных годах участвовали первоклассники, разделённые на две группы – контрольную и экспериментальную, включающие в себя соответственно 60 и 59 обучающихся.

Методы исследования: анализ литературных источников, констатирующий эксперимент, наблюдение, психологическая диагностика, математико-статистические методы.

Методики исследования: дифференциальная шкала эмоций К. Изарда; методика выявления саногенного или патогенного мышления Т.Н. Васильевой.

В процедурах анкетирования и опроса были привлечены 36 педагогических работников школ г. Невинномысска, из них: 15 – учителя начальных классов; 4 – школьных психолога, 2 – социальных педагога и 3 медицинский работник. В опросе приняли участие 25 – родителей школьников.

Для проверки первого психолого-педагогического условия предполагающего, что развитие положительных эмоций является предпосылкой формирования саногенного мышления у детей 7-8 лет и приводит к позитивной качественной и количественной динамике роста показателей саногенного поведения младшего школьника.

В ходе проведённого нами исследования было выявлено, что действиями со стороны взрослых, по созданию положительного эмоционального фона на занятиях и влияющие на сформированность у детей саногенного мышления являются:

- успокоение отрицанием (88%): "Не нервничай!", "Не волнуйся";
- использование слов – "должников" (82%): "Ты должен вести себя более ответственно";
- негативная критика (79%): "Ты недостаточно прилежно работаешь";
- "допросы" (66%): "Сколько часов у тебя ушло на это?!";
- оскорбительные прозвища (60%): "Такое мог сказать только идиот!";
- угрозы (53%): "Делай как сказано, а то...".

Таблица 1.

Ответы респондентов о целях использования средств психогимнастики в образовательной практике начальной школы.

Цели использования средств психогимнастики	Количество респондентов
– формирование физического здоровья детей	16
– формирование психического здоровья детей	5
– снятие эмоционального напряжения	12
– улучшение работоспособности организма	6
– обогащение двигательного опыта ребенка, приобщение его к физической культуре	7
– развитие непринужденных, выразительных и свободных движений	18
– формирование двигательных навыков	10
– выработка красивой осанки, координации движений	15

Примечание: сумма ответов респондентов больше их количества, так как они указывали на несколько значимых на их взгляд целей

Таблица 2.

Уровневые характеристики развития структурных компонентов саногенного мышления младших школьников (в баллах).

Структурные компоненты саногенного мышления	Группы школьников	
	экспериментальная	контрольная
Адекватность самооценки	1,3/2,5	1,2/1,5
Рефлексия собственных возможностей:		
– физических	1,4/3,4	1,5/1,7
– психических	1,3/3,3	1,5/1,9
Реалистическое восприятие мира и образов	1,7/2,5	1,6/2,0
Отсутствие страха к неудачам	1,3/2,3	1,2/1,6
Познавательная активность	1,9/3,3	1,9/2,6
Гармония в межличностных отношениях	1,5/3,1	1,4/2,0
Эмоциональная уравновешенность	1,7/3,0	1,8/2,1
Резистентность к стрессу	1,7/2,9	1,6/2,5

Примечание: в числителя данные до эксперимента, знаменателе – после

В исследовании было подтверждено предположение о том, что проявление отрицательных эмоций являются предпосылкой для развития патогенного мышления школьников. Установленная связь эмоций и саногенного (патогенного) мышления является прямой, порождающей, управляющей.

Для определения значимости второго психолого-педагогического условия предполагающего поиски путей формирования готовности педагогов к организации эффективной деятельности по развитию саногенного мышления младших школьников нами были проведены анкетирование, опрос и беседы с педагогами начальной школы, которые позволили выявить высокую значимость и заинтересованность педагогов в формировании психического здоровья и саногенного мышления, как его компонента. Мы выяснили, что педагоги и сотрудники школы осознают значимость формирова-

ния психического здоровья, некоторые даже включают элементы психогимнастики в учебно-воспитательный и оздоровительный процессы школы, однако использование средств психогимнастики носит эпизодический характер, не всегда выделяются специальные задачи, направленные на развития саногенного мышления детей, не все учителя школы владеют приемами оздоровления психики детей.

Так, учителя чаще используют в своей работе оздоровительные упражнения под музыку на уроках физкультуры, праздниках, утренниках и развлечениях. Говоря о целях или направлениях использования средств психогимнастики в практике учебно-воспитательной деятельности младших школьников педагоги отмечают следующие (см. табл.1).

Анализ анкетных данных, представленных в таблице,

показал, что большинство педагогов на первый план выдвигают задачу охраны, сохранения и укрепления физического здоровья школьников – развитие двигательной сферы ребёнка, а также создание определенного эмоционального фона на уроках для снятия эмоционального напряжения, активизации внимания школьников на выработку красивой осанки и координации движений. Однако задачи целенаправленного развития элементов саногенного мышления школьников не решаются. Поэтому в формирующей части исследования нами был разработан комплекс занятий с педагогами, персоналом школы, родителями направленный на осознание значимости саногенного мышления в формировании психического здоровья младших школьников, на ознакомления с методами психогимнастики и возможностями их использования в коррекционно-развивающей работе с детьми.

Основной этап, включающий формирующий педагогический эксперимент характеризовался внедрением в практику учебно-воспитательного процесса начальной школы, разработанной нами программы, содержание которой включало комплексы психогимнастических упражнений, коррекционно-развивающей направленности на развитие положительных эмоций, как предпосылки формирования саногенного мышления и коррекции патогенного. Занятия проводились один раз в неделю в течении учебного года во время урока физической культуры.

В содержании таблицы 2 представлены уровневые характеристики развития структурных компонентов саногенного мышления младших школьников контрольной и экспериментальной групп, которые оценивались экспертами по трёхбалльной шкале. Высокому уровню соответствовала оценка 3 балла и выше, среднему – 2-2,5 балла, низкому до 1 балла.

Анализ представленных в таблице 2 данных позволил сделать вывод, что в результате проведённой экспериментальной работы произошли позитивные изменения уровневых показателей саногенного мышления младших школьников как в контрольной, так и в экспериментальных группах. Однако в экспериментальных группах более выражена позитивная динамика групповых перераспределения с низкого уровня на средний и на вышестоящий, чем в контрольных группах.

Эти данные свидетельствуют об эффективности авторской программы и проведённого эксперимента.

Таким образом, выявленные нами и реализованные в педагогическом эксперименте психолого-педагогические условия развития саногенного мышления младшего школьника, оказали значительное влияние на активизацию учебно-познавательной деятельности школьников создав благоприятные предпосылки для формирования психического здоровья обучающихся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брушлинский, А.В. Субъект: мышление, учение, воображение. Воронеж, 1996. 309 с.
2. Васильева Т.Н. Формирование саногенного мышления младшего школьника: Учебное пособие. Калининград: Изд-во КГУ, 1997. 148 с.
3. Васильева О.С., Филатов Ф.Р. Психология здоровья человека. Уч. пособ для вузов. М.: Академия, 2001. 318 с.
4. Морозюк С.Н. Саногенная рефлексия как фактор оптимизации акцентуаций характера и повышения эффективности учебной деятельности: монография. М., 2001. 382 с.
5. Орлов Ю.М. Воспитание в свете саногенного мышления // Воспитание школьников. М., 1992. № 11. С. 31–38.
6. Петков В.А., Филоненко В.А. Проблема целевой направленности образования // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. № 51. С. 119-123.

© Глуценко Ирина Анатольевна (iro4ka-glushenko@yandex.ru), Петков Валерий Анатольевич (Valerype@mail.ru), Демченко Наталья Юрьевна (natalidem71@yandex.ru), Аров Хасан Нанурович (arovnp@yandex.ru), Огарь Елена Викторовна (Ogar_ev@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В ПСИХОЛОГИИ: ОПЫТ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

THE AESTHETIC PARADIGM IN PSYCHOLOGY: THE EXPERIENCE OF FOREIGN RESEARCHERS

**B. Emelianenko
R. Bratash**

Summary: The article describes the domestic and foreign experience of using art in the research field of psychology. In Russian psychology, this approach is realized within the context of the aesthetic paradigm, then abroad within the framework of the methodology of "art-based research". The similarities and differences of these directions are described. It is shown that foreign experience is much richer in the field of empirical research. Thus, new research directions based on the use of art for Russian psychology are being outlined.

Keywords: aesthetic paradigm, art-based research, synthesis of art and psychology, languages of art, artistic practices.

Емельяненко Богдан Олегович

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский
государственный университет»
bogdan_eme@mail.ru

Браташ Руфь Ивановна

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский
государственный университет»

Аннотация: В статье описывается отечественный и зарубежный опыт использования искусства в исследовательском поле психологии. Если в отечественной психологии данная установка реализуется в контексте эстетической парадигмы, то за рубежом в рамках методологии «art-based research». Описаны сходства и различия этих направлений. Показано, что зарубежный опыт значительно богаче в области эмпирических исследований. Таким образом, намечаются новые исследовательские направления, основанные на использовании искусства, для отечественной психологии.

Ключевые слова: эстетическая парадигма, art-based research, синтез искусства и психологии, языки искусства, художественные практики.

Впервые об идеи эстетической парадигмы в отечественной психологии написала Т.Д. Марцинковская в 2014 году [2]. Истоки эстетической парадигмы можно найти в психологии искусства и экспериментальной эстетики [9]. Н.С. Полева определяет эстетическую парадигму как «систему междисциплинарных теоретических подходов к исследованию проблем психологии, основанных на синтезе искусства и науки» [7]. Так искусство «позволяет найти точки опоры в изменяющейся действительности и восстановить утраченную целостность восприятия мира и себя» [2], что позволяет говорить о тесной связи искусства с личностной и социальной идентичностью [2]. Также, обращаясь к искусству, можно изучать «процессы социализации-индивидуализации, конструирования идентичности, культурной трансмиссии и перехода индивидуальных смыслов в значения» [7]. Кроме этого, искусство «кристаллизирует социальный опыт людей определенного времени и определенной культуры» [31, с. 346]. По этим причинам такие психологические дисциплины как психология личности, психология повседневности, психология социального познания и ряд других обращаются к искусству.

Эстетическую парадигму нужно понимать как исследовательскую «оптику» [7], т. е. определенный ракурс психологических исследований, где в центре внимания находятся отношения типа «человек – искусство», как части более широкой системы «человек – культура» [1; 7]. В таком случае, как пишет Д.А. Хорошилов: «искусство – не эмпирический материал или предмет исследования для психоло-

гии, а самоценная форма познания на равных с научной, которые вместе составляют неразрывное единство» [9].

Н.С. Полева указывает на то, что эстетическая парадигма может рассматриваться на разных уровнях: 1) на общетеоретическом уровне она предлагает рассматривать искусство как модель организации психологического знания; 2) на исследовательском уровне эстетическая парадигма предлагает новую исследовательскую модель для изучения психологических явлений, синтезируя собственно психологические методы с методами смежных дисциплин [7].

Д.А. Хорошилов указывает, что эстетическая парадигма может быть использована в таких областях как: «1) сравнительный анализ художественных и научных репрезентаций психологических явлений; 2) поиск художественных форм академического письма; 3) использование эстетических категорий как объяснительных принципов в психологии» [10].

Эстетическая парадигма в психологических исследованиях реализуется такими отечественными психологами как Т.Д. Марцинковская, Д.А. Хорошилов, Н.С. Полева, В.Р. Орестова, М.С. Гусельцева и др., но в их работах не описан зарубежный опыт использования искусства для решения проблем в области психологии. Однако анализ зарубежных публикаций по данной теме показал, что идея синтеза искусства и психологии активно реализуется на протяжении нескольких десятков лет, и свое во-

площение это нашло в таком направлении как «art-based research». Это направление в целом слабо описано в отечественной психологии. Так нами была найдена лишь одна отечественная публикация в области психологии, рассматривающая данный подход [6]. Однако в ней дается лишь краткое описание данной исследовательской области.

Таким образом, целью данной статьи является знакомство отечественного читателя с областью «art-based research» (далее ABR) в контексте психологических исследований. Также будет проведена сравнительная характеристика эстетической парадигмы, реализуемой отечественными психологами, и подходом ABR, развиваемым зарубежными авторами.

Прежде всего определимся с переводом понятия «art-based research». В упомянутой отечественной публикации А.Б. Пауковой предлагается такой эквивалент: «исследование, основанное на художественных практиках» [6, с. 41]. Как отмечает Н.Н. Середкина понятие «художественные практики» понимается в двух смыслах: в узком смысле – как разного вида произведения искусства, а в широком оно не ограничивается формой или процессом художественной деятельности, а «расширяется до значимого для социального взаимодействия феномена» [8, с. 755]. Таким образом, использование предложенного А.Б. Пауковой перевода обосновано.

Подход ABR был предложен теоретиком и практиком образования Э. Эйснером в 1993 г. на образовательной конференции в Стэнфордском университете [40]. Идея заключалась в том, что исследование творчества является новым способом для понимания человеческого опыта, а источником идеи выступили практики арт-терапии [39]. Отличие подхода ABR от арт-терапии заключается в том, что в арт-терапии «терапевт дает экспертное мнение о том, что означает творчество клиента; здесь именно участники сами или через диалог с другими участниками и исследователем дают объяснение своему творчеству» [21].

Подход ABR выступил «альтернативным и инновационным способом фиксации, репрезентации и осмысления человеческого опыта» [39, с. 297], «где традиционные формы сбора данных расширяются» [20]. Так знания, отраженные в языках искусства, могут быть более ценными и доносить посыл более убедительно, чем дискурсивные описания [21], поскольку человеческий опыт не всегда доступен лексической логике [15]. Искусство же представляет возможность для выражения сложных чувств, не прибегая к словам: «изображения, скульптуры или коллажи заменяют традиционные выдержки из интервью или данные наблюдений» [16, с. 34].

Как отмечает П. Леви такие исследования направлены

на улавливание и объединение творческих импульсов и намерений между художественной и научной практикой [28] и проводятся в психологии, здравоохранении, образовании, антропологии и других социальных науках [39]. В том числе это связано с тем, что знания, полученные с помощью искусства, являются более доступными для понимания широкой аудиторией [28; 33; 39].

Одним из главных факторов роста исследований, основанных на художественных практиках, является признание того, что «жизненный опыт мультисенсорен, многогранен и сложным образом связан со временем, пространством, идеологиями и отношениями с другими людьми, ... а традиционные подходы преимущественно интеллектуальные, вербальные и имеют линейно-временной характер к изучению опыта» [21]. Искусство же позволяет ухватить интеллектуальные, эмоциональные и интуитивные аспекты человеческого опыта в их единстве и, кроме этого, выявлять неосознаваемые представления.

В настоящий момент этот подход, как отмечают исследователи, представляет собой особую методологию [21; 28; 38; 39], а некоторые рассматривают ABR как парадигму [13; 34], в том числе и потому что она предлагает новые формы исследования, не укладывающиеся в чисто количественный или качественный анализ [13]. Так методология ABR предполагает «использование рисования, создание коллажей, живопись, лепку, пение, оркестровку, конструирование из Lego, импровизацию движений, создание текстов, фотографии, граффити, театральные постановки» [21], а «цвет, пространство, звук, движение, выражение лица, интонация голоса и визуальная метафора так же важны для выражения и понимания знаний, как и слова» [21]. Тем самым исследователи получают возможность по-другому понимать существующие и только появляющиеся социальные явления [40].

Технологии ABR могут быть применены для самых разных исследовательских целей: в качестве основы для постановки исследовательских вопросов, как источник данных или как средство представления результатов [21; 28].

Таким образом, ABR зарубежные психологи определяют как «исследования, которые используют искусство в самом широком смысле для изучения, репрезентации, понимания человеческих действий и опыта» [37, с.1]. Искусство в данном случае не является объектом изучения само по себе, но рассматривается как метод или инструмент для исследования явлений на уровне личности, малых и больших социальных групп.

Я. Гринвуд выделяет три области, где применима методология ABR [21]. Первое и наиболее крупное направление – это изучение разнообразных социальных процессов и проблем. Так искусство позволяет выявлять

и описывать связи между жизнями отдельных людей и более широкими контекстами [28]. Например, Бабур пишет о том, что «художники обладают потенциалом внести значительный вклад не только в развитии художественной практики, но и в понимание общества в целом» [12, с. 86]. Кроме этого, методы, основанные на искусстве, создают безопасное пространство для диалога между исследователем и участниками [22], что важно при изучении уязвимых групп населения, которым часто бывает трудно взаимодействовать с традиционными исследовательскими подходами [29]. Во-вторых, это исследование личностных характеристик, переживаний и жизненного опыта через реализацию художественных практик. В-третьих, это исследования в области преподавания (использование искусства как средства обучения) и психологической помощи. Отметим, что границы этих трех областей размыты. Так из изучения жизненного опыта можно перейти к оказанию психологической помощи посредством художественных практик. Все зависит от цели исследования.

Далее рассмотрим конкретные исследовательские проекты зарубежных авторов в рамках каждого из трех направлений методологии ABR, выделенных Я. Гринвуд, а также обратимся к опыту отечественных авторов в рамках эстетической парадигмы. Параллельно соотнесем отечественный и зарубежный опыт.

В контексте исследования социальных процессов и проблем, как было отмечено выше, методы, основанные на использовании искусства, весьма распространены. Так методология ABR использовалась для изучения социокультурных причин стресса и депрессии у мужчин [19], социальных и психологических аспектов старения у иммигрантов и представителей этнических меньшинств [36], представлений о репродуктивном здоровье у женщин [20], установок в области социально-экологических проблем [24] и для понимания гендерных отношений [30]. Кроме этого, искусство использовалось для изучения проблем, связанных с адаптацией беженцев [29], выявления буллинга в школе [25] и т.д. Как видно, область приложения методов, основанных на искусстве, очень широкая, и они могут быть использованы с самыми разными социальными группами.

В публикациях отечественных авторов искусство используется скорее для отражения макросоциальных процессов, а не применительно к исследованию конкретной проблемы у какой-либо категории людей. Ведь искусство отражает как настроение больших социальных групп, так и актуальные научные концепции [2]. Так отечественные психологи описали как современная ситуация транзитивности отражается в различных видах искусства [3; 4], а В.Р. Орестовой было показано как современная российская повседневность отражается в киноискусстве [5].

Перейдем ко второму исследовательскому полю, выделенному Я. Гринвуд. Оно связано с использованием искусства для описания различных переживаний и аспектов жизненного опыта человека. Так методы, основанные на искусстве, применялись для изучения опыта преодоления стигматизации в группах маргинализированных женщин [14]; для определения особенностей протекания жизни у людей с хроническими заболеваниями [17; 22]; для описания опыта посттравматического роста [35]; для описания переживаний, связанных с травмой [32], в частности переживаний у женщин, связанных с сексуальным насилием в детстве [18], переживаний у женщин, связанных с домашним насилием [23] и т.д. Как видно, искусство, обладая свойством создавать безопасное пространство для диалога, часто используется для более глубокого осмысления болезненного опыта.

Обратимся к зарубежному опыту по третьему направлению, связанному с применением искусства в области обучения и психологической помощи. Так искусство использовалось для повышения вовлеченности в процесс обучения [27], для психологического принятия хронического заболевания [11], для восстановления психического здоровья [26] и т.д. Отметим, что это лишь небольшая область использования искусства для улучшения процесса обучения и оказания психологической помощи.

Характеризуя отечественный опыт в двух вышеописанных областях, отметим, что нами не были найдены эмпирические исследования, выполненные в рамках эстетической парадигмы. Поэтому можно говорить о дефиците практического применения эстетической парадигмы в отечественной психологии. Хотя отечественные авторы, разрабатывающие эстетическую парадигму, и отмечают потенциал использования искусства в исследованиях не только на уровне социальных групп, но и на уровне личности, пока это остается на уровне возможных исследовательских проектов.

Итак, эстетическая парадигма, развиваемая отечественными психологами и методология *art-based research*, предложенная и реализуемая зарубежными авторами, хотя и имеют разные исторические корни, однако реализуют одинаковую исследовательскую установку, связанную с синтезом знаний из области искусства и науки, в частности психологией. Анализ литературы показал, что между позициями отечественных психологов и зарубежных нет каких-либо противоречий и то, о чем пишут российские авторы, можно найти и в работах зарубежных исследователей. Например, с обеих сторон отмечается, что в искусстве фиксируется опыт и переживания общие для большого числа людей определенно-го исторического периода. Также общей является идея о том, что анализ художественных практик позволяет получить доступ к знаниям, недоступным через реализацию других исследовательских подходов. Кроме этого,

отечественные и зарубежные авторы сходятся в мысли о том, что искусство позволяет более эффективно донести полученные данные широкой аудитории.

Зарубежные авторы особый акцент делают на том, что включение художественных практик в исследовательский процесс позволяет создать безопасный контекст для выражения респондентами сложных переживаний, что особенно важно при проведении исследований с различными уязвимыми группами населения. Также зарубежные исследователи особо отмечают возможность использовать художественные практики в образовательном процессе.

Отметим, что в зарубежной психологии представлено большое количество эмпирических исследований, выполненных с привлечением искусства, а публикации отечественных авторов скорее теоретико-методологического характера. То есть, обращаясь к идее Н.С. Полевой [7], су-

ществует недостаток публикаций, выполненных на исследовательском уровне эстетической парадигмы. Таким образом данная статья намечает новые для отечественной психологии направления для исследований, основанных на привлечении и анализе художественных практик.

И поскольку в эстетической парадигме и парадигме АБР реализуется схожая исследовательская установка, основанная на синтезе искусства и психологии, то, по нашему мнению, есть основания утверждать, что использование эстетической парадигмы фактически является реализацией АБР в российском культурно-историческом контексте. Примечательно, что некоторые зарубежные авторы в своих исследованиях используют такое понятие как «aesthetic intersubjective paradigm» [15], т.е. «эстетическая интерсубъективная парадигма», где «интерсубъективность» обозначает реальность, существующую на межличностном или групповом уровне, совместно прожитый опыт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусельцева М.С. Эстетическая парадигма и трансформации повседневности: методологические аспекты // Психологические исследования. 2018. Т.11. №60. DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v11i60.271>
2. Марцинковская Т.Д. Социальная и эстетическая парадигмы в методологии современной психологии // Психологические исследования. 2014. Т.7. №37. DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v7i37.595>
3. Марцинковская Т.Д. Психология искусства в транзитивном мире: эстетика перемен // Национальный психологический журнал. 2023. Т.18. №3 (51), С. 16-24. DOI: <https://doi.org/10.11621/npj.2023.0303>
4. Марцинковская Т.Д., Орестова В.Р. Эстетическая парадигма в транзитивном мире // Артикульт. 2017. №3 (27). С. 134-143. DOI: 10.28995/2227-6165-2017-3-134-143
5. Орестова В.Р. Кино и психология повседневности // Психологические исследования. 2017. Т.10. №56. DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v10i56.344>
6. Паукова А.Б. Искусство как метод научного исследования: организационный контекст // Организационная психология. 2015. Т.5. №4. С. 39-53. EDN: <https://elibrary.ru/VPGCGJ>
7. Полева Н.С. Эстетическая парадигма как оптика исследований современной психологии // Психологические исследования. 2018. Т.11. №60. DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v11i60.274>
8. Середкина Н.Н. Понятие «художественные практики»: тематический анализ научной литературы (1990–2023 гг.) // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Т.17. №4. С. 751-765. EDN: <https://elibrary.ru/STXBOC>
9. Хорошилов Д.А. Искусство и социальная психология: от экспериментальной эстетики к эстетической парадигме // Психологические исследования. 2018. Т.11. №59. DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v11i59.283>
10. Хорошилов Д.А. Язык и эстетика в социальном познании // Психологические исследования. 2016. Т.9. №48. DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v9i48.451>
11. Ball K.B. A matter of life and death: Imploring film to elucidate the relationship between chronic illness and death // Journal of Curriculum and Pedagogy. 2024. DOI: <https://doi.org/10.1080/15505170.2024.2368531>
12. Barbour K. *Dancing across the Page: Narrative and Embodied Ways of Knowing*. Bristol, Intellect Books. 2011. 187 p.
13. Boyd C., Barry K. Arts-based research and the performative paradigm // *Methods in Psychology*. 2024. Vol.10. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.metip.2024.100143>
14. Boydell K.M. et al. Women and Stigma: A Protocol for Understanding Intersections of Experience through Body Mapping // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020. №17 (15). DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph17155432>
15. Chilton G., Gerber N., Scotti V. Towards An Aesthetic Intersubjective Paradigm for Arts based Research: An Art Therapy Perspective // *UNESCO Observatory Multi-Disciplinary Journal in the Arts*. 2015. Vol.5 №1. URL: https://www.researchgate.net/publication/308971008_Towards_an_aesthetic_intersubjective_paradigm_for_arts_based_research_An_art_therapy_perspective
16. Coemans S., Wang Q., Leysen J., Hannes K. The use of arts-based methods in community-based research with vulnerable populations: Protocol for a scoping review // *International Journal of Educational Research*. 2015. Vol.71. P. 33-39. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijer.2015.02.008>
17. Day W., Larkin M., Shaw R. Combining collaging, phenomenology and photographs to meaningfully interact with participants' creative self-representations // *Methods in Psychology*. 2024. Vol.10. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.metip.2024.100135>
18. Dickson N. Exploring the experiences of sexual abuse survivors engaged in non-formal, arts-informed adult learning, using an arts-based research methodology // *Studies in the Education of Adults*. 2021. Vol.53. №2. DOI: <https://doi.org/10.1080/02660830.2021.1910404>

19. Elliott M. Arts-based methods as a critical and decolonising process in global mental health: Reflections on popular discourse, artistic rigour and limitations // *Methods in Psychology*. 2024. Vol.10. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.metip.2024.100137>
20. Govender E., Nota P.B., Gumede M., Ngubane N. Using participatory art-based methods to explore experiences and practices in sexual and reproductive health // *Methods in Psychology*. 2024. Vol.11. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.metip.2024.100160>
21. Greenwood J. Arts-Based Research [Electronic resource] // *Oxford Research Encyclopedia of Education*. 2019. P. 1-21. (дата обращения: 29.09.2024). DOI: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190264093.013.29>
22. Harasymchuk S.J. et al. The Use of Arts-Based Research in Chronic Pain: A Scoping Review // *Canadian Journal of Pain*. 2024. Vol.8. №1. DOI: <https://doi.org/10.1080/024740527.2024.2352876>
23. Harman V., Cappellini B., Campos S. Using Visual Art Workshops with Female Survivors of Domestic Violence in Portugal and England: A Comparative Reflection // *International Journal of Social Research Methodology*. 2020. Vol.23. №1. DOI: <https://doi.org/10.1080/13645579.2019.1672285>
24. Heines M.E. et al. Art, science, and life: where arts-based research and social-ecological transformation can meet // *Urban Transformations*. 2024. Vol.6. DOI: <https://doi.org/10.1186/s42854-024-00062-6>
25. Hunt-Anderson I., Shannon-Baker P. "I CAN'T SAY IT"! Doodling to emancipate adolescents' voices in a transformative mixed methods study of covert bullying in Jamaican high schools // *Methods in Psychology*. 2023. Vol.8. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.metip.2023.100114>
26. Jay E.K. Experiences of recovery among adults with a mental illness using visual art methods: A systematic review // *Journal of Psychiatric and Mental Health Nursing*. 2023. Vol.30. №3. P. 361-374. DOI: <https://doi.org/10.1111/jpm.12882>
27. Katz-Buonincontro J., Anderson R.C., Manalang V. Using mixed methods to understand the mechanisms and prevalence of creative engagement in drama-based instruction // *Methods in Psychology*. 2020. Vol.2. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.metip.2019.100013>
28. Leavy P. Introduction to arts-based research. *Handbook of arts-based research*. New York City, The Guilford Press. 2017. 738 p.
29. Lenette C. *Arts-Based Methods in Refugee Research. Creating Sanctuary*. Singapore, Springer Singapore. 2019. 240 p.
30. Maclsaac J. Picturing femininities and masculinities: Using visual methods to explore gender relations // *Methods in Psychology*. 2021. Vol.5. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.metip.2021.100079>
31. Martsinkovskaya T.D., Balashova E.Y., Poleva N.S. Aesthetic Paradigm In Personality Psychology // *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*. Vol.64. P. 343-348. DOI: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.07.44>
32. McMahon J., McGannon K.R., Zehntner C. Arts-based methods as a trauma-informed approach to research: Making trauma visible and limiting harm // *Methods in Psychology*. 2024. Vol.10. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.metip.2024.100141>
33. Morris J.E., Paris L.F. Rethinking arts-based research methods in education: enhanced participant engagement processes to increase research credibility and knowledge translation // *International Journal of Research & Method in Education*. 2022. Vol.45. №1. P. 99-112 DOI: <https://doi.org/10.1080/1743727X.2021.1926971>
34. Pentassuglia M. "The Art(ist) is present": Arts-based research perspective in educational research // *Cogent Education*. 2017. Vol.4. №1. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/2331186X.2017.1301011>
35. Reilly R.C. et al. Using found poetry to illuminate the existential and posttraumatic growth of women with breast cancer engaging in art therapy // *Qualitative Research in Psychology*. 2018. Vol.15. №2-3. DOI: <https://doi.org/10.1080/14780887.2018.1429863>
36. Salma J., Mirhashemi B., Kennedy M. Arts-based research with immigrant and racialized older adults: A scoping review // *Qualitative Social Work*. 2024. Vol.23. №5. P. 754-776. DOI: <https://doi.org/10.1177/14733250231185961>
37. Savin-Baden M., Wimpenny K. *A Practical Guide to Arts-related Research*. Rotterdam, Sense Publishers. 2014. 168 p.
38. Viega M. Science as Art: Axiology as a Central Component in Methodology and Evaluation of Arts-Based Research (ABR) // *Music Therapy Perspectives*, 2016. Vol.34. №1. P. 4-13. DOI: <https://doi.org/10.1093/mtp/miv043>
39. White R.E. Cooper K. *Qualitative Research in the Post-Modern Era. Critical Approaches and Selected Methodologies*. Cham, Springer. 2022. 596 p.
40. Wang Q. et al. Arts-based methods in socially engaged research practice: A classification framework. *Art/Research International A Transdisciplinary Journal*. 2017. Vol.2. №2. P. 5-39. DOI: <https://doi.org/10.18432/R26G8>

© Емельяненко Богдан Олегович (bogdan_eme@mail.ru), Браташ Руфь Ивановна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РАЗВИТИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ И ИНТЕГРАЦИИ ПОСРЕДСТВОМ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ТРЕНИНГА¹

DEVELOPMENT OF ETHNIC TOLERANCE AND INTEGRATION THROUGH SOCIO-PSYCHOLOGICAL TRAINING

K. Zelikova

Summary: The article presents the results of a research work – a formative experiment conducted with representatives of different ethnic groups in the form of socio-psychological training. The practical results of the study are the creation of methodological recommendations for specialists working with migrants. The purpose of the recommendations is to develop a tolerant attitude of different ethnic groups towards each other, promote ethnic integration, help prevent interethnic conflicts and facilitate the adaptation of migrants to new cultural conditions.

Keywords: ethnicity, ethnic tolerance, ethnic integration, socio-psychological training.

Зеликова Кристина Андреевна

Научный сотрудник, ФГБОУ ВО «Вологодский
государственный университет»
zelikovakristina2@gmail.com

Аннотация: В статье представлены результаты исследовательской работы – формирующего эксперимента, проведенной с представителями разных этносов в форме социально-психологического тренинга. Практическими результатами исследования является создание методических рекомендаций для специалистов по работе с мигрантами. Целью рекомендаций является развитие толерантного отношения разных этнических групп друг к другу, способствование укреплению этнической интеграции, помощь в профилактике межэтнических конфликтов и облегчение адаптации мигрантов к новым культурным условиям.

Ключевые слова: этнос, этническая толерантность, этническая интеграция, социально-психологический тренинг.

Введение

Россия – многонациональная страна в мультикультурном мире. На территории Российской Федерации проживают представители более 190 национальностей. Законодательство страны гарантирует равенство прав и свобод гражданина и человека независимо от религии, языка, национальности, пола, расы и социального положения [1]. В современном Российском обществе ведется работа государственного уровня по укреплению этнической толерантности людей и разрешению конфликтных ситуаций. Проводятся различные мероприятия межкультурного характера, направленные на развитие понимания других этносов, их особенностей жизни, мышления и культуры, а также на формирование позитивной этнической идентичности.

Однако в настоящее время все еще существуют и развиваются конфликты на этнической почве. Широко распространены этнические стереотипы и негативные предубеждения, что ведет к ущемлению прав и негативной дискриминации некоторых этнических групп.

В основном межэтнические конфликты возникают по следующим причинам [2], [3]:

- Недостаток общей информированности, этнического и психологического просвещения. Неко-

торые люди в рамках своего жизненного пути не касаются тем этнических процессов и психологии этносов, что обуславливает проявление нетолерантного отношения в ситуациях межэтнического взаимодействия.

- Отсутствие навыков ненасильственного общения и конструктивного разрешения конфликтных ситуаций.
- Отсутствие опыта взаимодействия с другой этнической группой или неудачный первый опыт.
- Влияние негативных стереотипов и предубеждений на восприятие этносов.
- Территориальные и экономические споры. Обостряет конфликты между этносами борьба за одну территорию или ее ресурсы, а также экономическое неравенство.
- Исторические предпосылки. Война, геноцид, политическая борьба, рабство в прошлом могут серьезно повлиять на будущее отношение целых поколений к определенным этническим группам.

В 1862 году швейцарский предприниматель Анри Дюнан написал книгу «Воспоминания о битве при Сольферино», что положило начало международному гуманитарному праву и образованию Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца [9]. В 1995 году резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕ-

1 Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00854, <https://rscf.ru/project/23-28-00854/>

СКО была принята Декларация принципов терпимости. Одними из основных гуманитарных принципов являются принципы беспристрастности и гуманности, которые говорят о том, что люди должны относиться друг к другу без дискриминации по признакам расовой, национальной, социальной, политической, гендерной принадлежности, относиться друг к другу с уважением и стремиться облегчить страдания. Гуманность и беспристрастность являются основой толерантного отношения и способствуют достижению мира, взаимопонимания, сотрудничества и дружбы между народами во всем мире.

Организация и методы эмпирического исследования

Эмпирическое исследование проводилось на базе Вологодского государственного университета, Вологодского института права и экономики, а также частного психологического кабинета и включало в себя ряд этапов.

На первом этапе была изучена актуальность проблемы этнической интеграции в современном Российском обществе.

Второй этап включал в себя начальную диагностику людей, принимающих участие в исследовании, с помощью методик, позволяющих выявить уровень различных индивидуальных компонентов, влияющих на уровень этнической интеграции («Типы этнической идентичности» (Г.У. Солдатова, С.В. Рыжова) и «Вопросник для измерения толерантности» (В.С. Магун, М.С. Жамкочьян, М.М. Магура)). Кроме того, на основе анализа специальной литературы [4], [5], [6], [7], [8] была разработана психокоррекционная тренинговая программа, позволяющая повысить уровень этнической толерантности.

На третьем этапе участвовавшие в диагностике испытуемые были разделены на две группы – контрольную и экспериментальную. С участниками экспериментальной группы была организована психокоррекционная работа по разработанной программе тренингов.

Четвертый этап включал в себя проведение итоговой диагностики испытуемых и сравнение показателей начальной и итоговой диагностик испытуемых двух групп.

На пятом этапе проводился анализ и интерпретация результатов исследования, а также написание методических рекомендаций по повышению уровня этнической интеграции.

Выборка

Контрольная и экспериментальная группы – 16 и 14 человек соответственно – были сформированы из студентов первого и второго курсов психологического и юридического факультетов, являющихся представителя-

ми разных этносов. Возрастной состав участников – от 18 до 22 лет. Этническая принадлежность испытуемых: тувинцы, буряты, удмурты, марийцы, даргинцы, лезгины, азербайджанцы, коми, татары, чеченцы, чувашаи.

Группы были уравновешены по полу, возрасту, получаемым специальностям, этносам.

Тренинговая программа

Цель: создание условий для развития этнической толерантности испытуемых, повышения уровня этнической интеграции посредством использования техник библиотерапии.

Задачи: стимулировать развитие толерантности; развивать и корректировать навыки ненасильственной коммуникации; способствовать пониманию важности развития этнотолерантности для повышения этнической интеграции; обучать способам саморегуляции эмоций; повышать сплоченность участников группы.

Форма работы: групповая.

Вид занятий: социально-психологический тренинг.

Продолжительность занятия: 90-120 минут.

Периодичность проведения занятий: 1-2 раза в месяц.

Количество занятий: 10.

Анализ и интерпретация результатов эмпирического исследования

Рассмотрим сравнение диагностических данных начального и итогового тестирования экспериментальной и контрольной групп. (Таб. 1, 2.)

Из таблиц 1 и 2 видно, что уровень позитивной этнической идентичности повысился у экспериментальной группы и немного снизился у контрольной группы испытуемых (разница между ними возросла). Это свидетельствует о том, что тренинговый курс положительно повлиял на этническую идентичность. По шкале «этнофанатизм» разница между начальной и итоговой диагностикой обеих групп уменьшилась почти в два раза. У контрольной группы этнофанатизм незначительно снизился, у экспериментальной снизился более заметно (со среднего на пониженный уровень). Это может говорить о том, что в течение курса тренингов участники начали больше ценить этничность как таковую, быть более внимательными к этносам без фанатизма, то есть понимать, что любая крайность не может приводить общество и его членов к благоприятным последствиям.

Разница между группами по шкале «этническая индифферентность» незначительно увеличилась. По шкале «этноизоляция» разница почти не изменилась. По данным шкалам невозможно однозначно сказать, повлиял курс тренинговых занятий или нет.

Таблица 1.

Сравнение результатов начального тестирования экспериментальной и контрольной групп, полученных с помощью методик диагностики уровня толерантности и типов этнической идентичности.

Название шкалы	Средние значения		Различие средних значений (инверсия)
	Экспериментальная группа	Контрольная группа	
Типы этнической идентичности (Г.У. Солдатова, С.В. Рыжова)			
Позитивная этническая идентичность	18,4	17,8	0,6
Этнофанатизм	9	5,8	3,2
Этническая индифферентность	9	10	-1
Этнический нигилизм	2	2,1	-0,1
Этнический эгоизм	4	2,5	1,5
Этноизоляция	4,4	3,3	1,1
Вопросник для измерения этнической толерантности (М.С. Магун, М.С. Жамкочьян, М.М. Магура)			
Толерантность	6	8,3	-2,3

Таблица 2.

Сравнение результатов итогового тестирования экспериментальной и контрольной групп, полученных с помощью методик диагностики уровня толерантности и типов этнической идентичности.

Название шкалы	Средние значения		Различие средних значений (инверсия)
	Экспериментальная группа	Контрольная группа	
Типы этнической идентичности (Г.У. Солдатова, С.В. Рыжова)			
Позитивная этническая идентичность	18,9	17,6	1,3
Этнофанатизм	6,9	5,7	1,2
Этническая индифферентность	9,1	10,5	-1,4
Этнический нигилизм	1,7	2,8	-1,1
Этнический эгоизм	2,4	2	0,4
Этноизоляция	4,5	3,3	1,2
Вопросник для измерения этнической толерантности (М.С. Магун, М.С. Жамкочьян, М.М. Магура)			
Толерантность	9,4	6,1	3,3

По шкале «этнический нигилизм» разница увеличилась (при этом у экспериментальной группы показатель снизился, а у контрольной – повысился). Вероятно, это означает, что именно тренинги повлияли на результаты итоговой диагностики по данной шкале.

Также разница увеличилась по шкале «этноэгоизм» и очень значительно увеличилась по шкале «толерантность». Это говорит о том, тренинги оказали значительное влияние на участников экспериментальной группы. По шкале «толерантность» у участников контрольной группы показатели снизились, возможно, в этом временном жизненном отрезке произошли события, негативно влияющие на толерантность. А так как участники обеих групп учатся на одинаковых факультетах и курсах в институте, равномерно распределены по половому и возрастному признакам, то воздействие тренингов кажется еще более значительным. (Таб. 3.)

Из таблицы 3 видно, что этнонигилизм у экспериментальной группы немного снизился, и остался в пределах низкого уровня. Это говорит о том, что участникам не свойственен полный уход от своего этноса и поиск новых групп без учета этнического критерия. Уровень позитивной этнической идентичности повысился (высокий уровень). Это свидетельствует о том, что тренинговый курс положительно повлиял на позитивное отношение как в отношении своей этнической группы, так и в отношении чужой. Этнический эгоизм испытуемых снизился более чем в полтора раза (низкий уровень), следовательно, испытуемые стали больше обращать внимание на другие этносы, снизилось восприятие мира через призму «своего народа». По шкале «этнофанатизм» показатели снизились со среднего на пониженный уровень. Это может говорить о том, что в течение курса тренингов участники начали больше ценить этничность как таковую, быть более внимательными к этносам, относиться без фанатизма, то есть понимать, что любая крайность мо-

Таблица 3.

Сравнение средних значений результатов начального и итогового тестирования экспериментальной группы, полученных с помощью методик диагностики типов этнической идентичности и измерения толерантности.

Название шкалы	Средние значения		Различия средних значений
	Начальное тестирование	Итоговое тестирование	
Этнонигилизм	2	1,7	0,3
Позитивная этническая идентичность	18,4	18,9	-0,5
Этноэгоизм	4	2,4	1,6
Этнофанатизм	9	6,9	2,1
Этническая индифферентность	9	9,1	-0,1
Этноизоляционизм	4,4	4,5	-0,1
Толерантность	6	9,4	-3,4

жет привести общество и его членов к неблагоприятным последствиям. Этническая индифферентность немного увеличилась (средний уровень). Повышение уровня совсем незначительно, этого недостаточно, чтобы делать определенные выводы о влиянии тренингов, но можно предположить, что в связи с повышением внимания на разные этносы актуальность этничности как таковой в некоторой степени снизилась. Этноизоляционизм также незначительно повысился. В сравнении с результатами по другим шкалам (в частности, со шкалами этноэгоизма и позитивной этноидентичности) небольшой рост изоляционизма может объясняться тем, что взглядам испытуемых стал свойственен этнический релятивизм, «правильность» чужой культуры стала восприниматься относительно ее развития, а не развития собственного этноса. Желание в некоторой степени отгородиться от других этносов может являться элементом психологической защиты. По шкале «толерантность» показатели выросли почти в полтора раза. Можно сделать вывод, что испытуемые стали относиться к этносам, отличающимся от собственного, более позитивно – с эмпатией, желанием понять и принять, а не осудить и начать противодействовать. Вероятно, у участников экспериментальной группы появилось признание ценности многообразия

мира, понимание того, что мультикультурализм позитивно влияет на развитие общества.

Выводы

По результатам исследования можно сформулировать следующие выводы:

1. Проведение работы с людьми разных этносов, направленной на этническую интеграцию, посредством социально-психологического тренинга эффективно и может быть рекомендовано для работы специалистов по работе с мигрантами.
2. Этнопсихологическое просвещение мигрантов положительно влияет на их толерантность, адаптацию к условиям новой для себя культурной среды.
3. Сюжеты, появляющиеся в СМИ и касающиеся этнических тем, в большой степени влияют на восприятие людей разных этносов. Необходимо отслеживать такие инфосюжеты и обсуждать их внутри этнических групп или индивидуально с представителями разных этносов. Своевременный дебрифинг помогает снизить степень внутреннего напряжения, дает социально-приемлемый выход эмоциям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // СЗ РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Артемьева, В.А. Анализ понятия «этническая толерантность» в научной психолого-педагогической литературе / В.А. Артемьева, М.В. Данилова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 11. – С. 851–855.
3. Лебедева, Н.М. Этническая и кросс-культурная психология: учебник для высших учебных заведений / Н. М. Лебедева. – Москва : МАКС Пресс, 2011. – 423 с. ISBN 978-5-317-03770-3.
4. Солдатова Г.У. Жить в мире с собой и другими: Тренинг толерантности для подростков / Г.У.Солдатова, Л.А.Шайгерова, О.Д. Шарова. – 2-е издание, стереотипное. – Москва: Генезис, 2001. – 112 с.
5. Грецов, А.Г. Тренинги развития с подростками: творчество, общение, самопознание / Андрей Грецов. – Москва: Питер, 2011. – 414 с. ISBN 978-5-459-00887-6.
6. Шадура А.Ф. Тренинг жизненных навыков для подростков с трудностями жизненной адаптации / А.Ф. Шадура. – Санкт-Петербург: Речь, 2005. – 176 с. ISBN 5-9268-0346-2.
7. Мартин, Райан Гнев всемогущий. Почему мы злимся и как использовать энергию гнева / Райан Мартин; пер. с англ. Ю. Яковлева. – Санкт-Петербург: Портал, 2022. – 272 с. ISBN: 978-5-907473-11-9.

8. Зимбардо, Филипп. Эффект Люцифера: почему хорошие люди превращаются в злодеев / Филип Зимбардо; пер. с англ.: А. Стативка. - Москва : АНФ, 2013. - 738 с. : ил., табл.; 22 см.; ISBN 978-5-91671-106-6
 9. основополагающие принципы деятельности Российского Красного Креста // Официальный сайт Общероссийской общественной организации Российский Красный Крест. URL: https://www.redcross.ru/about/international_movements/principles/ (дата обращения 02.12.2023).
-

© Зеликова Кристина Андреевна (zelikovakristina2@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИЗУЧЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ У ПОДРОСТКОВ С МЕНТАЛЬНЫМИ НАРУШЕНИЯМИ С ПОМОЩЬЮ ПРОЕКТИВНЫХ МЕТОДИК

Игнатов Константин Александрович

Аспирант, Московский городской педагогический
университет
05.k.ignatov@gmail.com

THE STUDY OF THE EMOTIONAL SPHERE IN ADOLESCENTS WITH MENTAL DISORDERS USING PROJECTIVE TECHNIQUES

K. Ignatov

Summary: The article is devoted to the theoretical justification of the use of projective techniques in the study of the emotional sphere of adolescents with mental disorders. The topic of the article is updated, firstly, by the spread of mental disorders among adolescents, and secondly, by the difficulties in the process of studying them, especially within this category of subjects. The chronology of the development of projective techniques is presented, as well as their most complete classification. The author concludes that, despite the disadvantages of projective techniques (lack of structuring, subjectivism in interpreting the results), nevertheless, these techniques can be recognized as useful for studying mental disorders in adolescents, which is proved by long-term practice of using these techniques.

Keywords: mental disorders, psychological disorders, adolescents, projective techniques, Carl Jung.

Аннотация: Статья посвящена теоретическому обоснованию применения проективных методик в изучении эмоциональной сферы подростков с ментальными нарушениями. Тема статьи актуализирована, во-первых, распространением ментальных нарушений среди подростков, и во-вторых, сложностями в процессе их изучения, особенно внутри данной категории испытуемых. Представлена хронология развития проективных методик, а также их наиболее полная классификация. Автор заключает, что, несмотря на недостатки проективных методик (отсутствие структурированности, субъективизм в интерпретации результатов), тем не менее, данные методики могут быть признаны полезными для изучения ментальных нарушений у подростков, что доказывается многолетней практикой применения данных методик.

Ключевые слова: ментальные нарушения, психологические расстройства, подростки, проективные методики, Карл Юнг.

Проблемы с психическим здоровьем в детском и подростковом возрасте могут помешать подросткам в полной мере раскрыть свой потенциал и неизменно и прочно ассоциируются с целым рядом негативных социальных и эмоциональных последствий в дальнейшей жизни. Бездействие влечет за собой значительные социальные и экономические издержки.

Исследования последних десяти лет показывают, что во всем мире психические расстройства среди детей и подростков распространены гораздо шире, чем считалось ранее. Подростки подвергаются сильному стрессу в различных областях, включая академические проблемы или проблемы, связанные с социальными отношениями или образом тела, что может привести к психологическим расстройствам.

Диагностируемыми психическими расстройствами страдает примерно каждый седьмой ребенок и подросток в мире в возрасте 10-19 лет [6]. К сожалению, самоубийства являются четвертой по значимости причиной смерти среди молодежи в возрасте 15-19 лет, и во всем мире дети и молодежь все чаще сталкиваются с пробле-

мами психического здоровья: половина всех психических расстройств возникает в возрасте до 14 лет и три четверти – к 25 годам [5].

Масштабное исследование, проведенное российскими авторами [2], показывает, что, несмотря на снижение доли психических расстройств в период 2000-2018 гг., все же количество подростков, имеющих ментальные нарушения, все еще очень велико. На нижеследующем рисунке показана динамика распространения ментальных нарушений среди подростков в 2000-2018 гг. (Рис. 1.)

Как показывает диаграмма на рисунке 1, количество подростков с ментальными нарушениями в России снизилось на 26,2% за 18 лет, и это серьезный показатель. При этом, в городе снижение идет с чуть большей интенсивностью, чем в среднем по стране – оно составляет 27,3%. В селе количество подростков с ментальными нарушениями снизилось на 23,5%. Необходимо отметить факт, который подчеркивают многие авторы: хотя многие психологические заболевания подростков можно предотвратить и вылечить, большинство из них остаются незамеченными и неуправляемыми. Подростки редко

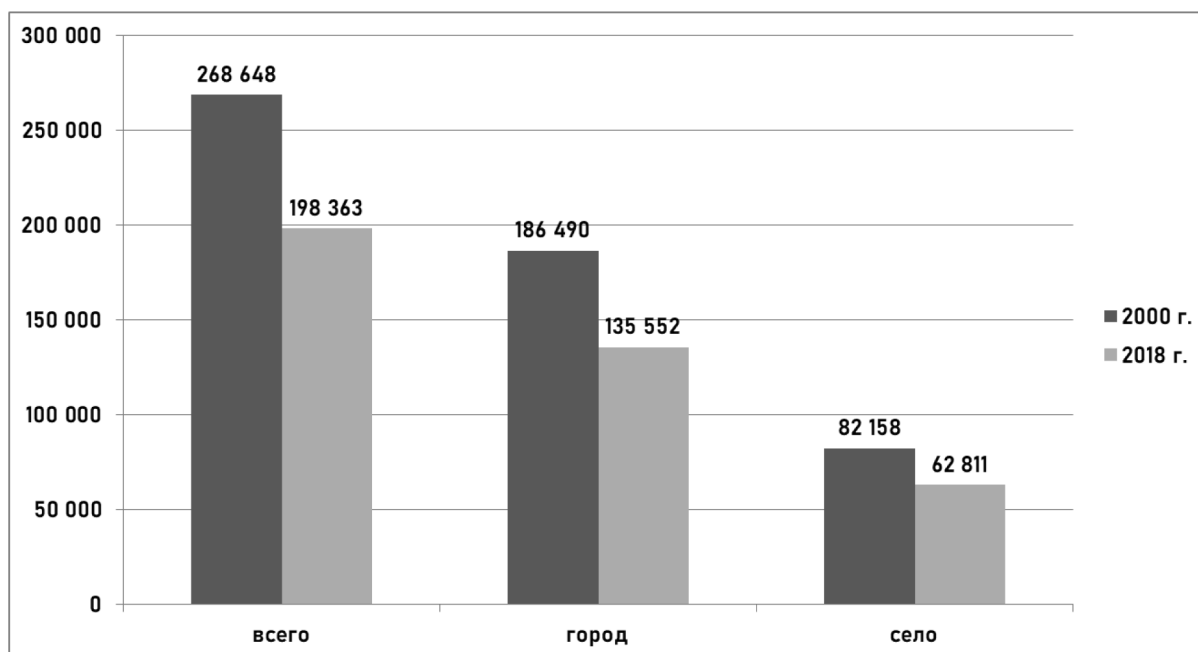

Рис. 1. Динамика численности подростков с ментальными нарушениями, 2000-2018 гг., тыс. чел. [2]

обращаются за помощью, а если обращаются, подчас нелегко выявить конкретную причину заболевания.

Поэтому важно раннее выявление психических расстройств в подростковом возрасте, а также использование методов психологического лечения, основанных на фактических данных. Для определения эффективности потенциальных методов психологического лечения необходимы тщательные методологические разработки.

Целью данного исследования было внести теоретический вклад в изучение методологии изучения ментальных нарушений подростков. Поскольку выявление причин и деталей ментальных нарушений является весьма непростой задачей, предлагается использовать такой инструмент, как проективные методики.

Пионером применения проективных методик для диагностики ментальных нарушений, по общему мнению академического сообщества, был К. Юнг: именно он в начале XX века предложил революционный для того времени метод свободных ассоциаций. Впоследствии исходный метод свободных ассоциаций был переработан учеными, но общая структура теста осталась прежней [4]. Кроме того, существенным вкладом К. Юнга является также тот факт, что в основе всех современных проективных методик лежит феномен Самости, который был открыт великим психоаналитиком.

Значительное внимание проективной психодиагностики уделялось в русской школе психоанализа с самого начала развития этого направления. В частности, в 1911 году русским клиницистом В.В. Абрамовым был разработан тест, представляющий собой дополнение фраз для изуче-

ния творческой деятельности душевнобольных [3, с. 215].

Интересно, что даже свое устоявшееся название методики приобрели благодаря русскому ученому Л. Франку, который впервые использовал это определение в 1939 году для именовании группы таких методических приемов, как тест Роршаха, ассоциативный текст К. Юнга, и т.д. [1] Это определение было дано им неслучайно: слово «проекция» имеет прародителем латинское слово *projectio* («выбрасывание вперед»), то есть подразумевается выявление глубинных мотивов человека, которые порой скрыты даже от него самого, путем своеобразного «проговаривания», «опережения событий». Этот метод основан на выявлении проекций в данных эксперимента с последующей интерпретацией [4, с. 156].

Л. Франк в последние годы своей жизни активно разрабатывал методические основы проективных исследований. Им, в частности, выделены следующие конституирующие признаки проективных методик:

- неструктурированные задания, подразумевающие множественность вариантов ответа;
- неоднозначность самого стимула, как материала для заданий: в этом контексте стимул выступает своего рода «экраном», на который проецируются личностные черты человека;
- попытка выявить глубинные психологические характеристики человека, которые трудно определить в рамках обычных методик [3, с. 258].

Суть проективных методик с самого начала их существования состояла в том, что испытуемому предлагался незавершенный стимул (например, цветовые тесты, геометрические тесты, и т.д.), который в реальных условиях

неизбежно приобретает для испытуемого личностное содержание, что и является целью исследования в случае проективной психодиагностики: смысл ее состоит в том, чтобы раскрыть специфику мироощущения конкретного человека. Незавершенность стимула апеллирует к воображению человека, и его фантазии, которые он может излагать, раскрывают различные характеристики его личности. Таким образом осуществляется проекция психологических и психических характеристик испытуемого на материал изучения.

В настоящее время в психологии существует классификация проективных психодиагностических методик [4, с. 125-160], схематично отобранная на рисунке 2.

Несмотря на очевидные достоинства проективных

методик и заслуживающую доверия многолетнюю практику их применения, специалисты отмечают и ряд их недостатков. Главным из них является отсутствие стандартизации данных, которое приводит к высокой степени субъективизма при интерпретации результатов. Столь высокая степень субъективизма может привести к искажению и даже недостоверным выводам. Это заставляет клиницистов применять их с осторожностью.

Тем не менее, популярность проективных методик постоянно возрастает, что связано с теми возможностями, которые они предоставляют исследователям, - следует констатировать, что таких возможностей не может предложить ни одна другая группа исследовательских методик. В случае подростков с ментальными нарушениями проективные методики способны

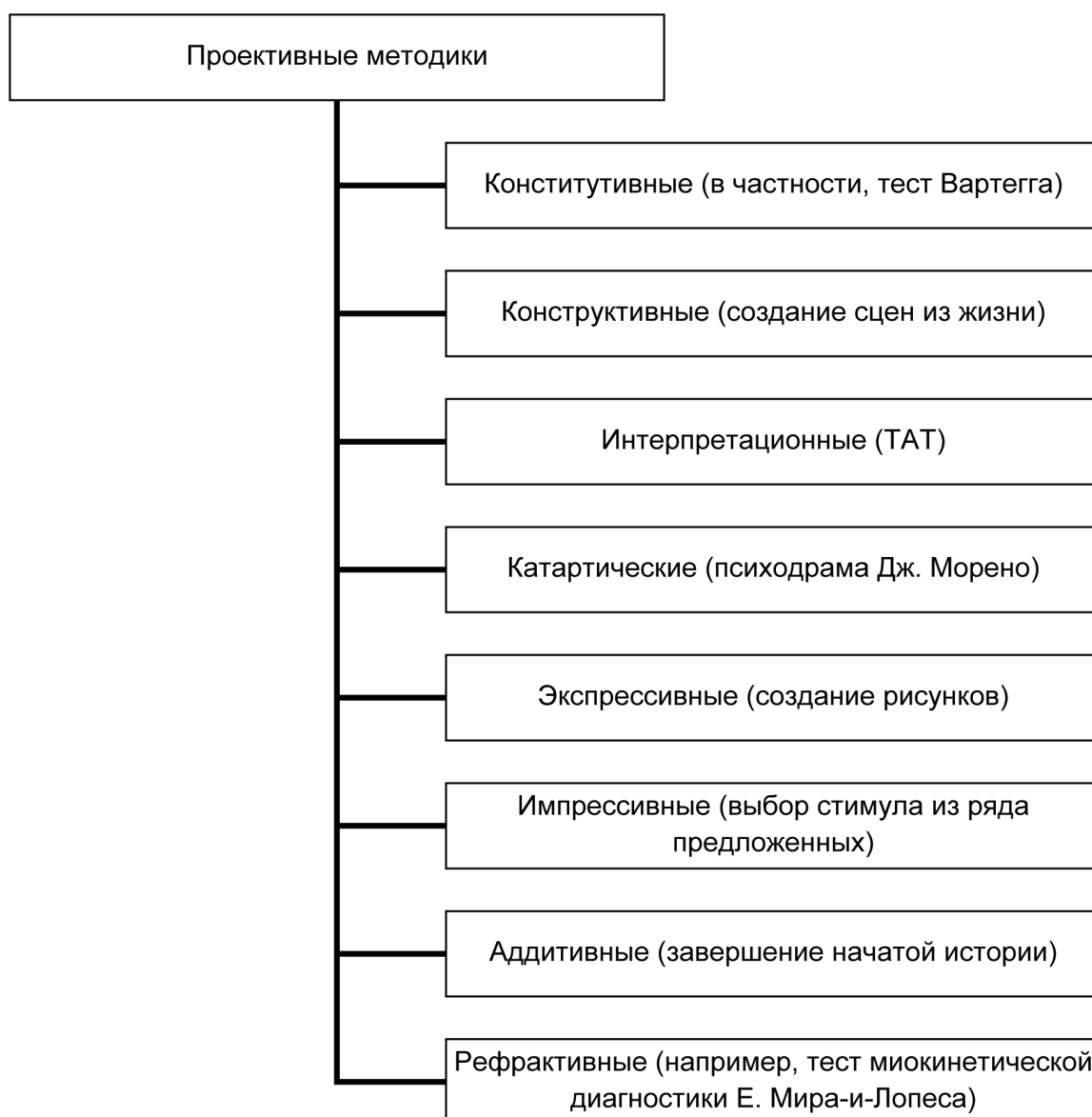

Рис. 2. Классификация проективных методик психодиагностики

выявить психологические черты, которые подростки, склонные к замкнутости, могут намеренно скрывать. Отсутствие структурированности в случае данной группы испытуемых может, напротив, выступать достоинством, поскольку это создает свободу объяснения феноменов, способствующих развитию лич-

ностных перспектив и качеств подростка. В качестве предупреждения искажения результатов следует применять проективные методики в сочетании с другими психометрическими методиками, - в такого рода комплексных исследованиях различные методики будут дополнять друг друга.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурлачук Л.Ф. Психодиагностика: Учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2006.
2. Макушкин Е.В., Демчева Н.К. Динамика и сравнительный анализ детской и подростковой заболеваемости психическими расстройствами в Российской Федерации в 2000–2018 годах // Российский психиатрический журнал. – 2019. – №4. – С. 4-15. DOI: 10.24411/1560-957X-2019-11930
3. Проективная психология: Пер. с англ. – М.: Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000.
4. Проективные методы психодиагностики: Учебное пособие / Под ред. Е.Л. Солдатовой. – 2005.
5. Biegel, G. M., Chang, K., Garrett, A., Edwards, M. Mindfulness-based stress reduction for teens // R. A. Baer (Ed.), *Mindfulness-Based Treatment Approaches: Clinician's Guide to Evidence Base and Applications*, 2nd ed. – San Diego: Elsevier, 2014. – Pp. 189-212.
6. Jee, S. H., Couderc, J. P., Swanson, D., Gallegos, A., Hilliard, C., Blumkin, A., et al. A pilot randomized trial teaching mindfulness-based stress reduction to traumatized youth in foster care // *Complementary Therapies in Clinical Practice*. – 2015. – №21. – Pp. 201-209. doi:10.1016/j.ctcp.2015.06.007.

© Игнатов Константин Александрович (05.k.ignatov@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОРРЕЛИРУЮЩИЕ ФАКТОРЫ МЕЖДУ ПОГРАНИЧНЫМ РАССТРОЙСТВОМ ЛИЧНОСТИ И КОМПЛЕКСНЫМ ПОСТТРАВМАТИЧЕСКИМ СТРЕССОВЫМ РАССТРОЙСТВОМ

CORRELATING FACTORS BETWEEN BORDERLINE PERSONALITY DISORDER AND COMPLEX POSTTRAUMATIC STRESS DISORDER

E. Isagulova

Summary: The article highlights an analytical review of the current literature devoted to the problem of identifying correlating factors between borderline personality disorder and complex posttraumatic stress disorder.

The main symptoms characteristic of PDP and cPTSD are disclosed: emotional dysregulation, relationship difficulties, impulsivity, addictions, and autoaggressive behavior, as well as identity disorders, dissociation, and trauma history.

It is clarified that borderline personality disorder and posttraumatic stress disorder are relatively different in terms of precise qualitative definitions of their diagnostic features, but nevertheless have significant potential overlap in their symptom criteria. To determine whether there is a temporal sequence in the onset and progression of disorders and under what conditions, prospective studies with repeated assessments of the symptoms of disorders will be required.

Keywords: borderline personality disorder, complex posttraumatic stress disorder, psychotrauma, personality disorder, emotional dysregulation.

Исагулова Елена Юрьевна

кандидат психологических наук, директор, НМУ
«Клинический центр психического здоровья»
9477877@gmail.com

Аннотация: Статья освещает аналитический обзор современной литературы, посвященной проблеме выявления коррелирующих факторов между пограничным расстройством личности и комплексным посттравматическим стрессовым расстройством.

Раскрыты основные симптомы, характерные для ПРЛ и КПТСР: эмоциональная дисрегуляция, трудности в отношениях, импульсивность, аддикции и аутоагрессивное поведение, а также нарушения идентичности, диссоциация и история травмы.

Уточнено, что пограничное расстройство личности и посттравматическое стрессовое расстройство относительно различны с точки зрения точных качественных определений их диагностических признаков, но, тем не менее, имеют существенное потенциальное совпадение в своих симптоматических критериях. Для определения того, существует ли временная последовательность в начале и прогрессировании расстройств и при каких условиях, потребуются перспективные исследования с повторными оценками симптомов расстройств.

Ключевые слова: пограничное расстройство личности, комплексное посттравматическое стрессовое расстройство, психотравма, расстройство личности, эмоциональная дисрегуляция.

Введение

Пограничное расстройство личности (ПРЛ) – это психологическое расстройство, характеризующееся распространенными моделями нестабильности в межличностных отношениях, представлении о себе и эмоциях. Люди с ПРЛ часто испытывают интенсивные эмоциональные реакции и трудности с регулированием своих эмоций. Расстройство обычно характеризуется страхом быть покинутым, нестабильными и интенсивными отношениями, импульсивным поведением и диффузным ощущением «Я» [6].

Комплексное посттравматическое стрессовое расстройство (КПТСР) было предложено в качестве диагноза, охватывающего уникальную симптоматику, возникающую в результате хронической, повторяющейся травмы, полученной в течение длительного периода, такой как пережитое жестокое обращение с детьми, домашнее насилие или тюремное заключение во время войны, а не в результате единичного травматического

инцидента. КПТСР как синдром воздействия травматической межличностной виктимизации, включает в себя патологическую диссоциацию, нарушение регуляции эмоций, соматизацию и измененные основные схемы относительно себя, отношений и поддерживающих убеждений (например, морали, духовности) и т.д. [12].

Лица, которые переживают сложную психотравму (особенно, но не исключительно в периоды формирования психики, например, раннее детство, подростковый возраст) подвержены риску развития не только ПТСР, но и других психических расстройств, включая расстройство личности. При этом КПТСР использовалось раньше в качестве альтернативного диагноза ПРЛ для концептуализации и лечения симптомов у лиц, перенесших межличностную травму [21].

С тех пор были опубликованы сотни клинических или научных исследований КПТСР и родственных им состояний и с течением времени отношение к травме претерпело удивительную метаморфозу. В новой редакции

МКБ (11 пересмотр) кПТСР было признано как новое, дискретное образование, где оно определяется операционально, требуя для подтверждения наличия одного из трех критериев DSM-4 (навязчивое повторное переживание, избегание напоминаний о травме, чрезмерное возбуждение) и одного из трех доменов нарушений самоорганизации (НС): эмоциональное оцепенение и дисрегуляцию, восприятие себя как неудачника или никчемного человека, эмоциональную отчужденность в отношениях. Эти уточнения в концептуализации и измерении кПТСР способствовали новым исследованиям взаимосвязи кПТСР и ПРЛ, включая их травматические предпосылки в детстве и последующих этапах развития. Кроме того, в современной психодиагностике существует гипотеза, стимулирующая научные исследования и клинические инновации, определяющие и дифференцирующие расстройства, утверждающая, что последние могут представлять собой континуум, параллельный классической концептуализации реакции на стресс, с диссоциацией, потенциально вовлеченной в каждое расстройство [18]. При этом кПТСР и ПРЛ часто встречаются коморбидно, имеют несколько пересекающихся сходств, но связь и факторы развития этих расстройств остаются противоречивыми.

В связи с этим **целью** исследования является уточнение коррелирующих факторов между ПРЛ и кПТСР.

Материалы и методы исследования

Проводили анализ статей из электронных ресурсов и баз данных Scopus, PubMed, MedLine, eLibrary, CyberLeninka, РИНЦ. Анализ включал публикации за последние 5 лет, характеризующие современные аспекты, оценивающие коррелирующие факторы между ПРЛ и кПТСР. Поиск соответствующих исследований выполнялся по расширенному перечню ключевых слов: «пограничное расстройство личности», «комплексное посттравматическое стрессовое расстройство», «детская психотравма», «нарушение идентичности», «эмоциональная дисрегуляция», «диссоциация», «импульсивность».

Результаты исследования

ПРЛ и ПТСР различаются относительно точных качественных определений их диагностических признаков, но было обнаружено, что эти расстройства имеют существенное потенциальное совпадение в своих симптоматических критериях. В DSM-4 и МКБ-10 симптомы ПТСР были похожи на три признака ПРЛ (транзиторная диссоциация, хроническая пустота и сильный гнев соответственно). Более того, пересмотренные критерии ПТСР в DSM-5 включают новые симптомы, отражающие негативные изменения в аффекте, идентичности и поведении, которые пересекаются с четырьмя другими критериями ПРЛ (нарушение идентичности, потенциально

самоповреждающая импульсивность, самоповреждение, аффективная нестабильность). Таким образом, диагностические критерии ПТСР в DSM-5 потенциально пересекаются с семью из девяти критериев ПРЛ [22].

Фактически, все пересмотренные симптомы ПТСР, которые потенциально пересекаются с признаками ПРЛ, являются кардинальными признаками кПТСР: нарушение регуляции аффекта, измененные основные убеждения о себе, безрассудное или опасное импульсивное поведение, самоповреждение. Кроме того, кПТСР включает в себя интенсивную и изменчивую запутанность в отношениях как основную черту, а также социальную отчужденность и избегание, которые являются критериями ПТСР DSM-4 и DSM-5 [12].

В течение нескольких десятилетий совпадение симптомов ПРЛ и различных форм кПТСР было предметом дебатов. Было проведено несколько исследований, изучающих связь между этими состояниями с использованием специфических мер. Данные исследования проводились на выборках населения в целом, а также на клинических выборках травмированных лиц, и включали факторный анализ, анализ латентных классов и дизайны сетевого анализа. В результате были предампы и счотитрмЖггставлены доказательства того, что ПРЛ и кПТСР представляют собой несколько различные, но часто перекрывающиеся профили симптомов, которые, как правило, возникают в сочетании, а не изолированно [17]. Более того, сочетание симптомов ПРЛ и кПТСР сильнее связано с тяжелой кумулятивной детской межличностной виктимизацией, чем симптомы кПТСР при отсутствии симптомов ПРЛ. При этом существуют лица, которые соответствуют критериям обоих расстройств, но кПТСР и ПРЛ, как правило, различимы на уровне симптомов и личности [9].

Так, в исследованиях последних лет отмечается, что коррелирующими между ПРЛ и кПТСР могут быть:

1. Эмоциональная дисрегуляция:

Эмоциональная дисрегуляция: как ПРЛ, так и кПТСР связаны с трудностями в регуляции эмоций. Лица с этими расстройствами могут испытывать сильные и быстро меняющиеся эмоции, что приводит к повышенной реактивности и трудностям в управлении эмоциональными реакциями.

Сочетание жестокого обращения в детстве и пренебрежения со стороны родителей, что является предвестником как кПТСР, так и ПРЛ, представляет собой существенное нарушение развития надежных эмоциональных связей, которые являются основой внутренних рабочих моделей безопасности привязанности. Угроза физической (и сексуальной) безопасности, вызванная

насилием и пренебрежением, также представляет собой потенциально травмирующий стрессорный фактор. Было показано, что ненадежность привязанности в младенчестве является предиктором регулирования эмоций во взрослой жизни [15]. Когда основные опекуны либо тревожны/навязчивы, с одной стороны, либо отстранены/неотзывчивы, с другой, хотя в остальном они довольно последовательны в воспитании детей, внутренние рабочие модели привязанности ребенка (т.е. основные аффективные/когнитивные схемы о близости, заботе и защите) имеют тенденцию быть небезопасными (т.е. тревожными/занятыми или отстраненными/избегающими). Более серьезное состояние возникает, когда лица, осуществляющие уход, являются как желаемым, но недоступным или непредсказуемым источником комфорта/безопасности, так и источником опасности или насилия для ребенка. Рабочие модели привязанности ребенка в этом случае были описаны как неорганизованные. Эти дети одновременно ищут близости и защиты (сближения) с лицами, осуществляющими уход, как биологический механизм выживания, и в то же время отстраняются (избегают) из-за чувства страха быть ранеными или брошенными лицами, которые являются источником опасности или которые могут быть недоступны или не желают обеспечивать заботу и защиту [1]. Было обнаружено, что неорганизованная привязанность в младенчестве и среднем детстве впоследствии предсказывает симптомы ПРЛ в подростковом и молодом возрасте. Когда чувство привязанности у ребенка становится хронически дезорганизованным, могут развиваться пожизненные проблемы с отношениями, самоощущением, идентичностью, суицидальностью, зависимостью. Данные проблемы связаны с дефицитом основных психологических способностей к регуляции эмоций, которые возникают в младенчестве и закрепляются в детстве, когда формируется надежная привязанность [2].

В подростковом и взрослом возрасте проблемы аффективной области характеризуются нарушением регуляции эмоций, о чем свидетельствует повышенная эмоциональная реактивность, вспышки насилия, аутодеструктивное поведение или тенденция к переживанию длительных диссоциативных состояний в дистрессе. Кроме того, может наблюдаться эмоциональное оцепенение и отсутствие способности испытывать удовольствие или положительные эмоции.

Когда дезорганизованная привязанность сохраняется во взрослом возрасте, было показано, что нарушение регуляции эмоций, соответствующее ПТРС (например, уход в себя, размышления, неспособность успокоиться) и ПРЛ (например, желание возмездия, нестабильность, враждебность), является более серьезным, чем у взрослых с надежными, тревожными или избегающими рабочими моделями привязанности [21].

Молодые люди из неклинической, но неблагополучной в течение жизни выборки, которые вступали во взаимодействие с родителем способом, соответствующим неорганизованной привязанности, как было обнаружено, с большей вероятностью, чем сверстники, имеют симптомы ПРЛ и склонны к несуйцидальному самоповреждению, хотя это не было связано с их историей насилия в детстве. Было обнаружено, что взрослые, проходящие лечение в психиатрической клинике, демонстрируют два различных типа неорганизованной привязанности: высокоэмоционально лабильная группа, члены которой имели самые тяжелые симптомы ПРЛ, и эмоционально отстраненная группа, члены которой имели самые тяжелые избегающие и шизоидные симптомы (хотя травматический анамнез и симптомы ПТСР не оценивались) [24]. Среди взрослых, проходящих лечение в психиатрических учреждениях, небезопасная или неорганизованная привязанность и нарушение регуляции эмоций, как было показано, взаимосвязаны и опосредуют связь между жестоким обращением в детстве и признаками пограничного расстройства личности. Таким образом, неорганизованная привязанность может быть связана с ПРЛ или ПТСР или обоими, а точнее, с тяжелым нарушением регуляции эмоций, обнаруживаемым при этих расстройствах.

Нарушение регуляции эмоций при ПРЛ принимает форму «аффективной нестабильности, интенсивной эпизодической дисфории, раздражительности или тревоги» и «хронического чувства пустоты» при ПРЛ. У взрослых с ПРЛ нарушение регуляции эмоций, особенно включающее гнев в контексте воспринимаемого отвержения, также, как было показано, связано как с предшествующей виктимизацией из-за жестокого обращения с детьми, так и с последующим совершением насилия по отношению к себе и другим (в первую очередь, к близким партнерам) [16]. Также было показано, что нарушение регуляции эмоций опосредует связь между историей эмоционального насилия в детстве и текущим страхом отвержения с симптомами ПРЛ у взрослых. Среди подростков, находящихся на психиатрическом стационарном лечении, было показано, что нарушение регуляции эмоций является посредником между воздействием межличностного насилия в детстве и симптомами ПРЛ или ПТСР [23]. ПРЛ также включает нарушение регуляции эмоций, связанное с дефицитом социального познания, связанным с дихотомическим мышлением, паранойей, агрессивными атрибуциями и повышенным вниманием, но нарушенным распознаванием, пониманием и сочувствием к эмоциям, мыслям и намерениям других людей [20].

Таким образом, эмоциональная дисрегуляция, по видимому, является связующим звеном между симптомами жестокого обращения в детстве у взрослых и нарушениями как при ПТСР, так и при ПРЛ. Поэтому необходимы дальнейшие исследования, чтобы определить, как дезорганизация привязанности и последую-

щая эмоциональная дисрегуляция связаны с кПТСР (по критериям МКБ-11) и ПРЛ.

2. Трудности в отношениях.

Отношения у лиц с ПРЛ, как правило, нестабильны, и исследователи обнаружили, что отношения таких лиц характеризуются более высокой конфликтностью и большим негативным настроением. Конкретные опасения могут включать страх быть покинутым, черно-белое мышление, перепады настроения, суицидальность и чувствительность [6].

Лица с кПТСР также могут испытывать трудности с доверием, формированием и поддержанием здоровых отношений и переживанием стабильного чувства собственного достоинства. Сверхбдительность, хронические чувства вины или стыда и диссоциативные эпизоды также являются общими чертами кПТСР, оказывающими влияние на отношения [3].

Таким образом, лица с ПРЛ и кПТСР часто испытывают трудности с поддержанием стабильных и здоровых отношений. Они могут бояться быть покинутыми, вступать в интенсивные и бурные отношения и испытывать трудности в установлении доверия и формировании границ.

3. Импульсивность, аддикции и аутоагрессивное поведение

Импульсивность часто связывают с агрессивным и самоповреждающим поведением при ПРЛ. Многие авторы сосредоточились на ключевой роли эмоциональной дисрегуляции в объяснении уязвимости к дисфункциональному поведению при ПРЛ в дополнение к импульсивности. Кроме того, недавние работы пролили свет на пробел в эмпирических исследованиях, касающихся конкретных механизмов, посредством которых отсутствие аффективной регуляции вызывает склонность к агрессии. В исследовании Terzi L. и соавт. [25] импульсивность в значительной степени предсказывала как агрессивную, так и самоповреждающую склонность. Кроме того, было обнаружено, что эмоциональная дисрегуляция в значительной степени объясняет уязвимость к агрессии и самоповреждению, в дополнение к дисперсии, объясняемой импульсивностью [11].

Исследования показывают, что поиск ощущений, тенденция искать возбуждение и сильная открытость к попыткам новых видов деятельности, что является основным фактором, связанным с когнитивной импульсивностью, связаны как с негативными изменениями в настроении, так и с изменениями в возбуждении у людей с кПТСР. И наоборот, поведенческая импульсивность (также называемая импульсивностью быстрого реагирования) связана с трудностями в поведенческом тормо-

жении (т. е. предотвращении начала поведения или прекращении поведения после его начала). кПТСР связано с различными факторами, связанными с поведенческой расторможенностью, такими как нарушение регуляции эмоций, агрессия и рискованное сексуальное поведение. В частности, исследования показывают, что негативная срочность или тенденция действовать необдуманно во время эпизодов интенсивного негативного аффекта и основной компонент поведенческой импульсивности тесно связаны с кПТСР и его подкластерами симптомов. Более того, результаты указывают на связь как когнитивной, так и поведенческой импульсивности с суицидальным поведением при кПТСР, в котором подчеркивается клиническая и эпидемиологическая важность изучения импульсивности, особенно в связи с кПТСР и травматическим воздействием [28].

Итак, импульсивное поведение, такое как самоповреждение, злоупотребление психоактивными веществами и рискованное сексуальное поведение, может присутствовать как при ПРЛ, так и при кПТСР. Такое поведение часто служит механизмом преодоления, чтобы облегчить тягостные эмоции или восстановить чувство контроля.

4. Нарушения идентичности

Клинически понятие нарушения идентичности соответствует серьезным трудностям в описании личных черт себя и других, а также проблемам в развитии чувства себя с убеждениями, интересами и жизненными целями, которые остаются стабильными с течением времени. ПРЛ характеризуется хрупким чувством себя и нарушениями идентичности, в то время как лица с кПТСР также могут испытывать нарушения в своем чувстве себя из-за воздействия травматического опыта.

Четко различая симптомы ПТСР и нарушения идентичности, модель МКБ-11 подразумевает, что должны быть различные причинные процессы, которые вызывают данные проблемы. С точки зрения МКБ-11 возможно наличие тяжелых симптомов ПТСР без симптомов нарушения идентичности. Тогда как с точки зрения DSM-5 проблемы, связанные с травмой и самоорганизацией, относятся к одной и той же базовой латентной конструкции и, следовательно, должны возникать одновременно и вытекать из одного и того же причинного процесса или процессов [13].

Было выявлено четыре фактора нарушения идентичности при ПРЛ: поглощение роли (при которых пациенты склонны определять себя в терминах одной роли или причины), болезненная непоследовательность (субъективное чувство отсутствия последовательности), непоследовательность (объективная непоследовательность в мыслях, чувствах и поведении) и отсутствие при-

верженности (например, работе или ценностям) [27]. Все четыре фактора, но особенно болезненная непоследовательность, отличали пациентов с пограничным расстройством личности. Хотя сексуальное насилие было связано с некоторыми факторами идентичности, в частности с болезненной непоследовательностью, пограничная патология вносила уникальный вклад за пределами истории насилия во все четыре фактора нарушения идентичности.

Таким образом, и ПРЛ и кПТСР могут включать трудности в установлении стабильной и последовательной идентичности.

5. Диссоциация

Дезорганизация привязанности и нарушение регуляции эмоций связаны с патологической диссоциацией. Диссоциативные переживания, такие как чувство оторванности от себя или пробелы в памяти, связанные с травматическими событиями, могут возникать как при ПРЛ, так и при кПТСР. Диссоциация, в свою очередь, признана симптомом ПРЛ (как транзиторная реакция на экстремальный стресс) и диссоциативного подтипа ПТСР (ПТСР/Д) [23]. Диссоциация служит защитным механизмом, чтобы справиться с подавляющими эмоциями или травматическими напоминаниями.

Диссоциация была симптомом в первоначальных формулировках кПТСР, но не была включена в качестве симптома кПТСР в МКБ-11, поскольку исследования показали, что диссоциативные симптомы не нагружаются факторами, полученными эмпирическим путем из оценок, основанных на более ранних версиях кПТСР [3].

Однако диссоциация заслуживает рассмотрения при сравнении ПРЛ и кПТСР, поскольку связанные с травмой предпосылки этих расстройств (например, жестокое обращение в детстве и неорганизованная привязанность) и их центральная клиническая особенность (например, нарушение регуляции эмоций) сложно переплетены с диссоциацией. Например, исследование с детьми дошкольного возраста, включая как жертв сексуального насилия, так и контрольную группу, не подвергавшуюся насилию, показало, что самоотчетная дезорганизация привязанности у детей, подвергавшихся сексуальному насилию, и наблюдаемая родителями дисрегуляция эмоций были тесно взаимосвязаны, более выражены, чем у детей, не подвергавшихся насилию, и опосредовали связь между сексуальным насилием и наблюдаемой родителями диссоциацией год спустя [5].

Было показано, что диссоциация является проблематичной для подгруппы лиц, у которых диагностировано ПРЛ и кПТСР как в качестве отдельных расстройств, так и в качестве сопутствующих друг другу расстройств. Пре-

ходящие диссоциативные симптомы, связанные с экстремальным стрессом и реальным или воображаемым покинутостью, являются основными симптомами ПРЛ, хотя они, как правило, возникают в первую очередь у лиц с диагнозом ПРЛ, у которых в детстве был анамнез насилия. Метаанализ показал, что у пациентов с диагнозом ПРЛ наблюдались более серьезные и обширные симптомы диссоциации, чем у тех, у кого диагностированы другие психические расстройства, за исключением кПТСР [6]. Таким образом, диссоциация при ПРЛ может возникать как бессознательная компенсация неудачных попыток самоосознания и исполнительного контроля в состояниях тяжелой эмоциональной дисрегуляции.

Хотя диссоциативные симптомы тесно связаны с тяжестью симптомов ПТСР среди взрослых спустя десятилетия после пережитого в детстве сексуального насилия, патологическая диссоциация не была включена в диагностику ПТСР до тех пор, пока пересмотр DSM-5 не выявил диссоциативный подтип ПТСР (ПТСР/Д). Исследование с участием ветеранов вооруженных сил и военнослужащих, проходящих действительную военную службу, показало, что женщины (но не мужчины), которые соответствовали критериям ПТСР/Д, с большей вероятностью соответствовали критериям ПРЛ (а также избегающего расстройства личности), чем те, у кого было традиционное ПТСР [7]. Было обнаружено, что среди подростков, вовлеченных в ювенальную юстицию, диссоциация и симптомы ПТСР по отдельности опосредуют связь между поливиктимизацией и проблемами интернализации. На основании этих результатов можно сделать вывод, что ПТСР и ПРЛ различаются в отношении диссоциации (т.е. преходящие реакции на экстремальный межличностный дистресс при ПРЛ по сравнению с хронической адаптацией к страху, связанному с поливиктимизацией при ПТСР), за исключением возможного совпадения в некоторых случаях, когда ПТСР/Д и ПРЛ встречаются одновременно [10].

Подобно ПТСР, было обнаружено, что кПТСР связано с повышенным уровнем диссоциативных симптомов среди взрослых, проходящих лечение в психиатрических клиниках. Более того, было показано, что у пациентов, соответствующих критериям кПТСР, наблюдаются более серьезные диссоциативные симптомы, чем у пациентов, соответствующих критериям ПТСР без диссоциативных симптомов. В исследовании с участием взрослых пациентов с психическим здоровьем психоформная (но не соматоформная) диссоциация частично опосредовала связь между историей жестокого обращения в детстве и кПТСР (оцениваемой с использованием критериев DESNOS); важно, что эта медиация происходила независимо от эффектов симптомов ПРЛ, страха быть покинутым и близости, а также нарушения регуляции эмоций [14]. Дальнейший анализ данных из той же психиатрической клинической выборки показал, что психоформная

диссоциация также опосредовала связь между историей жестокого обращения в детстве и ПРЛ, независимо от эффектов симптомов кПТСР, нарушения регуляции аффекта, страха быть покинутым и близости. В этом исследовании была обнаружена прямая связь между сексуальным насилием в детстве и ПРЛ, независимо от эффектов диссоциации, нарушения регуляции эмоций, страхов в отношениях и кПТСР [26].

Эти результаты показывают, что патологическая диссоциация может возникать при ПТСР (диссоциативном подтипе), кПТСР (как сопутствующий симптом) или ПРЛ (в крайних состояниях эмоциональной дисрегуляции). Таким образом, диссоциация, по-видимому, играет разные роли в этих расстройствах, хотя необходимы исследования для определения точной природы ее участия в каждом из них. Диссоциация также, по-видимому, участвует в связи между жестоким обращением в детстве и кПТСР, и ПРЛ способом, который отличается от дезорганизованной привязанности или эмоциональной дисрегуляции. Здесь снова необходимо повторение с кПТСР, оцененным с использованием критериев МКБ-11, чтобы лучше понять сходства и различия в роли, которую играет диссоциация при ПРЛ и кПТСР, и прояснить сложные взаимосвязи дезорганизации привязанности, эмоциональной дисрегуляции и диссоциации при данных расстройствах [19].

Б. История травмы

Как ПРЛ, так и кПТСР могут быть связаны с историей травмы. Хотя травма не является исключительной для любого из расстройств, люди с ПРЛ могли пережить различные формы детской травмы, а люди с комплексным ПТСР обычно имеют историю длительной и повторяющейся травмы.

Наложение диагностических критериев кПТСР и ПРЛ поднимает вопросы о научной целостности и клинической полезности конструкции/диагностики кПТСР, а также о возможностях достижения все более тонкого понимания роли психологической травмы в ПРЛ [4].

Хотя оба расстройства могут испытывать симптомы, связанные со страхом в отношениях, один отличительный фактор, наблюдаемый при ПРЛ, который не часто наблюдается при кПТСР, – это страх быть покинутым. Однако лица с кПТСР могут избегать отношений, чувствуя себя каким-то образом недостойными любви или недостойными из-за перенесенного ими насилия. Лица с кПТСР часто вообще избегают отношений или отталкивают других как небезопасных или угрожающих; такое поведение можно спутать со страхом быть покинутым, наблюдаемым у людей с ПРЛ [1].

Люди с кПТСР часто испытывают стыд и винят себя

за свои межличностные проблемы, это симптом, который также похож на переживания лиц с ПРЛ. Тем не менее, еще одно ключевое отличие заключается в том, что лица с кПТСР могут не совершать аддиктивные или аутоагрессивные поступки. В то время как лица с кПТСР могут заниматься аддиктивным поведением (злоупотребление психоактивными веществами, небезопасный секс или вспышки эмоций или эмоциональная дисрегуляция в межличностных отношениях), импульсивное, аддиктивное поведение чаще наблюдается при ПРЛ, когда стрессоры в межличностных отношениях могут спровоцировать эпизод. Это может включать суицидальные мысли или попытку самоубийства. Однако данный факт не означает, что ни один человек с диагнозом кПТСР не занимается самоповреждением; каждый случай уникален, и его обстоятельства должны рассматриваться индивидуально [8].

Другое ключевое различие между ними заключается в том, что в то время, как лица с наличием этих расстройств могут считать, что отношения кажутся небезопасными или угрожающими, человек с кПТСР часто может предпочесть избегать близости или отношений вообще. Человек с ПРЛ, с другой стороны, может бороться с одиночеством и может использовать отношения, чтобы избежать чувства одиночества или покинутости.

В то время как люди с ПРЛ и кПТСР испытывают трудности с эмоциональной регуляцией и часто испытывают вспышки гнева, люди с посттравматическим стрессовым расстройством могут также испытывать эмоциональное оцепенение или интравертивную подавленность [22].

Кроме того, лица с ПРЛ часто не понимают, кем они являются в своей основе, что сродни самоидентификации. Они могут менять свои интересы или увлечения в зависимости от того, с кем они общаются из-за ограниченного чувства самоидентификации. С другой стороны, лица с кПТСР обычно понимают и осознают, кто они есть, и имеют более стабильную самоидентификацию. Однако они борются с чувством «поврежденности», несут в себе заблуждения о себе как о недостойных любви или недостойных счастья. Данные переживания влияют на отношения, которые могут быть спутаны с проблемой самоидентификации или самосознания [21].

Наконец, как люди с ПРЛ, так и люди с кПТСР часто испытывают трудности с преодолением травматического прошлого. При успешном лечении лица с кПТСР могут испытывать меньше эмоциональных реакций или поведенческих нарушений, занимаясь основанными на травме и доказательно обоснованными поведенческими вмешательствами, которые помогают справляться со стрессорами, предоставляя инструменты и стратегии для восстановления безопасности, проработки травматических воспоминаний, преодоления негативных

чувств и изменения негативных мыслей. Напротив, лица с ПРЛ часто нуждаются в долгосрочном специализированном лечении, таком как диалектическая поведенческая терапия (ДПТ) [17].

Заключение

Таким образом, проблемы психодиагностики и терапии, связанные с ПРЛ и кПТСР, по-прежнему относятся к систематическому выявлению биопсихосоциальных диатезов (например, генетических/семейных/нейробиологических факторов риска/защиты), стрессоров (например, жестокое обращение, травматическая виктимизация, отсутствие или плохо организованный уход) и траекторий развития (например, неорганизованная привязанность, хроническая дисрегуляция аффекта, патологическая диссоциация), которые являются уникальными или общими для ПРЛ и кПТСР. При этом существу-

ет необходимость в более систематическом изучении взаимосвязей компонентных процессов, вовлеченных в адаптацию к жестокому обращению в детстве, дезорганизации привязанности, эмоциональной дисрегуляции и диссоциации, которые связаны с кПТСР и ПРЛ. Понимание детских истоков и подросткового течения ПРЛ и кПТСР имеет решающее значение для разработки раннего вмешательства и профилактики.

Подводя итог, можно сказать, что взаимосвязь кПТСР и ПРЛ становится все более очевидной по мере развития эпидемиологических, психометрических, клинических и нейробиологических исследований, однако для проведения систематических и теоретически обоснованных будущих исследований в этой важнейшей области психического здоровья необходимы концептуальные основы, подобные тем, которые предоставляет теория реакции на стресс.

ЛИТЕРАТУРА

1. Говоров С.А. История исследования и современное понимание концепции психической травмы / С.А. Говоров, Л.И. Микеладзе // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11, № 1-1. С. 7-19.
2. Екимова В.И., Лучникова Е.П. Комплексная психологическая травма как последствие экстремального стресса // Современная зарубежная психология. 2020. Т. 9, № 1. С. 50-61.
3. Падун М.А. Комплексное ПТСР: особенности психотерапии последствий пролонгированной травматизации / М.А. Падун // Консультативная психология и психотерапия. 2021. Т. 29, № 3(113). С. 69-87.
4. Польская Н.А. Диссоциация, травма и самоповреждающее поведение / Н.А. Польская, М.А. Мельникова // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28, № 1(107). С. 25-48.
5. Трубицына Л.В. Процесс травмы. М.: Смысл, 2019. 223 с.
6. Хасанова А.К. Пограничное расстройство личности: клиника, классификация и дифференциальная диагностика / А.К. Хасанова, С.Н. Мосолов // Психиатрия и психофармакотерапия. 2023. Т. 25, № 5. С. 4-17.
7. Шварц А. Терапия комплексного посттравматического расстройства: практическое руководство. СПб: «Диалектика», 2020. - 176 с.
8. Cierpiakowska L. Clinical diagnosis and case formulation in the psychotherapy of personality disorders // Postep Psychiatr Neurol. 2023. Vol. 32. N 3. Pp.167-174.
9. Cloitre M. ICD-11 complex post-traumatic stress disorder: simplifying diagnosis in trauma populations // Br J Psychiatry. 2020. Vol. 216. N 3. Pp. 129-131.
10. DeAngelis T. The legacy of trauma // American Psychological Association. 2019. Vol. 50. N 2. P. 36
11. Fontana A.A. Model of Post-Traumatic Stress Disorders and Dissociative Identity Disorder from the perspective of Social Emotions // Medical Research Archives. 2022. V. 10, N 3. Pp. 31-42.
12. Ford J.D., Courtois C.A. Complex PTSD and borderline personality disorder // Borderline Personal Disord Emot Dysregul. 2021. Vol. 8. N 1. Pp. 16-19.
13. Fung H.W., Chien W.T., Lam S.K.K., Ross C.A. The Relationship Between Dissociation and Complex Post-Traumatic Stress Disorder: A Scoping Review // Trauma Violence Abuse. 2023. Vol. 24. N. 5. Pp. 2966-2982.
14. Gal R.L., Carmen S. Labels Matter: Is it stress or is it Trauma? // Translational Psychiatry. 2021. Article 385.
15. Girmé Y.U., Jones R.E., Fleck C., Simpson J.A., Overall N.C. Infants' attachment insecurity predicts attachment-relevant emotion regulation strategies in adulthood // Emotion. 2021. Vol. 21. N 2. Pp. 260-272.
16. Hyland P., Shevlin M., Brewin C. R. The memory and identity theory of ICD-11 complex posttraumatic stress disorder // Psychological Review. 2023. Vol. 130. N 4. Pp. 1044–1065.
17. Jowett S., Karatzias T., Shevlin M., Albert I. Differentiating symptom profiles of ICD-11 PTSD, complex PTSD, and borderline personality disorder: A latent class analysis in a multiply traumatized sample // Personal Disord. 2020. Vol. 11. N 1. Pp. 36-45.
18. Karatzias T., Bohus M., Shevlin M., et al. Distinguishing between ICD-11 complex post-traumatic stress disorder and borderline personality disorder: clinical guide and recommendations for future research // The British Journal of Psychiatry. 2023. Vol. 223. N 3. Pp. 403-406.
19. Lewis J., Binion G., Rogers M., et al. The Associations of Maternal Emotion Dysregulation and Early Child Dissociative Behaviors // Journal of Trauma & Dissociation. 2020. Vol. 21. N 2. Pp. 203-216.
20. Maercker A., Cloitre M., Bachem R., et al. Complex post-traumatic stress disorder // Lancet. 2022. Vol. 400 N 10345. Pp. 60-72.
21. Owczarek M., Karatzias T., McElroy E., et al. Borderline Personality Disorder (BPD) and Complex Posttraumatic Stress Disorder (CPTSD): A Network Analysis in a Highly Traumatized Clinical Sample // J Pers Disord. 2023. Vol. 37. N 1. Pp. 112-129.

22. Powers A., Petri J.M., Sleep C., Mekawi Y., Lathan E.C., Shebuski K., Bradley B., Fani N. Distinguishing PTSD, complex PTSD, and borderline personality disorder using exploratory structural equation modeling in a trauma-exposed urban sample // *J Anxiety Disord.* 2022. Vol. 88. N 10. Pp. 25-58.
23. Ramos B., Santos M.F., Elias De Sousa A., Soares Da Costa I., Andrade F. The relation between Complex PTSD and Borderline Personality Disorder a review of the literature // *Eur Psychiatry.* 2022. Vol. Sep 1. N. 65. Pp. 37-56.
24. Spinazzola J., Briere J. Evidence-based psychological assessment for the sequelae of complex trauma. In: Ford JD, Courtois CA, editors. *Treatment of complex traumatic stress disorders in adults.* New York: Guilford; 2020. Pp. 125–148.
25. Terzi L., Martino F., Berardi D., Bortolotti B., Sasdelli A., Menchetti M. Aggressive behavior and self-harm in Borderline Personality Disorder: The role of impulsivity and emotion dysregulation in a sample of outpatients // *Psychiatry Res.* 2017. Vol. 249. Pp. 321-326.
26. Thanos K., Hyland Ph. Risk factors and comorbidity of ICD-11 PTSD and complex PTSD: Findings from a traumaexposed population, based sample of adults in the United Kingdom // *Depress Anxiety.* 2019. Vol. 36. N. 9. Pp. 887-894.
27. Wilkinson-Ryan T., Westen D. Identity disturbance in borderline personality disorder: an empirical investigation // *Am J Psychiatry.* 2000. Vol. 157. N 4. Pp. 528-541.
28. Young D.A., Neylan T.C., Zhang H., O'Donovan A., Inslicht S.S. Impulsivity as a multifactorial construct and its relationship to PTSD severity and threat sensitivity // *Psychiatry Res.* 2020. Vol. 11. N 293. Pp. 113-126.

© Исагулова Елена Юрьевна (9477877@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ ПРОЦЕССОВ СТАРЕНИЯ С НЕВРОТИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ¹

FEATURES OF THE RELATIONSHIP BETWEEN AGING PROCESSES AND NEUROTIC DISORDERS

**T. Kozhevnikova
V. Kostarev
N. Titovets**

Summary: The paper examines the effect of neurotic disorders on the processes of inflamaging in men. The study of the relationship of neurotic disorders with the processes of premature aging has been conducted. The theoretical and methodological foundations of the work were the ideas about the unity of the nervous, immune, and endocrine systems and their dysregulation in neurotic disorders, as well as the development of processes of chronic sluggish inflammation in chronic stress in men.

Keywords: chronic stress, neurotic disorders, premature aging in men, psychology of aging, immunity, hormones, cytokines, neurotransmitters, factors of chronic inflammation.

Кожевникова Татьяна Альбертовна

доктор медицинских наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева» Министерства просвещения Российской Федерации.
kogevnikova52@bk.ru

Костарев Владислав Владимирович

кандидат психологических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Красноярский государственный аграрный университет» Министерства просвещения Российской Федерации
vladkost@list.ru

Титовец Наталья Сергеевна

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева» Министерства просвещения Российской Федерации. (Россия)
titovecn@mail.ru

Аннотация: В работе изучено влияние невротических расстройств на процессы инфламейджинга у мужчин. Проведено исследование взаимосвязи невротических расстройств с процессами преждевременного старения. Теоретико-методологическими основаниями работы послужили представления о единстве нервной, иммунной, эндокринной систем и их дисрегуляции при невротических расстройствах, а также развитие процессов хронического вялотекущего воспаления при хроническом стрессе у мужчин.

Ключевые слова: хронический стресс, невротические расстройства, преждевременное старение у мужчин, психология старения, иммунитет, гормоны, цитокины, нейромедиаторы, факторы хронического воспаления.

Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем фактом, что в России нарастает тенденция более раннего ухода из жизни мужчин, сопровождающаяся возникновением у них гомеостатических сдвигов, связанных с увеличением биологического возраста [1, 2]. Научными исследованиями убедительно доказано, что механизмы старения в организме человека обусловлены хроническим вялотекущим воспалением [3,4,5]. Процесс inflamaging/инфламейджинга, представляет собой хроническое системное воспаление низкой интенсивности всего организма человека [6,7].

Хронический воспалительный процесс способствует образованию провоспалительных цитокинов: ИЛ-1, ИЛ-6, ИЛ-18 и С-реактивного белка [8,9,10]. Процессы старения сопровождаются ухудшением кратковременной и долговременной памяти; нарушением психических функций, повышением риска депрессии; снижением функции иммунной защиты; нарушением гормонального гомеостаза [11,12,13,14]. Психологические признаки старения начинают проявляться уже на уровне психических процессов, приводящих к изменениям психических свойств личности человека. Социальный уровень старения обуславливает изменения в системе межличностных отношений человека в обществе, включая семью. [15,16,17].

¹ Исследование выполнялось при финансовой поддержке Красноярского краевого фонда науки в рамках научного проекта № 2021010206903 «Профилактика деменции у людей старшего возраста (60+)»

Настоящая работа является продолжением научных исследований, проводимых в данном направлении, и позволит обозначить новые научные изыскания, связанные с ранним старением и низкой продолжительностью жизни мужчин. Проблемы, рассматриваемые в данной работе, являются востребованными и актуальными ее результаты могут быть основой для разработки профилактических мероприятий, направленных на снижение риска раннего старения мужчин в условиях длительного хронического стресса.

В связи с вышеизложенным, целью данного исследования явилось выявление факторов, ассоциированных с преждевременным старением у мужчин с невротическими, связанными со стрессом расстройствами, на основании исследований иммунологических, гормональных и психологических параметров.

Материалы и методы

Работа была выполнена на базе кафедры специальной психологии, лаборатории современных медицинских технологий КГПУ им. В.П. Астафьева совместно с клинико-диагностической лабораторией КГБУЗ «Краевая клиническая больница». В исследование были включены 79 мужчин – основная группа (средний возраст $49,5 \pm 8,3$ года). Критериями включения респондентов в основную группу являлись: клинические признаки невротических расстройств; разница между календарным (паспортным) и биологическим возрастом; отсутствие хронической соматической патологии в стадии обострения, в том числе таких заболеваний как сахарный диабет, ожирение, гипертоническая болезнь, инфекционные заболевания, перенесенная коронавирусная инфекция; согласие на участие в исследовании. Рабочая деятельность мужчин основной группы была связана с малоподвижным образом жизни и повышенной эмоциональной нагрузкой. Офисные сотрудники, составили $54,7 \pm 8,3\%$, операционисты в банках $46,7 \pm 7,9\%$. Мужчины, работающие в ночную смену, не входили в группу исследования. Все пациенты основной группы осмотрены врачом психиатром и на основании классификации МКБ–10 у них диагностированы невротические расстройства, связанные с реакцией на тяжелый стресс и нарушения адаптации, рубрика F43. Основными стрессовыми факторами, приводящими к состоянию хронического стресса у основной группы мужчин являлись: смена привычного вида деятельности, потеря близких, конфликты в семье, служебные конфликты, загруженность на работе, неудовлетворенность оплатой труда. Все это сопровождалось извращенными приспособительными реакциями на продолжительный стресс, при этом мужчины не могли успешно справиться со стрессом и имели проблемы социального функционирования. Во вторую (контрольную) группу были включены 45 мужчин. Средний возраст мужчин контрольной группы составил $46,2 \pm 6,4$ года. Критериями включения мужчин в

контрольную группу явились: отсутствие клинических проявлений невротических расстройств; отсутствие хронической соматической патологии в стадии обострения в том числе исключалось заболевание коронавирусной инфекцией; согласие на участие в обследовании.

Определение биологического возраста (БВ) проводилось по методике, института геронтологии им. Д.Ф. Чеботарева [18]. Оценивается преобладания существующего БВ над паспортным БВ (индекс ΔB). Формула расчета биологического возраста: $\Delta B = 4,816 - 0,601KB + 0,267САД - 0,2013ДВ - 0,178СБЛ + 0,120Стр.$, где: ΔB – моделируемый параметр (БВ–ДБВ); KB – календарный возраст; САД – систолическое артериальное давление, измеренное с помощью аппарата Рива-Роччи, мм рт. ст.; ЗДВ – задержка дыхания на выдохе, измеряемая с помощью секундомера, сек; СБЛ – статическая балансировка, измеряемая с помощью секундомера; Стр. – наличие стрессового состояния по результатам опросника ММИЛ Т6 (шкалы невротической триады).

Одновременно определение биологического возраста в группах обследуемых проводилось на устройстве Life Expert Profi, который предназначен для профессионального и полного обследования организма человека и определения его возраста [19]. В основной и контрольной группах использовались следующие методики: клиническая беседа с психологом, стандартизованное интервью с применением специально разработанной анкеты, разъяснялся характера исследования. Респонденты, входящие в основную и контрольную, характеризовались средним, либо выше среднего, уровнем интеллекта, что позволило оценивать валидность психологического тестирования и выявления достоверных закономерностей. Изучение индивидуальных особенностей, психических состояний личности, проблем с психическим здоровьем респондентов проводили при помощи «Методики многостороннего исследования личности» (ММИЛ) [20]. Содержание ИЛ-2, ИЛ-6, ИЛ-4, ИЛ-10, иммуноглобулинов IgM, IgG, IgA, антиспермальных антител; гормонов дегидроэпиандростерона (DHEA), кортизола, β -эндорфинов у мужчин основной и контрольной групп определяли на иммуноферментном анализаторе Beckman Coulter Cytomics FC 500 с использованием наборов фирмы «Bender MedSystems» (Австрия), уровень СРБ измеряли иммунотурбидиметрически с использованием реактивов фирмы «Randox» (Великобритания).

Статистическая обработка результатов проведена с помощью пакета программ Statistica 6.1. Для оценки нормальности распределения использовали критерий Шапиро-Уилка. Для описания использовали среднее и стандартное отклонение ($M \pm \sigma$), сравнение проводили с помощью параметрических методов статистики. Значимыми считали различия при $p < 0,05$.

Результаты

Темпы старения определялись по методу [18] в основной группе увеличение БВ на (+) $4,5 \pm 0,27$ лет, по сравнению с контрольной группой (-) $4,3 \pm 0,42$ года (табл. 1). Определение биологического возраста в группах, обследуемых на приборе Life Expert Profi, установило наличие темпов старения в основной группе на (+) $6,1 \pm 0,15$ лет. В контрольной группе биологический возраст был ниже паспортного на $5,8 \pm 0,23$ года.

Таблица 1.

Параметры показателей биологического возраста в обследуемых группах.

Показатели	Основная группа n=79	Контрольная группа n=45
КВ, лет	$49,5 \pm 6,4$	$46,2 \pm 6,4$
САД м.рт.ст.	$153,4 \pm 12,2x$	$125,1 \pm 6,3$
ЗДВ, сек	$34,1 \pm 7,8xx$	$53,8 \pm 6,2$
СБЛ, сек	$33,1 \pm 0,4xxx$	$86,2 \pm 0,7$
Стр. у.е.	$72,1 \pm 4,8xx$	$47,2 \pm 1,8$
ΔВ, лет	$+4,5 \pm 0,27x$	$-4,3 \pm 0,42$

Примечание: Достоверность различий исходных величин по группам сравнения $x - P < 0,05$; $xx - P < 0,01$; $xxx - P < 0,001$.

По результатам опросника ММИЛ у мужчин основной группы были выявлены следующие результаты: шкала F- $64,7 \pm 8,4$ Тб, шкала К- $57,2 \pm 4,4$ Тб, L- $60,2 \pm 5,7$ Тб. Выявлено завышение показателей шкал астенического регистра: шкала 1 (ипохондрии) - $70,34 \pm 2,4$ Тб, шкала 2 (депрессии) - $74,12 \pm 8,6$ Тб, шкала 3 (истерии) - $72,5 \pm 3,9$ Тб, шкала 4 (психопатии) - $58,14 \pm 3,6$ Тб, шкала 5 (мужественности) - $67,65 \pm 7,1$ Тб, шкала 6 (паранойи) - $61,23 \pm 8,7$ Тб, шкала 7 (психастении) - $59,06 \pm 3,3$ Тб, шкала 8 (шизоидности) - $60,31 \pm 3,6$ Тб, шкала 9 (гипомании) - $59,27 \pm 7,2$ Тб, шкала 0 (интроверсии) - $60,14 \pm 4,6$ Тб.

Высокие показатели базисных шкал обнаружили акцентированные черты характера, которые временами затрудняли социально-психологическую адаптацию мужчин основной группы. Повышение L до $60,2 \pm 5,7$ Тб указывало на отражение возрастных изменений личности в сторону усиления нормативности поведения. Важно, что разница между шкалами F—К была равна плюс $7,54 \pm 1,02$ Тб, что выявляло установку на преувеличение имеющихся проблем и драматизацию своих трудностей. За счет длительного действия факторов, вызывающих напряжение, в структуре личности обследованных основной группы начинали преобладать защитные астенические механизмы, замыкающие на себе психологическую субъективную действительность в результате переживания острой неудовлетворенности ситуацией.

Результаты исследования концентрации иммуноглобулинов в сыворотке крови у мужчин основной группы характеризовались увеличением всех исследуемых антител, относительно контрольной группы (Рис. 1).

Исследование содержания интерлейкинов в сыворотке крови у мужчин основной группы (Таб. 2) выявило снижение концентраций IL-2, IL-4 и увеличение IL-6 относительно контрольных значений.

Таблица 2.

Динамика концентрации цитокинов в группах сравнения.

Показатели	Группа основная (n=58)	Группа контрольная (n=30)
IL - 2pg/ml	$2,29 \pm 0,56 *$	$4,69 \pm 1,32$
IL - 4pg/ml	$2,6 \pm 1,79 \pm 0,56 **$	$5,02 \pm 1,45$
IL - 6pg/ml	$9,38 \pm 3,72 ***$	$3,73 \pm 0,41$

* ($p \leq 0,05$); ** ($p \leq 0,01$); *** ($p \leq 0,001$) – достоверность различия между основной и контрольной группами.

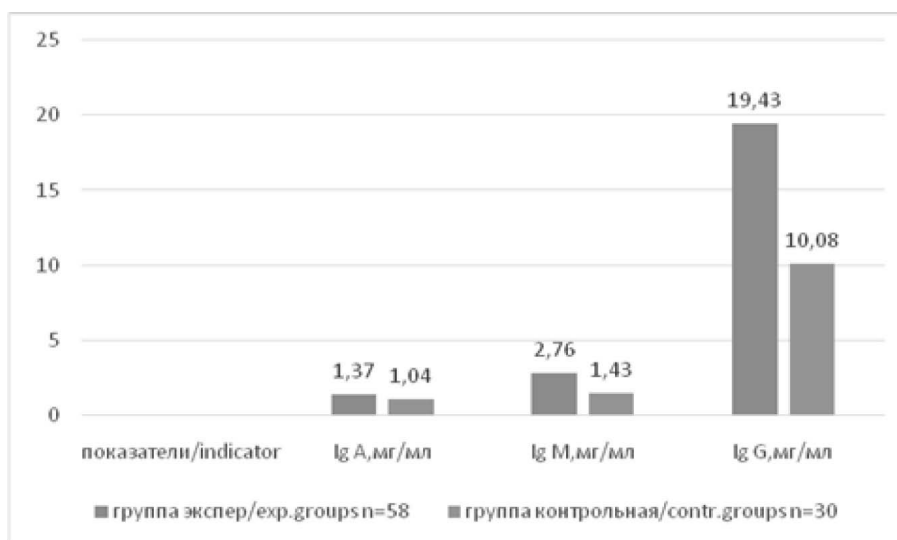

Рис. 1. Концентрация сывороточных иммуноглобулинов (мг/мл) в обследуемых группах. Достоверность различия между основной группой и контрольной группой: IgA* ($p \leq 0,05$); IgM** ($p \leq 0,01$); IgG*** ($p \leq 0,001$).

Анализ результатов уровней β -эндорфинов в основной группе мужчин, показал их достоверное увеличение, относительно контрольной группы. Показатели концентрации антиспермальных антител, также превышали контрольные значения. (рис. 2).

При исследовании гормонального спектра крови мужчин основной группы установлено увеличение уровня кортизола и снижение дегидроэпиандростерона (DHEA), относительно контрольной группы. (рис.3).

Концентрация С-реактивного белка в основной группе мужчин была значимо выше, чем в контрольной группе и составила $6,24 \pm 1,11$ мг/л, против $0,72 \pm 0,15$ мг/л ($p < 0,001$) в контрольной группе.

Обсуждение

Проведенное исследование позволило установить наличие у мужчин основной группы ускорение темпов старения с опережением календарного возраста биологическим. Результаты психологического тестирования выявили признаки, указывающие на процессы когнитивного старения в основной группе мужчин. Основными из них явились: психологический консерватизм, нетерпимость, переоценка прошлого, обидчивость, эгоцентризм, эмоциональное притупление или, наоборот, чрезмерная степень эмоционального реагирования, подозрительность, усиления нормативности поведения, психическую ригидность, снижение самооценки, утрата интереса к внешнему миру, нарушение сексуальной

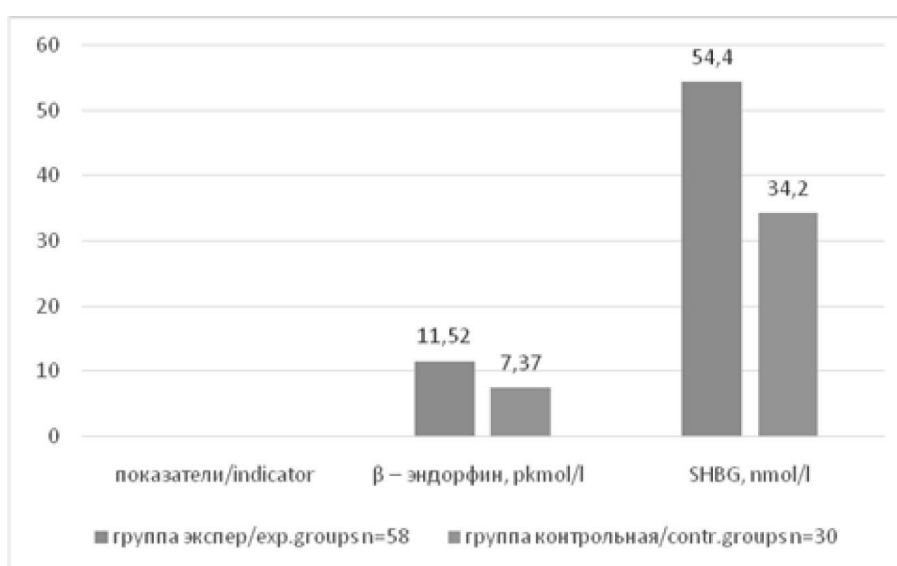

Рис. 2. Содержание β -эндорфинов (pkmol/l) и SHBG (nmol/l) в сыворотке крови в основной и контрольной группах. Достоверность различия между основной группой и группой контроля: β -эндорфины- * ($p \leq 0,05$); SHBG** ($p \leq 0,01$).

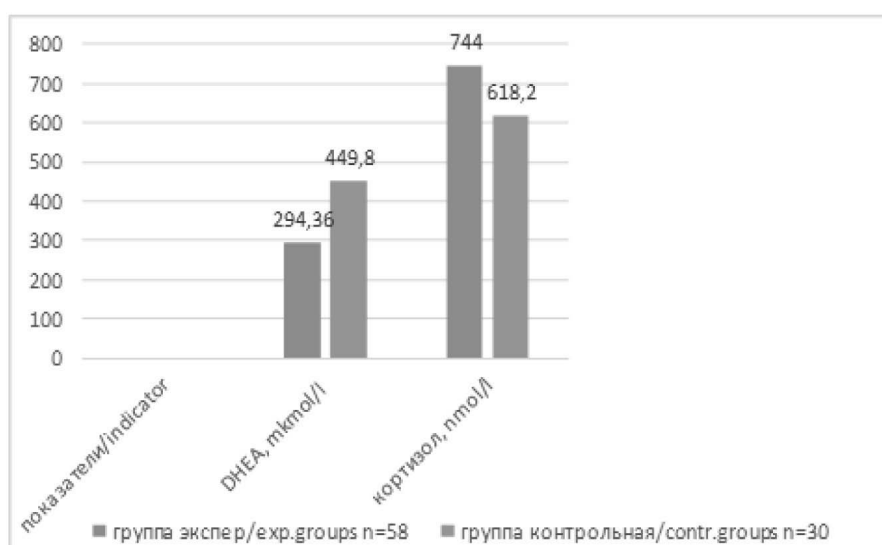

Рис. 3. Содержания DHEA (mkmol/l) и кортизола (nmol/l) в сыворотке крови в обследуемых группах. Достоверность различия между основной группой и группой контроля: кортизол* ($p \leq 0,05$); DHEA** ($p \leq 0,01$).

адаптации (повышении профиля по 5-й шкале), сужение эмоциональных контактов и связей, общий возрастной сдвиг в сторону интроверсии, подчеркивание имеющихся проблем и драматизации своих трудностей. Важно, что обнаруженное в ходе исследования повышение концентрации IgG мг/мл и IgM мг/мл, указывало на возможность наличия хронического воспалительного процесса в организме мужчин основной группы. В основной группе мужчин определено увеличение про воспалительных цитокинов и снижение противовоспалительных интерлейкинов относительно контрольной группы. Изменение баланса цитокинов: гиперпродукция ИЛ-6, снижение концентрации ИЛ-4 может являться одной из причин старения организма мужчин с невротическими расстройствами и главное- дисрегуляция уровней интерлейкинов характерна для вялотекущего воспалительного процесса.

Повышение концентрации СРБ являющегося индикатором воспаления, лишь подтвердило наличие в организме мужчин, основной группы наличие хронического воспалительного процесса. Научными исследованиями [21,22,23] убедительно доказана роль СРБ в формировании хронического воспаления в сосудистом русле крови.

У мужчин основной группы достоверное увеличение концентрации β -эндорфинов, являющихся гомеостатическим посредником между ЦНС и иммунной системой подтверждает влияние хронического стресса на развитие иммунологических нарушений.

У мужчин основной группы было отмечено увеличение уровней кортизола при одновременном снижении ДНЕА. ДНЕА как нейростероид и нейротрофин поддерживает функционирование ЦНС, особенно при стрессах и предотвращает нарушения функциониро-

вания нервной системы. Нарушения гормонального гомеостаза ДНЕА сопровождается также, снижением уровня половых гормонов. Этим объясняется положительная корреляция между снижением уровня ДНЕА и старением организма [23]. Анализ соотношения ДНЕА/Кортизол в обследуемых группах показал достоверное снижение его у мужчин основной группы. Таким образом, ДНЕА/Кортизол может быть маркером стресс-индуцированного преждевременного старения

Заключение

Проведенное исследование позволило установить особенности биологических и психологических показателей в группе мужчин с невротическими расстройствами. При психологическом тестировании выявлены установки на преувеличение имеющихся проблем и драматизацию своих трудностей. преобладание защитных астенических механизмов, что снижало социальную активность мужчин основной группы, способствовало ригидности и замкнутости поведения тревожности, эмоциональной напряженности, подъема по шкалам невротической триады. Установленное повышение концентрации IgG мг/мл и IgM мг/мл указывало на наличие хронического воспалительного процесса в организме мужчин основной группы и подтверждалось высоким титром СРБ. Все выявленные изменения в нейрогуморальной регуляции организма мужчин с невротическими расстройствами установили наличие вялотекущего хронического воспаления (инфламейджинг), которое инициирует преждевременное старение организма. Таким образом исследование показало, необходимость разработки и реализации комплексных коррекционных оздоровительных мероприятий для мужчин, находящихся в условиях длительного хронического стресса с целью снижения риска у них преждевременного старения организма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сиднева В.П., Мельникова Л.А. К актуальным вопросам общей тенденции старения населения и сокращения трудоспособного населения // Экономические науки. 2020. - №192. - С. 317-321.
2. Макарычева, И.В. Демографическая статистика Российской Федерации / И.В. Макарычева // Актуальные проблемы социально-экономической статистики и цифровизации экономических расчетов: Сборник научных статей II Всероссийской научно-практической конференции, Нижний Новгород, 29 июня 2022 года / Редколлегия: И.Е. Мизиковский, Т.В. Савицкая, Э.С. Дружилловская. – Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2023. – С. 25-28. – EDN YNALGS.
3. Frasca, D., Blomberg, V.B., Paganelli, R. Aging, obesity, and inflammatory age-related diseases // Front Immunol. -2017.- No. 8.-P.1745.
4. Воспалительные маркеры при органических непсихотических расстройствах / Л.В. Андросова, Т.П. Ветлугина, В.Б. Никитина [и др.] // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. – 2023. – Т. 123, № 3. – С. 88-93. – DOI 10.17116/jnevro202312303188. – EDN DSKTZZ.
5. Алтухова Н.А., Ковязина Н.А., Рыбников В.Ю. Лабораторные маркеры преждевременного старения и метаболического синдрома у ликвидаторов последствий аварии на ЧАЭС // Медицинский алфавит. -2021.-№ 13-С.59-63.
6. Войтенко В.П., Токарь А.В., Полохов А.М. Методика определения биологического возраста человека // Геронтология и гериатрия-1984.- С. 133-137.
7. Зобкова Н.В., Аншакова М.М. Биомаркеры процесса старения // Международный студенческий научный вестник. – 2021.-№2.-С.169-174.
8. Кожевникова, Т.А. Динамика изменения психологического статуса в процессе психотерапии в комплексной психореабилитации пациентов с невротическими расстройствами / Т.А. Кожевникова, Т.А. Иокст // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. – 2020. – № 1(106). – С. 89-96. – DOI 10.26617/1810-3111-2020-1(106)-89-96. – EDN QEUCCL.

9. Ксенда О.Г., Татарко К.И. Старение через призму социальных, психологических и биологических изменений//Психолог. – 2018.-№2.- С.55 – 65.
10. Парцерняк, А.С. Халимов Ю.Ш. (2019) Хроническое воспаление и преждевременное старение - два параллельных процесса при полиморбидной сердечно-сосудистой патологии// Вестник Российской Военно-медицинской академии. -2019.-№ 3.-С.78-82.
11. Садрисламова, А.Р., Гусева П.М., Корнеева В.В. Иммунодефицитные состояния: патогенез, виды//Молодой ученый. - 2022.-№1.-С.39-41.
12. Холявина М.Г., Рахманова Т.И. (2020) Биомаркеры старения и новые мишени для антивозрастной терапии// Вестник ВГУ, серия: химия, биология, фармации. - 2020.-№3.-С127-141.
13. Cannizzo, E.S. Oxidative stress, inflamm-aging and immunosenescence // E.S. Cannizzo, C.C. Clement, R. Sahu. J. Proteomics. – 2011. – Vol. 2, No. 11. – P. 2313–2319.
14. Di Micco R, Krizhanovsky V, Baker D, d'Adda di Fagagna F. Cellular senescence in ageing: from mechanisms to therapeutic opportunities// Nat Rev Mol Cell Biol- 2021.- Vol. 22. No. 2- P. 75–95.
15. Prall S.P., Larson E.E., Muehlenbein M.P. The role of dehydroepiandrosterone on functional innate immune responses to acute stress // Stress Health. - 2017. - Vol. 33. No. 5. - P. 656–664.
16. Тюзиков И.А. (2020) Дегидроэпиандростерон у мужчин: потенциальные физиологические эффекты с позиции доказательной медицины// Эффективная фармакотерапия. - 2020.-Т.16.-№20.- С- 44–51.
17. Саенко А.Ш., Кайгородова Т.В., Гармаева А.Б. (2021). Организация медицинской и социальной помощи лицам пожилого возраста и старческого возраста в мире.//Социальные аспекты здоровья населения.-2021.-Т.- 67.-№1.-С.87.
18. Чеботарев Д.Ф. Долголетие// Знание. - 1970-82с.
19. Джиева А.С., Ахкубекова Н.К., Андросова Т.А., Маллаева Р.М. Роль биорезонансной терапии в медицинской реабилитации лиц пожилого возраста с изолированной систолической артериальной гипертензией (данные отдаленных результатов исследования) //Курортная медицина. -2017.-№ 3.- С.74-77.
20. Березин Ф.Б., Мирошников М.П., Соколова Е.Д. Методика многостороннего исследования личности. Структура, основы интерпретации, некоторые области применения. - М.: Издательство «Березин Феликс Борисович». - 2011.- 320с
21. Пальцын А.А., Свиридкина Н.Б (2020) Возраст и гомеостаз//Патогенез. - 2020. – Т.18.-№2.-С. 79–86.
22. Kozhevnikova, T.A. Psychoneuroimmunological effects in patients with climacteric disorders under the influence of psychotherapy / T.A. Kozhevnikova, V.V. Kostarev, I.S. Lukyanov // Siberian Bulletin of Special Education. - 2015. - No. 2 (15). - P. 42–47.
23. Akdis M, Burgler S, Cramer R., et al. Interleukins, from 1 to 37, and interferon- γ receptors, functions, and roles in diseases// J Allergy Clin Immunol.-2011.- No. 127- P.701–721

© Кожевникова Татьяна Альбертовна (kogevnikova52@bk.ru), Костарев Владислав Владимирович (vladkost@list.ru),
Титовец Наталья Сергеевна (titovecni@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ВЕСТИБУЛЯРНОЙ ФУНКЦИИ У ДЕТЕЙ С ГРАВИТАЦИОННОЙ НЕУВЕРЕННОСТЬЮ

Николаева Наталья Олеговна

Аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, (г. Санкт-Петербург)
prognoz.med@yandex.ru

FEATURES OF VESTIBULAR FUNCTION IN CHILDREN WITH GRAVITATIONAL INSECURITY

N. Nikolaeva

Summary: The article presents the results of an instrumental study of vestibular function in children with signs of gravitational insecurity and children without sensory disorders. The presence of gravitational insecurity was revealed using an author's questionnaire and an examination of children by an occupational therapist. The study involved 62 children aged 2 to 12 years. Instrumental examination of vestibular function included examination of cervical vestibular myogenic evoked potentials and examination of the duration of post-rotational nystagmus using oculography. It was assumed that the results would be related to manifestations of gravitational insecurity. A significant relationship was established between the manifestations of gravitational insecurity only with the duration of post-rotational nystagmus. The group of children with gravitational insecurity is characterized by a significantly reduced duration of post-rotational nystagmus compared with the control group. It is shown that signs of gravitational insecurity may be the result of insufficient formation of the vestibuloocular reflex. Practical recommendations for working with children with gravitational insecurity are offered.

Keywords: gravitational insecurity, children, post-rotational nystagmus, cervical vestibular myogenic evoked potentials, vestibuloocular reflex.

Аннотация: В статье приведены результаты инструментального исследования вестибулярной функции у детей с признаками гравитационной неуверенности и детей без сенсорных нарушений. Наличие гравитационной неуверенности устанавливалось с помощью авторского опросника и осмотра детей эрготерапевтом. В исследовании приняли участие 62 ребенка в возрасте от 2-х до 12 лет. Инструментальное исследование вестибулярной функции включало в себя оценку цервикальных вестибулярных миогенных вызванных потенциалов и оценку длительности поствращательного нистагма с использованием окулографии. Предполагалось, что результаты обоих исследований будут связаны с проявлениями гравитационной неуверенности. Была установлена значимая связь проявлений гравитационной неуверенности только с длительностью поствращательного нистагма. Для группы детей с гравитационной неуверенностью характерна значимо сниженная продолжительность поствращательного нистагма по сравнению с контрольной группой. Показано, что признаки гравитационной неуверенности могут являться результатом недостаточной сформированности вестибулоглазного рефлекса. Предложены практические рекомендации по работе с детьми с гравитационной неуверенностью.

Ключевые слова: гравитационная неуверенность, дети, поствращательный нистагм, цервикальные вестибулярные миогенные вызванные потенциалы, вестибулоглазной рефлекс.

Вступление

Термин «гравитационная неуверенность» (Gravitational Insecurity) широко используется специалистами, работающими в рамках теории сенсорной интеграции. Сенсорная интеграция, в настоящее время известная как Ayres Sensory Integration® или ASI, основана на принципах нейронауки и обеспечивает основу для понимания роли сенсорных и моторных основ человеческого поведения. Автор теории сенсорной интеграции Энн Джин Айрес рассматривала вестибулярную систему в качестве базовой системы, которая организует всю сенсорную информацию [1].

Дети с гравитационной неуверенностью испытывают немотивированный страх при любом перемещении в пространстве, например, во время ходьбы по лестнице или нахождения на качелях. Особенно часто страх проявляется при отклонении головы от вертикального положения или в ситуациях отсутствия твердой опоры под

ногами. Предположительно гравитационная неуверенность возникает в результате того, что нервная система некорректно обрабатывает импульсы, поступающие от вестибулярной системы. Это состояние оказывает выраженное негативное влияние на моторное и социальное развитие ребенка. Дети, испытывающие гравитационную неуверенность, избегают подвижных игр, аттракционов, детских площадок. По мере взросления такой ребенок может отказываться от любых подвижных игр, а также спортивных видов активности, в которых обычно участвуют сверстники.

Хотя гравитационная неуверенность была описана еще в 1970-х, инструментальные исследования детей, испытывающих это состояние, немногочисленны. Психофизиологические механизмы гравитационной неуверенности изучены недостаточно. Так как гравитационная неуверенность является фактором, существенно осложняющим развитие ребенка, поиск объективных психофизиологических маркеров этого состояния является актуальным.

Цель настоящего исследования состояла в уточнении психофизиологических механизмов гравитационной неуверенности у детей.

Методика

В выборку исследования вошли 62 ребенка, в возрасте от 2 до 12 лет ($M_{\text{возраст}} = 5.39$, $SD = 2.61$), 42 мальчика и 20 девочек. Дети были разделены на две группы: 30 детей, с признаками гравитационной неуверенности, 32 ребенка с типичным развитием без признаков нарушения сенсорной интеграции. Наличие гравитационной неуверенности устанавливалось эрготерапевтом путем опроса родителей и наблюдения за эмоциональными реакциями ребенка во время определенных видов активности. Во время опроса выясняли, может ли ребенок спускаться по лестнице, не держась за перила; каких видов активности избегает на детской площадке. Опросник и список видов активности составлялись на основе работ Т [2, 3, 4].

Далее ребенку предлагались различные виды активности в специально оборудованном зале.

Во время активности стопы ребенка не контактировали с твердой поверхностью, например, раскачивание в гамаке, покачивание ребенка в положении лежа спиной на гимнастическом мяче и т.д. Была проведена инструментальная оценка функционирования вестибулярной системы испытуемых. Цервикальные вестибулярные вызванные потенциалы (цВМВП) регистрировали на 2-х канальном нейроусреднителе Нейро-Аудио, ПО «Нейро-МВП-4» (Нейрософт, Россия), программное обеспечение Нейро-МВП.NET. Звуковой стимул-щелчок подавался моноурально через наушники TDH-39/49 10 Ом с воздушной проводимостью звука. Стимулировали поочередно правое, затем левое ухо. Тоническое напряжение грудинно-ключично-сосцевидной мышцы вызывали путем отведения головы испытуемого к плечу в положении сидя. Оценивали латентный период пика P1, так как этот показатель является наиболее устойчивым.

Длительность поствращательного нистагма оценивали с использованием Устройства психофизиологического телеметрического «Реакор-Т» производства ООО НПКФ «Медиком-МТД» (г. Таганрог) в ПМО «Энцефалан-СА». Во время исследования производилось вращение ребенка в кресле Барани, сначала влево, потом вправо. Во время вращения с помощью окулографии регистрировали вращательный нистагм, затем после остановки длительность поствращательного нистагма. Использование окулометрии при регистрации поствращательного нистагма позволило получить более точные результаты, чем во время традиционного исследования длительности поствращательного нистагма, которое проводится без использования инструментальных методов.

Статистическую обработку данных проводили при помощи пакетов программ Microsoft Excel 2016 и Jamovi (версия 2.3.28). При анализе количественных показателей использовали тест Шапиро–Уилка для сравнения распределений с нормальным. Распределение значимо ($p > 0.05$) отличалось от нормального, поэтому для определения статистической значимости различий между исследуемыми группами производили расчёт с помощью критерия Манна–Уитни для независимых выборок. Различия считали значимыми при $p < 0.05$.

Результаты

Латентный период пика P1 цВМВП слева составил от 8.83 мс. до 12.3 мс. ($M_{\text{цВМВП слева}} = 10.4$, $SD = 0.732$), справа от 9.1 мс. до 12.2 мс. ($M_{\text{цВМВП справа}} = 10.3$, $SD = 0.744$). Распределение в выборке носит характер отличный от нормального (критерий Шапиро–Уилка, уровень значимости принадлежит интервалу [<0.001 ; 0.319]), поэтому для дальнейшего анализа были использованы непараметрические методы. Длительность поствращательного нистагма при вращении влево составила от 4 до 42 сек. ($M_{\text{ПВН слева}} = 17.3$, $SD = 8.99$), при вращении вправо от 2 до 38 сек. ($M_{\text{ПВН справа}} = 16.9$, $SD = 9.15$).

Для проверки гипотезы о наличии различий латентного периода цВМВП пика P1, а также о наличии различий в длительности поствращательного нистагма между группами с гравитационной неуверенностью и нормативным сенсорным развитием использовался сравнительный анализ Манна–Уитни. В ходе анализа были выявлены значимые различия в рассматриваемых группах по длительности поствращательного нистагма справа и слева ($U < 0.001$), статистически значимой разницы латентного периода пика P1 цВМВП между группами не выявлено ($U, p > 0.05$). Результаты математической обработки данных представлены в таблицах 1 и 2.

Таким образом, нам удалось показать, что у детей с гравитационной неуверенностью по сравнению с детьми с нормативным сенсорным развитием длительность поствращательного нистагма значимо меньше.

Обсуждение

Термин «гравитационная неуверенность» является достаточно специфическим и чаще используется эрготерапевтами, чем другими специалистами. Это состояние следует отличать от других состояний, связанных с неприятными ощущениями, возникающими у человека в результате движения, такими как кинезиофобия и кинетоз.

Кинезиофобия (боязнь движения) описана у пациентов, которые перенесли хирургические вмешательства. Боязнь движения в этом случае может быть связана с ожиданием возможной боли [5,6].

Таблица 1.

Оценка достоверности различий по длительности поствращательного нистагма после вращения вправо и влево у детей с гравитационной неуверенностью и нормативным сенсорным развитием (составлено авторами).

		Статистика	p
Длительность поствращательного нистагма после вращения вправо	Манн-Уитни U	192	<0.001
Длительность поствращательного нистагма после вращения влево	Манн-Уитни U	203	<0.001

Таблица 2.

Описательные статистики группы с гравитационной неуверенностью и нормативным сенсорным развитием (составлено авторами).

	Группа	Медиана
Длительность поствращательного нистагма после вращения вправо	Дети с нормативным сенсорным развитием	20
	Дети с гравитационной неуверенностью	11
Длительность поствращательного нистагма после вращения влево	Дети с нормативным сенсорным развитием	18
	Дети с гравитационной неуверенностью	11.5

Кинетоз (болезнь движения, морская болезнь) - описан при многих неврологических расстройствах, например у пациентов с мигренью [7].

В то же время есть данные о том, что кинетоз (укачивание в транспорте) у здорового человека может быть результатом межсенсорного конфликта и не является патологическим проявлением [8].

Исследования показывают, что сенсорные и моторные системы у детей особенно чувствительны к изменениям гравитационных условий, что может влиять на их развитие. Эксперименты с использованием микро- и гипергравитации выявили, что различные виды животных демонстрируют разное поведение и физиологические реакции в этих условиях. Несмотря на временные изменения, большинство эффектов от воздействия измененной гравитации являются обратимыми. Критические периоды в развитии чувства гравитации требуют дальнейшего изучения [9].

Исследования влияния гравитации на восприятие и контроль движений у детей показывают, что изменения гравитационных условий могут вызывать быструю адаптацию. Нейронные механизмы, лежащие в основе этого процесса, включают многомодальное представление гравитации, которое влияет на восприятие и управление движением. Это представление формируется на основе различных сенсорных сигналов и может включать как автоматические, так и адаптивные компоненты, что приводит к смешанным реакциям на изменения гравитации [10].

Экспериментальные исследования показывают, что чувствительность к гравитации развивается медленно и может быть неравномерной у детей разного возраста [11].

Последователи теории сенсорной интеграции, предложившие термин «гравитационная неуверенность», выделяют три этапа обработки сенсорной информации: регистрация, модуляция, интеграция. Представления о том, на каком этапе могут возникать нарушения, приводящие к возникновению гравитационной неуверенности, неоднозначны. Предполагается, что гравитационная неуверенность может возникать либо в результате недостаточной модуляции вестибулярной информации, либо в результате нарушения интеграции вестибулярной и проприоцептивной информации, так как вестибулярная система никогда не работает изолированно [12].

Признаки гравитационной неуверенности обычно фиксируются в процессе клинического наблюдения за поведением ребенка в различных ситуациях. В одном из исследований были предложены пятнадцать видов активности, которые создавали условия, вызывающие страх у детей с гравитационной неуверенностью. Для каждого вида активности оценивались три поведенческие категории: избегание, эмоциональные реакции и постуральные реакции. В исследовании приняли участие 18 детей с гравитационной неуверенностью в возрасте 5-10 лет и 18 детей с нормальным развитием. Были обнаружены значимые различия между группами. Дискриминантный анализ выявил 83% детей из группы, подверженной гравитационной неуверенности, и 100% из группы детей с типичным развитием [2].

В другой работе на основе анализа анкет, заполненных родителями, изучались характеристики симптомов, указывающих на гравитационную неуверенность, а также взаимосвязь между гравитационной неуверенностью, полом, возрастом и распространенность проявлений гравитационной неуверенности. В исследовании участвовали 689 детей в возрасте 4-12 лет с расстрой-

ством сенсорной обработки (SPD). Также была изучена связь гравитационной неуверенности с диагнозами, о которых сообщали родители: синдром дефицита внимания с гиперактивностью; тревожное расстройство; нарушения способности к обучению; расстройство аутистического спектра. Наличие у испытуемых гравитационной неуверенности устанавливалось по сумме восьми пунктов клинического опросника сенсорной обработки и двигательных навыков у детей, который заполнялся родителями. Было показано, что проявления гравитационной неуверенности существенно не различались в зависимости от возраста, пола или диагнозов детей. Распространенность симптомов гравитационной неуверенности в клинической популяции детей с нарушениями обработки сенсорной информации составила 15-21%. Кластерный анализ выявил две группы детей: с гравитационной неуверенностью и без нее. В группе с гравитационной неуверенностью все восемь рассмотренных признаков встречались «иногда/часто», родители детей из этой группы сообщили о четырех или более симптомах, связанных с гравитационной неуверенностью [13].

Признаки гравитационной неуверенности встречаются не только у детей с изолированным нарушением процессов сенсорной интеграции, но и у детей с другими расстройствами развития [14].

В рамках теории сенсорной интеграции выводы о функционировании вестибулярной системы делаются на основе тестов, объединенных в батарею EASI [15].

Хотя показано, что тесты EASI обладают высокой надежностью и достоверностью, их возможно провести только тем детям, которые могут понимать и выполнять инструкции. Однако признаки гравитационной неуверенности часто проявляются у детей раннего возраста и детей с нарушениями развития с ограниченным пониманием речи.

Кроме того, так как интеграция сенсорной информации начинается уже на уровне ствола мозга, без инструментальных исследований сложно сделать выводы о том, на каком именно этапе происходит сбой в обработке сенсорной информации, что в результате приводит к гравитационной неуверенности. Поэтому использование инструментальной диагностики дает более широкие возможности для выявления причин гравитационной неуверенности.

Недавно были предприняты попытки поиска психофизиологических маркеров легкой формы гравитационной неуверенности с помощью нескольких методик. Исследовали взрослых испытуемых, так как гравитационная неуверенность создает проблемы с движением и равновесием на протяжении всей жизни. Исследователи проверили, могут ли симптомы нарушения равнове-

сия при легкой форме гравитационной неуверенности быть связаны с аномалиями в вестибулярном аппарате, который реагирует на быстрые движения головы или с системой ствол мозга - мозжечок, которая усиливает и продлевает импульсы, возникающие при медленных движениях головы. Авторами был разработан индекс гравитационной неуверенности, который использовался для выявления здоровых взрослых, испытывающих проблемы с балансом в течение всей жизни, а также сопоставимых по полу, возрасту и этнической принадлежности взрослых без таких проблем. Оценивались следующие параметры: равновесие, сенсорная гиперчувствительность, ориентация в пространстве, тревожность и снижение слуха.

В ходе исследования изучали способность к сохранению равновесия в положении стоя при зрительных и проприоцептивных ограничениях, а также оценивали поствращательный нистагм. Параметры постурографии и поствращательного нистагма в совокупности были статистически связаны с гравитационной неуверенностью и трудностями с ориентацией в пространстве [16].

Обследования отолитовой функции аппаратными методами с целью изучения механизмов гравитационной неуверенности не проводились. Хотя еще в 1989 году было высказано предположение о том, что гравитационная неуверенность является результатом ответа лимбической системы, возникающего в результате некорректной обработки вестибулярной системой отолитовой информации [17].

Известно, что канальный и отолитовый отделы периферической части вестибулярной системы работают относительно независимо друг от друга. Во время нашего исследования первоначально была гипотеза о том, что результаты цВМВП в большей степени будут отражать качество обработки информации о гравитации, чем длительность поствращательного нистагма. Однако, связи показателей цВМВП с проявлениями гравитационной неуверенности в нашей выборке выявлены не были, тогда как была показана связь гравитационной неуверенности с длительностью поствращательного нистагма. Сниженная длительность поствращательного нистагма указывает на недостаточную сформированность вестибулоглазного рефлекса. Благодаря вестибулоглазному рефлексу при быстрых изменениях положения головы в пространстве возникают автоматические компенсаторные движения глаз.

Полученные нами экспериментальные данные позволяют предположить, что под термином «гравитационная неуверенность» следует понимать один из вариантов нарушения формирования механизмов поддержания баланса в поле гравитации Земли, обусловленный недостаточной сформированностью вестибулоглазного

рефлекса. Нам не удалось подтвердить гипотезу о связи признаков гравитационной неуверенности с гипореактивностью отолитового отдела вестибулярного аппарата, хотя считается, что именно отолитовый отдел вестибулярного аппарата регистрирует гравитацию. Таким образом, нет оснований делать выводы о том, что у детей с гравитационной неуверенностью именно информация о гравитации регистрируется или модулируется вестибулярным аппаратом не корректно.

Вероятно, проявления гравитационной неуверенности возникают из-за недостаточной сенсомоторной интеграции на фоне сенсорной гипореактивности канальных отделов вестибулярного анализатора. Баланс является результатом межсенсорного взаимодействия вестибулярной, проприоцептивной и зрительной систем. Недостаточность вестибулоглазного рефлекса приводит к тому, что при перемещении головы в пространстве, которое вызывает стимуляцию периферической части вестибулярного аппарата, глазные яблоки не совершают в достаточном объеме автоматические компенсаторные движения. В результате изображения не находятся на сетчатке глаза достаточно долго, поэтому мозг не успевает их обработать.

В ситуации недостаточности вестибулярной и/или зрительной информации человек обычно опирается на проприоцептивные ощущения для поддержания баланса. Дети с гравитационной неуверенностью испытывают дискомфорт в ситуациях, когда их стопы оторваны от земли – то есть, при невозможности компенсировать вестибулярно-зрительный дефицит с помощью проприоцепции.

Известно, что функционирование вестибулярной системы тесно связано с вегетативными функциями, функциями лимбической системы и блуждающего нерва. Поэтому вестибулярные дисфункции могут вызывать выраженный дискомфорт у ребенка, что в свою очередь будет приводить к попыткам избежать ситуаций, в которых вестибулярная система активизируется. В поведении это проявляется как повышенная реакция на вестибу-

лярную стимуляцию, хотя, как показывают результаты проведенного нами исследования, сенсорная реактивность полукружных каналов у таких детей снижена. Таким образом для детей с гравитационной неуверенностью характерна не вестибулярная гиперреактивность, а вестибулярная гипореактивность.

Практические рекомендации на основе полученных данных могут быть следующими. Дети с признаками гравитационной неуверенности нуждаются в разнообразной двигательной активности для нормализации вестибулоглазного рефлекса и в целом для нормального развития вестибулярной системы. Так как многие виды активности вызывают у таких детей выраженный дискомфорт, на первом этапе следует избегать упражнений, во время которых ребенок не может опираться на стопы, а также упражнений с закрытыми глазами. Будут полезны любые виды активности с мячом на улице, когда ребенок бежит, совершает быстрые движения головой, пытается поймать летящий мяч. Как только продолжительность поствращательного нистагма повысится, ребенок будет готов к другим видам активности, таким как горка, карусели, качели. Все занятия с ребенком должны проводиться в зоне комфорта.

Заключение

В настоящем исследовании впервые с использованием окулографии была установлена связь между продолжительностью поствращательного нистагма и проявлениями гравитационной неуверенности у детей. Полученные данные согласуются с данными других авторов. Терапевтическая работа с детьми, имеющими признаки гравитационной неуверенности, может начинаться с подвижных игр с мячом, что позволит нормализовать длительность поствращательного нистагма. Инструментальное исследование длительности поствращательного нистагма с использованием окулографии может быть использовано как для выявления детей с гравитационной неуверенностью, так и для оценки эффективности терапии, направленной на уменьшение признаков гравитационной неуверенности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lane S.J., Mailloux Z., Schoen S., Bundy A., May-Benson T.A., Parham L.D., Smith Roley S., Schaaf R.C. Neural Foundations of Ayres Sensory Integration®. *Brain Sci.* 2019;9(7):153. doi: 10.3390/brainsci9070153. PMID: 31261689; PMCID: PMC6680650.
2. May-Benson T.A., Koomar J.A. Identifying gravitational insecurity in children: a pilot study. *The American journal of occupational therapy: official publication of the American Occupational Therapy Association.* 2007;61(2):142-7. doi: 10.5014/ajot.61.2.142.
3. Potegal M., et al. Reduced Gain and Shortened Time Constant of Vestibular Velocity Storage as a Source of Balance and Movement Sensitivities in Gravitational Insecurity. *Occupational therapy international.* 2022;2022:5240907. doi: 10.1155/2022/5240907.
4. May-Benson T.A., et al. Characteristics and Prevalence of Gravitational Insecurity in Children with Sensory Processing Dysfunction. *Research in developmental disabilities.* 2020;101:103640. doi: 10.1016/j.ridd.2020.103640.
5. Luque-Suarez A., Martinez-Calderon J., Falla D. Role of kinesiophobia on pain, disability and quality of life in people suffering from chronic musculoskeletal pain: a systematic review. *Br J Sports Med.* 2019;53(9):554-559. doi: 10.1136/bjsports-2017-098673. Epub 2018 Apr 17. PMID: 29666064.

6. Bordeleau M., et al. Treatments for kinesiophobia in people with chronic pain: A scoping review. *Front Behav Neurosci.* 2022;16:933483. doi: 10.3389/fnbeh.2022.933483. PMID: 36204486; PMCID: PMC9531655.
7. Carvalho G.F., Luedtke K., Bevilacqua-Grossi D. Balance disorders and migraine. *Musculoskelet Sci Pract.* 2023;66:102783. doi: 10.1016/j.msksp.2023.102783. Epub 2023 May 26. PMID: 37263900.
8. Шиффман Х.П. Ощущение и восприятие. Питер, 2023, с. 635.
9. Horn E.R. The development of gravity sensory systems during periods of altered gravity dependent sensory input. *Advances in space biology and medicine.* 2003;9:133-71. doi: 10.1016/s1569-2574(03)09006-3.
10. White O., et al. The gravitational imprint on sensorimotor planning and control. *Journal of neurophysiology.* 2020;124(1):4-19. doi: 10.1152/jn.00381.2019.
11. Kim I., Spelke E.S. Perception and understanding of effects of gravity and inertia on object motion. *Developmental Science.* 1999;2(3):339-362. <https://doi.org/10.1111/1467-7687.00080>.
12. Lane S.J., Mailloux Z., Schoen S., Bundy A., May-Benson T.A., Parham L.D., Smith Roley S., Schaaf R.C. Neural Foundations of Ayres Sensory Integration®. *Brain Sci.* 2019;9(7):153. doi: 10.3390/brainsci9070153. PMID: 31261689; PMCID: PMC6680650.
13. May-Benson T.A., Lopes de Mello Gentil J., Teasdale A. Characteristics and Prevalence of Gravitational Insecurity in Children with Sensory Processing Dysfunction. *Res Dev Disabil.* 2020;101:103640. doi: 10.1016/j.ridd.2020.103640. Epub 2020 Apr 1. PMID: 32247101.
14. Delgado-Lobete L., Pértega-Díaz S., Santos-Del-Riego S., Montes-Montes R. Sensory processing patterns in developmental coordination disorder, attention deficit hyperactivity disorder and typical development. *Res Dev Disabil.* 2020;100:103
15. Mailloux Z., Grady-Dominguez P., Petersen J., Parham L.D., Roley S. S., Bundy A., Schaaf R. C. Evaluation in Ayres Sensory Integration (EASI) Vestibular and Proprioceptive Tests: Construct Validity and Internal Reliability. *Am J Occup Ther.* 2021. Vol. 75, no. 6. P. 7506205070. doi: 10.5014/ajot.2021.043166. PMID: 34792540.
16. Potegal M., May-Benson T.A., Oxborough S., Hall A., McKnight S. Reduced Gain and Shortened Time Constant of Vestibular Velocity Storage as a Source of Balance and Movement Sensitivities in Gravitational Insecurity. *Occup Ther Int.* 2022. Vol. 2022. P. 5240907. doi: 10.1155/2022/5240907. PMID: 35600904; PMCID: PMC9106494.
17. Банди А. Сенсорная интеграция. Теория и практика. М.: Тервинф, 2020. 214 с.

© Николаева Наталья Олеговна (prognos.med@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РЕАБИЛИТАЦИЯ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ОСНОВЕ ПРИМЕНЕНИЯ СУГГЕСТИВНЫХ СРЕДСТВ

REHABILITATION OF PARTICIPANTS IN COMBAT OPERATIONS BASED ON THE USE OF SUGGESTIVE MEANS

Ju. Rode

Summary: The article is devoted to defining the main methodological approaches to organizing a study on the possibilities of regulating unfavorable conditions of combatants during a Special Military Operation. The author outlines the problems of the study, identifies specific aspects of the negative psychological impact on combatants in the conditions of a modern war. The main objectives of such a scientific study are formulated. Particular attention is paid to the possibilities of using suggestive means for psychological regulation of unfavorable conditions of combatants. The use of the approaches outlined in the article will allow conceptually defining ways to improve psychocorrectional work with combatants in the Russian Federation, as well as effectively implementing them in practice.

Keywords: combatant, psychological problem, correction, regulation of unfavorable conditions, suggestive means.

Роде Юлия Александровна

соискатель, Российский новый университет, (г. Москва)

rode@ibr24.ru

Аннотация: Статья посвящена определению основных методологических подходов к организации исследования о возможностях регуляции неблагоприятных состояний участников боевых действий в ходе Специальной военной операции. Автором обозначена проблематика исследования, определены специфические аспекты негативного психологического воздействия на комбатантов в условиях современной войны. Сформулированы основные задачи подобного научного исследования. Особое внимание уделено возможностям применения суггестивных средств для психологической регуляции неблагоприятных состояний участников боевых действий. Использование обозначенных в статье подходов позволит концептуально определить пути совершенствования психокоррекционной работы с участниками боевых действий в Российской Федерации, а также эффективно реализовать их на практике.

Ключевые слова: участник боевых действий, психологическая проблема, коррекция, регуляция неблагоприятных состояний, суггестивные средства.

В проводимой Российской Федерацией Специальной военной операции (далее – СВО) по различным оценкам участвует около 1 млн. военнослужащих МО РФ, Росгвардии и добровольцев. На современном поле боя применяются новые крайне эффективные технические устройства для уничтожения живой силы, которые заставляют человека находится в ситуации психического давления и психологического напряжения длительный период времени. В условиях применения современных технических средств обнаружения и наблюдения на поле боя, их пролонгированного действия, происходит ужесточение ситуации негативного воздействия на психику.

В результате участники боевых действий вынуждены действовать в критических условиях и, ввиду воздействия ряда стрессообразующих факторов на их психику, требуют прохождения психологической реабилитации. И даже при нахождении участника боевых действий достаточно долгое время вдали от линии соприкосновения или уже вне военного конфликта необходимо проведение мероприятий, корректирующих восстановление психики [1].

Часто посттравматическое стрессовое расстройство приводит к развитию депрессии, что, в свою очередь приводит к злоупотреблению алкоголем и другими пси-

хоактивными веществами в попытке хоть ненадолго снять напряжение. Возникновение зависимости усиливает чувство собственной беспомощности и отсутствия контроля [5].

В связи с этим исследование факторов и предикторов потенциально опасного поведения, обусловленных нарушениями психической регуляции поведения участников боевых действий, является социально значимой и актуальной научной задачей психологии в современных условиях.

Необходимо признать, что, несмотря на существующие разнообразные методики психической регуляции деятельности личности, преодоления посттравматических состояний, способов восстановления психики после многочисленных травмирующих событий, изменение условий боевых действий (например, применение дронов и высокоточного оружия, что порождает постоянное чувство опасности бойца на линии соприкосновения) требует изучения новых подходов к психологической коррекции на основе применения аутотренинга, самопрограммирования, гипнотерапии. Поэтому поиск наиболее эффективных методов регуляции неблагоприятных состояний участников боевых действий выступает также и важной научно-практической задачей исследования в современных условиях.

Указанные аспекты только подтверждают актуальность проведения научного поиска по решению проблемы восстановления психики участников боевых действий, подчеркивают важность проведения комплексного и системного анализа в данной научной области, поиска наиболее эффективных методик восстановления и коррекции психики с использованием суггестивных средств в качестве инструмента регуляции неблагоприятных психических состояний.

Полагаем, что проблематика подобного научного исследования заключается в следующем:

1. необходимо осуществить теоретико-методологический поиск решения вопроса коррекции и восстановления психики участников боевых действий на основе изучения теоретического и прикладного материала, статистических данных, различных методологических подходов и концепций, анализа практического опыта (в том числе и иностранного). При этом сложность заключается в том, что подобные данные могут носить закрытый характер, иметь ограничения на анализ и использование;
2. важной выглядит разработка предложений по использованию суггестивных средств в качестве инструмента регуляции неблагоприятных психических состояний участников боевых действий с последующей их апробацией с участниками СВО. Сложность здесь заключается в том, что пока нет какого-либо центра психологии или медицины, который широко практиковал бы подобные методики, пока все ограничивается немногочисленными частными исследованиями.

Необходимо признать, что вопросы коррекции и восстановления психики людей, побывавших в экстремальных условиях, или чья профессиональная деятельность связана с постоянной опасностью, неизменно привлекают интерес в научном сообществе и среди практикующих специалистов – как российских, так и зарубежных. К наиболее важным российским исследованиям в данной научной области за последние 10-15 лет необходимо отнести работы Н.В. Тарабриной [7], а также профессора, доктора психологических наук А.Г. Караяни [2], в том числе, написанных в сотрудничестве с другими авторами [3]. Среди научных, методологических и практических исследований последних лет необходимо отметить работу специалистов НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева [6], монографию исследователей из Алтайского государственного университета [8].

Вместе с тем, данные работы в основном посвящены исследованию различных аспектов, прежде всего, с точки зрения выполнения профессиональных обязанностей специалистов в экстремальных условиях, но не касаются непосредственно участников боевых действий.

Критический анализ современных научных теорий и практических инструментов, а также имеющихся концептуальных и методологических подходов к совершенствованию процесса регуляции неблагоприятных психических состояний участников боевых действий, выводит автора на уровень теоретического обобщения и систематизации возможных направлений восстановления отклонений психики воинов, прошедших через серьезные физические и психологические испытания в условиях военного конфликта, с помощью суггестивных средств.

В ходе проведения подобного исследования необходимо исходить из следующих подходов:

1. имеющиеся сегодня методики восстановления психического состояния участников боевых действий не в полной мере соответствуют современным реалиям в условиях проведения СВО и действию новых негативных факторов, связанных с цифровизацией средств введения войны;
2. на сегодняшний день крайне мало изучены проблемные вопросы применения суггестивных средств для регуляции неблагоприятных психических состояний военнослужащих и добровольцев в ходе СВО;
3. совершенствование организационных подходов к терапии и психологической реабилитации участников боевых действий тесно связано с необходимостью применения суггестивных средств восстановления негативных последствий воздействия на психику комбатантов.

Полагаем, что в результате проведения подобной научной работы возможно достичь следующих результатов:

1. Определить ключевые проблемы, внутренние и внешние факторы, оказывающие дестабилизирующее влияние на психическое состояние участника СВО, требующие оперативного применения методологических и нормативных подходов по проведению коррекции поведения и физического состояния комбатанта.
2. Разработать ключевые направления совершенствования психокоррекционной работы в условиях ведения боевых действий в полевых условиях, в том числе методологически обоснованы возможности повышения эффективности применения суггестивных средств как фактора регуляции неблагоприятных состояний участников боевых действий.
3. Определить содержание основных подходов к совершенствованию методологии использования суггестивных средств для регуляции неблагоприятных состояний участников боевых действий в условиях появления новых негативных и экстремальных факторов применения цифровых технологий в ходе военных конфликтов XXI века.

4. Разработать практические рекомендации по совершенствованию организационных подходов к терапии и психологической реабилитации участников боевых действий на основе применения суггестивных средств для регуляции неблагоприятных психических состояний военнослужащих и добровольцев в ходе СВО.

Считаем, что комплексное и системное исследование обозначенной проблемной области, а также ее от-

дельных аспектов, позволят концептуально определить подходы к совершенствованию психокоррекционной работы с участниками боевых действий в Российской Федерации, а также эффективно реализовать их на практике. Кроме этого, с учетом национальной адаптации выработанные методические подходы и опыт практической апробации методов регуляции неблагоприятных психических состояний участников боевых действий можно будет использовать и специалистам других дружественных России стран.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вальченко С. Эксперт предупредила о возможных психологических проблемах участников СВО // Московский комсомолец. URL: <https://www.mk.ru/social/2022/12/02/ekspert-predupredila-o-vozmozhnykh-psikhologicheskikh-problemakh-uchastnikov-svo.html> (дата обращения: 01.10.2024).
2. Караяни А.Г. Психология боевого стресса и стресс-менеджмента. М.: Юрайт, 2020. 206 с.
3. Караяни А.Г., Волобуева Ю.М., Дубяга В.Ф. Социально-психологическая интеграция в российское общество инвалидов боевых действий: монография. М.: МГОУ, 2009. 120 с.
4. Караяни А.Г., Корчемный П.А. Психологическая помощь в кризисных ситуациях. М.: Военный университет, 2010. 178 с.
5. Корелина А. «Потерпи, выпей». Что не так с психологической помощью участникам спецоперации // Секрет фирмы. URL: <https://secretmag.ru/survival/psikhologicheskaya-pomoshch.htm> (дата обращения: 01.10.2024).
6. Семенова Н.В., Гончаренко А.Ю., Ляшковская С.В. [и др.] Организация оказания медицинской помощи лицам с посттравматическим стрессовым расстройством: методические рекомендации. СПб.: НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева, 2022. 36 с.
7. Тарабрина Н.В. Психология посттравматического стресса: теория и практика: монография. М.: Когито-Центр, 2009. 302 с.
8. Шамардина М.В., Ральникова И.А., Орлова О.А. Методы и приемы психологической помощи участникам боевых действий: монография. Барнаул: АлтГУ, 2023. 156 с.

© Роде Юлия Александровна (rode@ibr24.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СПОСОБЫ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ С РАЗЛИЧНОЙ НАПРАВЛЕННОСТЬЮ НА СОЦИУМ

Смолянская Елена Ильинична

аспирант Института психологии РАН, Москва, Россия

alen.smol@yandex.ru

COPING STRATEGIES OF ELDERLY PEOPLE WITH DIFFERENT SOCIAL ORIENTATION

E. Smolyanskaya

Summary: The article highlights the relevance of studying the mechanisms of adaptation of aged people to age-related changes. Coping is considered as an adaptive potential of a personality; individual personality characteristics define the choice of coping. Sociotropy – self-sufficiency is considered as individual characteristics, which affect the relations with society. According to the goal, the specific of the use by sociotropic and self-sufficient elderly people of coping and interrelations with psychological well-being have been identified. Intergroup differences were found: self-sufficient elderly people have higher values in terms of the «problem-solving planning» strategy, as well as conditionally adaptive coping in the behavioral and emotional spheres in comparison with sociotropic respondents. Intra-group correlations between coping and psychological well-being discovered a greater number of positive correlations for the self-sufficient, while in the sociotropic negative correlations prevail.

Keywords: autonomy, sociotropy, coping, coping strategies, psychological well-being, elder adults.

Аннотация: В работе обозначена актуальность изучения механизмов адаптации пожилых людей к возрастным изменениям. Копинги рассматриваются как адаптационный потенциал личности, выбор копинга осуществляется с учетом индивидуальных характеристик. Социотропия – самодостаточность обсуждается с точки зрения индивидуальных характеристик человека, отражающихся на отношениях с социумом. Согласно поставленной цели, выявлены особенности применения копингов и их связи с психологическим благополучием у социотропных и самодостаточных пожилых людей. Обнаружены межгрупповые различия: «самодостаточные» в сравнении с «социотропными» пожилыми людьми имеют более высокие значения по стратегии «планирование решения проблем», а также по условно адаптивным копингам в поведенческой и эмоциональной сферах. Внутригрупповые корреляции способов совладания и психологического благополучия обнаружили большее количество прямых связей у самодостаточных, и обратных связей – у социотропных.

Ключевые слова: самодостаточность, социотропность, копинг, способы совладания, психологическое благополучие, пожилой возраст.

Введение

Увеличение роста доли пожилого населения, а также происходящие в обществе и мире события актуализируют интерес исследователей по изучению и поиску механизмов адаптации людей позднего возраста к изменяющимся жизненным условиям.

Поздняя зрелость, по мнению геронтологов, вобрала в себя множество стрессовых жизненных ситуаций, к которым пожилой человек зачастую оказывается психологически не готов, что проявляется в различного рода приспособительных или защитных реакциях.

В настоящее время исследователи фокусируют все больше внимания на выявлении факторов, которые позволили бы приблизиться к пониманию путей достижения продуктивной старости, предполагающей удовлетворенность жизнью на данном этапе онтогенеза. Непосредственное воздействие на сценарий старения, по мнению П. Балтеса, оказывает происходящая с возрастом индивидуализация «жизненной траектории» людей и имеющийся жизненный опыт [8, с.103]. При этом, как указывает в своем исследовании Е.А. Никитина, «накапливаемый с возрастом опыт может позволить пожи-

лому человеку использовать все имеющиеся у него ресурсы во внешне противоречивом, однако оптимальном для решаемой задачи комплексе» [7, с.312].

По мнению Е.Р. Исаевой в периоды возрастных кризисов, при столкновении со стрессовыми ситуациями, возрастает роль способности к адаптации как интегральной составляющей человека, сказывающейся на устойчивости его биопсихосоциальной системы [4, с.22].

С точки зрения Е.А. Сергиенко, развивающей системно-субъектный подход, под адаптационным потенциалом человека следует понимать такие механизмы защитного поведения, как «саморегуляция, контроль поведения, психологические защиты и стратегии совладания» [13, с.101]. Защитное поведение может быть одновременно представлено и психологическими защитами, и совладающим поведением. Индивидуальные ресурсы личности (когнитивные, эмоциональные, волевые), образующие «индивидуальный паттерн» контроля поведения, сказываются на своеобразии контроля поведения и способов регуляции, и, соответственно, на выборе психологических защит и способов совладания [11, с.389].

Основным критерием в совладающем поведении при

стрессе Т.Л. Крюкова обозначает понятие выбора и осознанности. Совладающее поведение может претерпевать изменения на разных возрастных этапах. С возрастом увеличиваются продуктивные и снижаются непродуктивные способы совладания. В сложных ситуациях человек может использовать одновременно несколько осознанных стилей поведения. Поведение человека в сложной ситуации опосредуется совокупностью факторов: диспозиционным (личностным), ситуативным (динамическим), регулятивным, социокультурным. В частности, личностные факторы могут стать предикторами в выборе эмоционально-ориентированных копингов, а социокультурные оказывают влияние на частоту и выраженность проблемно-ориентированных способов совладания [5, с.62].

Разработанная Р. Лазарусом с коллегами теория о роли когнитивного фактора стресса фокусирует внимание на когнитивной оценке индивидом происходящих событий, которая воздействует не только на силу стрессовой реакции, но и на выбор той или иной стратегии совладания (копинга). Сочетание или комбинирование копингов (в ситуациях стресса с потерей контроля) ослабляет стресс и приводит к улучшению состояния здоровья [10, с.427-428].

Когнитивное оценивание с «последующим стилем реагирования» рассматривается в научной литературе, как индивидуальный способ обработки информации, соответствующий привычной индивиду модели поведения, запускающий процесс «субъективного восприятия и интерпретации» ситуации [9, с. 37-38].

Согласно теории А. Бека, с особенностями личности, выражающимися в индивидуальном стиле мышления (включая восприятие, когнитивную оценку, обработку, интерпретацию информации), тесно связаны «когнитивные схемы»: «социотропия» и «автономия». Данные схемы характеризуются определенными паттернами мышления, реакции и поведения, воздействующими на характер отношений с внешним миром, на субъективное восприятие человеком действительности, определяют специфику направленности на социум. Для социотропных важно быть принятыми и понятыми другими, а автономные стремятся к независимости, контролю ситуации. Для автономных людей социальные отношения не так важны, как для социотропных [10, с. 498].

О связи когнитивных схем и стресса пишет в своей работе А.Р. Акимов. Ссылаясь на разработанную А. Беком «диатез-стресс модель развития депрессивной симптоматики», автор указывает, что стрессогенными факторами для социотропных людей являются - нарушение межличностных отношений, потеря социальных связей, а утрата контроля над ситуацией, угроза независимости - для автономных [1, с. 24].

Таким образом, особенности когнитивных схем могут сказываться на реакции и поведении в сложных ситуациях и определять выбор способов совладания.

Кроме того, отмечаются и возрастные особенности в реагировании на стресс, в применении копингов, отражающиеся, в том числе, и на благополучии: для людей старшего возраста более свойственны оценка (когнитивный подход) и избегание проблемной ситуации, но они реже используют социальную поддержку или решение проблемы (поведенческий подход) [3, с. 229]; в период старения применение активных стратегий совладания способствует поддержанию психического здоровья [14]; пожилые люди с пассивными способами совладания (успокоительные препараты, отрицание, обращение к религии) имеют низкий уровень жизнестойкости, а применение активных копингов (позитивное переформулирование, юмор и личностный рост) демонстрирует средние и высокие показатели жизнестойкости [6, с. 68]; активные стратегии совладания наряду с социальной поддержкой и эмоциональным интеллектом способствуют поддержанию качества жизни и благополучия пожилых людей [15].

Анализ литературы, посвященной способам совладающего поведения в пожилом возрасте, позволил выявить недостаточную изученность проблематики в части использования копингов социотропными и автономными (самодостаточными) пожилыми людьми.

Целью данной работы является выявление особенностей применения копингов у пожилых людей с различной ориентацией на социум, а также взаимосвязей способов совладания со шкалами психологического благополучия.

Гипотезы

1. Между социотропными и самодостаточными пожилыми людьми имеются различия в использовании копингов и стратегий совладания.
2. Самодостаточные респонденты будут чаще выбирать условно адаптивные способы совладания, предполагающие активные действия.

Респонденты

В исследовании приняли участие 105 респондентов в возрасте от 60 до 74 лет, 44 мужчины и 61 женщина, средний возраст 63,75 и 64,80 лет, соответственно, все жители Москвы и Московской области с баллами теста SAGE выше 17, давшие добровольное согласие на участие в опросе, в том числе ответившие на вопросы социально-демографической анкеты.

76,2% проживают с семьей (супруг, супруга и/или дети, внуки), 23,8% одиноко проживающие, 43,8% не ра-

ботаю, 56,2% работают или имеют подработку, 19% имеют среднее или среднеспециальное образование, высшее образование у 81% респондентов.

Методики

1. Шкала «социотропность-самодостаточность» (Стрижицкая, Муртазина, Петраш, Вартанян, 2021);
2. Опросник способов совладающего поведения (Крюкова, Куфтяк, Замышляева, 2004);
3. Опросник «Способы преодоления критических ситуаций» Э.Хайма (Heim, 1988), адаптирован в НИПНИ им. Бехтерева (2005);
4. Шкалы психологического благополучия К. Рифф (Шевеленкова, Фесенко, 2005).

Результаты

Для выявления межгрупповых различий и внутригрупповых корреляций выборка была разделена на две группы по выраженности самодостаточности (при $M_e=41$): «самодостаточные» ($N = 47$) и «социотропные» ($N = 58$), где значения от 42 баллов и выше обозначены как «самодостаточность», а 41 балл и ниже, как «социотропность».

Для выявления межгрупповых различий по номинальным шкалам методики Э. Хайма применен хи-квадрат Пирсона, для способов совладающего поведения и шкал психологического благополучия - критерий Манна-Уитни.

Хи-квадрат Пирсона выявил различия в поведенческих и эмоциональных копингах (при $p < 0,05$). В группе самодостаточных по обеим сферам (поведенческой и эмоциональной) отмечается преобладание адаптивных стратегий при более низких показателях использования неадаптивных копингов по сравнению с социотропными респондентами. При этом, в поведенческой сфере относительно адаптивные копинги преобладают у респондентов с более высокой самодостаточностью, а в эмоциональной сфере у социотропных. Для решения проблем самодостаточные пожилые люди чаще «Обращаются» к тем, кто способен помочь или выбирают «Сотрудничество» для преодоления трудностей, а социотропные стараются «Избегать» или «Изолироваться» от проблемы. Чтобы эмоционально справиться с ситуацией самодостаточные чаще прибегают к «Оптимизму» или «Протесту», в отличие от другой группы, в арсенал которой входят «Подавление эмоций», «Агрессивность» или «Самообвинение». В когнитивной сфере значимых различий не выявлено.

Для выявления межгрупповых различий по методикам «способы совладающего поведения» и «шкалы психологического благополучия» применен критерий Манна-Уитни.

Критерий Манна-Уитни выявил значимые различия по копингу «планирование решения проблемы» (при $p < 0,01$), по общей и отдельным шкалам психологического благополучия: автономия, управление средой, личностный рост и самопринятие (при $p < 0,01$).

Самодостаточные респонденты чаще ориентированы на проблемно-фокусированные усилия по изменению ситуации, аналитический подход к решению к проблемам, выбирая варианты ответов «Пользовался прошлым опытом...» или «Сосредотачивался на том, что нужно делать дальше».

Корреляционный анализ по методу Спирмена позволил вычислить внутригрупповые коэффициенты корреляций между способами совладания и шкалами психологического благополучия.

В группе пожилых респондентов с более высокой самодостаточностью обнаружены следующие связи способов совладания со шкалами психологического благополучия: «**планирование решения**» положительно связано со всеми шкалами психологического благополучия (при $p < 0,01$), а «**положительная переоценка**» со шкалами «цели в жизни», «личностный рост», «управление средой», «общая шкала» (при $p < 0,01$ и $p < 0,05$), «**поиск соцподдержки**» со шкалой «личностный рост» (при $p < 0,05$). «**Избегание**» отрицательно коррелирует со всеми шкалами психологического благополучия (при $p < 0,01$ и $p < 0,05$), кроме шкалы «личностный рост».

В группе социотропных пожилых респондентов также выявлены связи между способами совладания и шкалами психологического благополучия: «**планирование решения**» положительно связано со шкалами психологического благополучия - «общая шкала», «позитивные отношения», «управление средой», «цели в жизни» и «самопринятие» (при $p < 0,01$ и $p < 0,05$). Обратные связи обнаружены в отношении нескольких способов совладания: «**избегание**» отрицательно коррелирует со всеми шкалами психологического благополучия (при $p < 0,01$ и $p < 0,05$), «**принятие ответственности**» со шкалами «самопринятие» и «управление средой» (при $p < 0,01$), «**дистанцирование**» со шкалой «автономия» (при $p < 0,05$).

Обсуждение результатов

Выбор «самодостаточными» пожилыми респондентами адаптивных стратегий («планирование решения проблемы» и «положительная переоценка») указывает на стремление контролировать эмоции, не терять самообладание, включать аналитический подход, а также позволяет переосмыслить ситуацию, рассматривать ее как возможность для личностного роста, саморазвития. «Амбивалентная по природе» стратегия «поиск социальной поддержки», согласно исследованиям, чаще выбирается

представителями старших возрастных групп [13, с. 264], и для «самодостаточных» респондентов выражается в предпринимаемых ими усилиях по получению необходимой для сохранения независимости информационной или эмоциональной поддержки. Неадаптивная стратегия «избегание» предоставляет возможность «самодостаточным» устраниваться на время от решения проблемы, осуществить саморегуляцию, чтобы в дальнейшем предпринять попытки для решения проблемной ситуации.

У «социотропных» респондентов адаптивная стратегия «планирование решения» позволяет аналитически подходить к решению проблемных ситуаций, в том числе, для сохранения значимых для них позитивных отношений, для выстраивания и реализации планов и тд. «Принятие ответственности» может негативно сказаться на мнении окружающих, и тем самым снизить уровень самопринятия, поэтому «социотропные» респонденты для снятия внутреннего напряжения в ситуации стресса, могут занижать или вовсе не признавать свою роль в проблеме. В ситуациях, оцениваемых «социотропными» как угрожающие, «избегание» дает возможность отвлечься или уйти от решения проблемы, облегчая эмоциональное состояние респондентов. Другая неадаптивная стратегия «дистанцирование» позволяет «социотропным» мысленно отделиться от проблемы, тем самым иллюзорно снизив уровень ее значимости.

Выводы

В рамках данной работы выявлены статистически значимые различия в выборе копингов пожилыми людьми с различной ориентацией на социум.

По результатам опросника «Способы преодоления критических ситуаций» в поведенческой и эмоциональной сферах самодостаточные пожилые люди чаще, чем социотропные выбирают адаптивные копинги и реже неадаптивные.

На основании методики «Опросник способов совладающего поведения» выявлено различие в использовании совладания «планирование решения проблемы» - самодостаточные имеют более высокие показатели по сравнению с социотропными.

Первая гипотеза получила свое частичное подтверждение: выявлены межгрупповые различия в выборе «Адаптивных», «Неадаптивных» и «Относительно адап-

тивных» копингов в поведенческой и эмоциональной сферах. В когнитивной сфере различия не обнаружены. Также обнаружено межгрупповое отличие в отношении только одного способа совладающего поведения, ориентированного на решение проблемы.

Вторая гипотеза нашла свое подтверждение: самодостаточные пожилые респонденты отдают предпочтение способам совладания, предполагающим активные действия.

Обнаружена положительная связь условно адаптивных копингов со шкалами психологического благополучия в обеих группах респондентов.

Ограничения

Мы согласны с мнением исследователей о том, что «эффективность стратегии зависит от значительного количества переменных», а также разделяем точку зрения, что «стратегии, рассматриваемые как условно адаптивные в одной ситуации, могут оказаться неадаптивными в другой ситуации» [2, с. 17-18]. В нашей работе основной целью было обнаружение и демонстрация различий в выборе копингов между социотропными и самодостаточными пожилыми людьми, и термин «адаптивности/неадаптивности» применен в соответствии с используемыми методиками. Кроме этого, мы предполагаем, что более широкий репертуар используемых копингов увеличивает диапазон выбора, тем самым способствуя лучшей адаптации и психологическому благополучию. Для подтверждения данного предположения необходимы дополнительные исследования.

Заключение

В стрессовых ситуациях самодостаточные пожилые респонденты предпочитают активные или проблемно-ориентированные действия, более оптимально справляются со стрессом на эмоциональном уровне. Социотропные пожилые респонденты в ситуациях стресса чаще применяют пассивные стратегии как в поведенческой, так и в эмоциональной сферах.

Активные, направленные на решение проблемы стратегии могут способствовать лучшей адаптации к возрастным изменениям, а также психологическому благополучию как самодостаточных, так и социотропных людей пожилого возраста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимова А.Р. Практикум по психологии стресса. Ч. 3. Процессы восприятия и когнитивная оценка стресса. Ульяновск: Зебра, 2016. 106 с.
2. Бондарчук О.А. Возможности и ограничения проективных методик в изучении копинг стратегий // Вестник научных конференций. 2020. № 5-4 (57). С. 17-18.
3. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009. 336 с.

4. Исаева Е.Р. Совладающее со стрессом и защитное поведение личности при расстройствах психической адаптации различного генеза: дис....докт. психол. наук. Санкт-Петербург, 2010. 367 с.
5. Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения в разные периоды жизни: дис....докт. психол. наук. Кострома, 2005. 473 с.
6. Лежнина Л.В., Большакова Г.А. Пассивная стратегия старения: психологические особенности и возможности коррекции//Научное мнение. 2020. № 4. С. 67-72.
7. Никитина Е.А. Удовлетворенность жизнью людей старшего возраста: общее и индивидуальное. Человек, субъект, личность: перспективы психологических исследований: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А. В. Брушлинского и 300-летию основания Российской академии наук, Москва, 12–14 октября 2023 года. Москва: Институт психологии РАН, 2023. С. 308-312.
8. Подольский А.И., Ермолаева М.В., Шоркина Н.А. Пожилой человек как субъект изучения, поддержки и общения: монография. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 175с.
9. Савельева Л.А. Когнитивное оценивание как предиктор эмоционального выгорания на разных уровнях медицинского образования: дис....канд. психологических наук. Ярославль, 2022. 235 с.
10. Фрэнкин Р.Е. Мотивация поведения: Биол., когнитив. и соц. аспекты. М. [и др.]: Питер, 2003. 650с.
11. Научные подходы в современной психологии/А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Г.А. Виленская. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023. 759 с.
12. Совладающее поведение: современное состояние и перспективы/Ин-т психологии РАН; под ред. А.Л. Журавлева, Т.Л. Крюковой, Е.А. Сергиенко. М.: Ин-т психологии РАН, 2008. 472 с.
13. Стресс, выгорание, совладание в современном контексте / Под. ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 512 с.
14. Delhom I., Melendez J.C., Satorres E. Relationship between emotional coping and depressive symptomatology. *European Psychiatry*, 2021, vol. 64, № S1, p.758. DOI: 10.1192/j.eurpsy.2021.2008
15. Frías-Luque M.D., Toledano-González A. Determinants of quality of life and well-being in cognitively unimpaired older adults: a systematic review. *Brain, cognition and mental health*, 2022, PeerJ 10:e12900. DOI: 10.7717/peerj.12900.

© Смолянская Елена Ильинична (alen.smol@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК НАРКОЗАВИСИМЫХ ЗРЕЛЫХ ЛИЦ

Фурсов Кирилл Александрович

Аспирант, ФГАОУ ВО «Государственный университет
просвещения» (г. Москва)
mr.grimhold@mail.ru

FEATURES OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF DRUG-ADDICTED MATURE PERSONS

K. Fursov

Summary: This article presents the results of a study of the features of the socio-psychological characteristics of drug addicts of mature age with an emphasis on the process and conditions of social interaction, which makes the material relevant and new. It should be noted that the features of the socio-psychological characteristics of drug addicts that affect the factors of social interaction that create difficulties in communication, reduce confidence, and complicate the process of adaptation in social groups were identified. The obtained materials can be used in the future to improve the effectiveness of techniques and methods of working with drug addicts. This article can also help to better understand the nature and features of communication with drug addicts.

Keywords: drug addiction, social interaction, exhaustion, emotional lethargy, mature age.

Аннотация: В данной статье представлен результат исследования изучения особенностей социально-психологических характеристик наркозависимых зрелых лиц с акцентом на процесс и условия социального взаимодействия, что придаёт материалу актуальность и новизну. Следует обратить внимание на то, что были определены особенности социально-психологических характеристик наркозависимых, влияющих на факторы социального взаимодействия, которые создают трудности в коммуникации, снижают уверенность, усложняют процесс адаптации в социальных группах. Полученные материалы можно использовать в перспективе повышения эффективности техник и методов работы с наркозависимыми. Также данная статья может помочь лучше понять природу и особенности коммуникации с наркозависимыми.

Ключевые слова: наркозависимость, социальное взаимодействие, истощаемость, эмоциональная вялость, зрелый возраст.

Актуальность работы заключается в теоретическом и эмпирическом освещении социально-психологических характеристик наркозависимых зрелых лиц с акцентом на факторы социального взаимодействия с социально-психологической точки зрения, также имеет место быть омоложение наркотизации населения.

Цель исследования состоит в выявлении особенностей социально-психологических характеристик наркозависимых зрелых лиц.

Задачи исследования:

1. Определить понятие наркомании.
2. Описать социально-психологические особенности наркозависимых зрелых лиц.
3. Выявить закономерности в различиях социально-психологических особенностей наркозависимых зрелых лиц.

Методология исследования базируется на трудах А.Р. Лурия, Б.В. Зейгарник, С.Я. Рубинштейн, Г.М. Андреевой, Е.В. Змановской, которые внесли существенный вклад в развитие психологии [7, 9, 3, 4, 10, 11, 1, 5].

Наркомания – это, в первую очередь, хроническое заболевание, которое приводит к аддикции от определённого психоактивного вещества. Это заболевание

отражается на трёх уровнях: физическом, психологическом и социальном. Наркомания подразделяется на естественную зависимость, аддикция от натуральных психоактивных веществ (далее ПАВ), и на синтетическую зависимость, аддикция от искусственных ПАВ [6].

Социально-психологические особенности и характеристики наркозависимых менее адаптивны, чем у лиц, не подверженных данному виду заболевания. Наркоманы чаще прибегают к лжи, так как помимо стандартных мотивов, они лгут с целью получения очередной дозы и сокрытия своего патологического влечения. Для аддиктов свойственна социальная замкнутость, проявляющаяся в стремлении избегания взаимодействия с другими людьми, они сконцентрированы больше на свои переживания, которыми с каждым употреблением всё тяжелее управлять. Боязнь неудач приводит наркозависимого к бездействию и безынициативности. Для аддиктов характерно проявление инфантильности, немотивированной агрессии, вспышек гнева, непоследовательности и нецеленаправленности по отношению к другим людям. Наркозависимые, не работающие над собой, обладают низкой стрессоустойчивостью, неадекватной самооценкой, низкими способностями к распознаванию, пониманию, управлению и контролю своих и чужих эмоций. Социальная дезадаптация является одним из последствий употребления ПАВ. Изменяются ценностно-смысловые

ориентации личности, на первый план встаёт сам наркотик и удовлетворение примитивных потребностей. При систематичном употреблении примитивные потребности также уходят на второй план и идут за стимулом употребить и получит очередную дозу [12, 13].

Особенность данного исследования заключается в том, что в своей основе оно носит и количественный, и качественный характер. В исследовании приняли участие 31 человек, среди которых 7 мужчин и 5 женщин зрелого возраста, не подверженных наркотической зависимостью, а также 12 мужчин и 7 женщин зрелого возраста, страдающих наркотической зависимостью. В работе внимание направлено на такие факторы соци-

ального взаимодействия как «действие и особенности других людей» и «когнитивные процессы».

В качестве методического инструментария применялись следующие методики: «Заучивание десяти слов» (А.Р. Лурия), «Пиктограмма» (А.Р. Лурия) [7]. (Диаг. 1., 2.)

Таблица 1.

Пиктограмма. U-критерий Манна-Уитни.

Значимость U-критерия Манна-Уитни по Опроснику «Пиктограмма» (А.Р. Лурия).		
№	Шкала	Асимптотическая значимость
1.	Истощаемость	0,028

Диаграмма 1. Пиктограмма. Средний ранг

Диаграмма 2. Пиктограмма. Сумма рангов

Рассматривая данные диаграммы средних рангов и суммы рангов между группами наркозависимых и не наркозависимых мужчин по методике «Пиктограмма» и таблицу асимптотической значимости U-критерия Манна-Уитни, наркозависимые мужчины в зрелом возрасте в большей степени подвержены истощаемости. Другими словами, наркозависимые мужчины зрелого возраста способны удерживать фокус произвольного внимания меньше времени, чем не наркозависимые, быстрее утомляются. Это сказывается на общении людей, так как истощаемость связана с устойчивостью психических процессов и способностью сохранять внимание и активно участвовать в социальном взаимодействии. Таким образом, нарко-

зависимые не способны долго сохранять концентрацию во время общения, хуже усваивают информацию и менее вовлечены в разговор, чем лица, не страдающие наркозависимостью. Параметр истощаемости связан с эмоциональной стабильностью, поэтому наркозависимые с высоким уровнем истощаемости более склонны к конфликтам. Лицам с высоким уровнем истощаемости труднее находить общий язык с окружающими, что, в свою очередь, осложняет характер совместной деятельности и качества социального взаимодействия. Также аддикты с высоким уровнем истощаемости подвержены стрессу в социальных ситуациях, что делает их более закрытыми и замкнутыми. (Диог. 3. , 4.)

Диаграмма 3. Заучивание десяти слов. Средний ранг.

Диаграмма 4. Заучивание десяти слов. Сумма рангов.

Таблица 2.
Заучивание десяти слов. U-критерий Манна-Уитни.

Значимость U-критерия Манна-Уитни по Опроснику «Заучивание десяти слов» (А.Р. Лурия)		
№	Шкала	Асимптотическая значимость
1.	Уровень сохранности непосредственной памяти	0,047

Рассматривая данные диаграммы средних рангов и суммы рангов между группами наркозависимых и не наркозависимых женщин по методике «Заучивание десяти слов» и таблицу асимптотической значимости U-критерия Манна-Уитни, наркозависимые женщины в зрелом возрасте обладают меньшим уровнем сохранности непосредственной памяти, чем не наркозависимые.

Другими словами, наркозависимые женщины зрелого возраста хуже запоминают и воспроизводят материал под прямым воздействием на органы чувств человека без использования дополнительных средств и приёмов для запоминания. Наркозависимые лица с низким уровнем сохранности непосредственной памяти могут испытывать трудности в запоминании имён, лиц или деталей разговора, сложности в поддержании беседы, трудности в обучении и усвоении новых навыков, а также неуверенность в социальных ситуациях с последующим избеганием или снижением активности в взаимодействии с другими

Помимо выявленных статистически значимых закономерностей, определились следующие маргинальные значения. (Диаг. 5. , 6.)

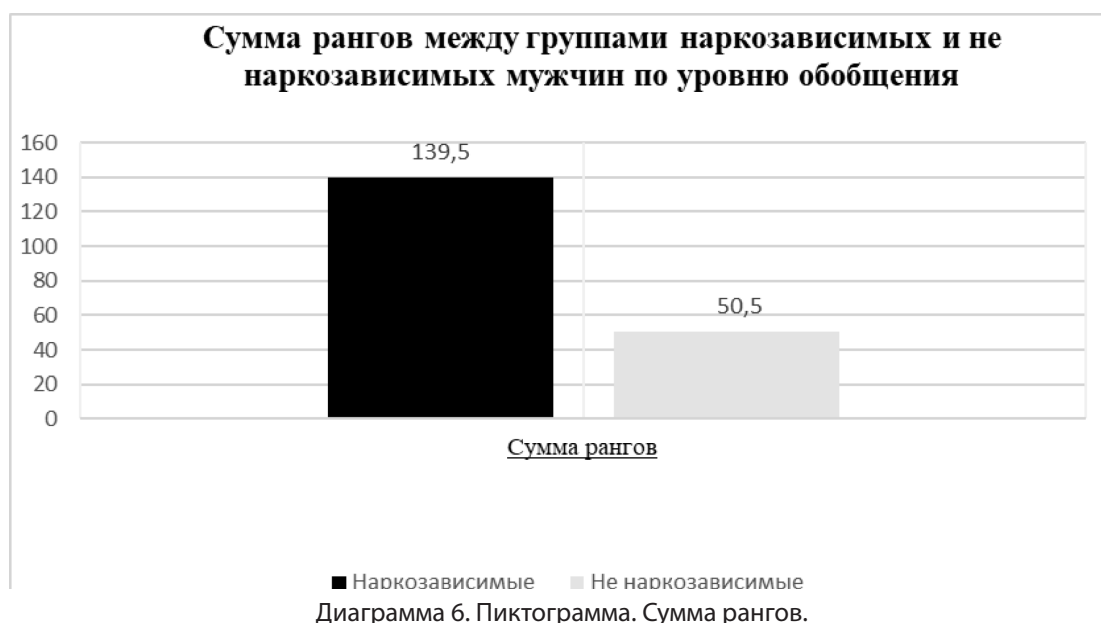

Таблица 3.

Пиктограмма. U-критерий Манна-Уитни.

Значимость U-критерия Манна-Уитни по Опроснику «Пиктограмма» (А.Р. Лурия)		
№	Шкала	Асимптотическая значимость
1.	Уровень обобщения	0,054

Высокие показатели свидетельствуют о наличии тенденции к дезорганизации уровня обобщения. Таким образом, сравнивая данные выборки, обобщения у нар-

козависимых мужчин характеризуются определёнными нарушениями, такими как снижение уровня обобщения, искажение обобщений, а также имеет место быть обстоятельность и ригидность мышления, что делает аддикта менее гибким в ответах на изменчивость социальной среды, т.е. вызывает трудности в адаптации. Обстоятельность и ригидность мышления наркозависимых затрудняет понимание и восприятие ценностей и потребностей других. Они менее восприимчивы к критике и менее склонны к компромиссам, что способствует развитию конфликтов. (Диаг. 7. , 8.)

Диаграмма 7. Заучивание десяти слов. Средний ранг.

Диаграмма 8. Заучивание десяти слов. Сумма рангов.

Таблица 4.
Заучивание десяти слов. U-критерий Манна-Уитни.

Значимость U-критерия Манна-Уитни по Опроснику «Заучивание десяти слов» (А.Р. Лурия)		
№	Шкала	Асимптотическая значимость
1.	Эмоциональная вялость	0,053

Высокие показатели по данной шкале свидетельствуют о наличии эмоциональной вялости среди респондентов. Другими словами, наркозависимые мужчины в большей степени демонстрируют признаки эмоциональной вялости, нежели наркозависимые женщины.

Таким образом, под фактор «действия и особенности других людей» попадают результаты по шкалам «истощаемость» и «эмоциональная вялость». Нарушение сохранности произвольного внимания, а также повышенная скорость утомляемости усложняют процесс социального взаимодействия. Такие люди могут испытывать напряжение и дискомфорт в связи с необходимостью прикладывать больше усилий на концентрацию и удержание внимания во время общения. Эмоциональная вялость затрагивает эмоционально-волевую сферу и отражается в латентности, скудном проявлении эмоциональных реакций по отношению к социально значимым раздражителям. Яркость эмоций в процессе социального взаимодействия может быть снижена, что создаст определённые трудности в общении.

Под фактор «когнитивные процессы» попадают результаты по шкалам «уровень сохранности непосредственной памяти» и «уровень обобщения». Низкая сохранность к запоминанию и воспроизведению материала может также негативно сказываться на межличностном взаимодействии. Проявляется в ухудшении памяти на имена, адреса, даты и события. Во время диалога возможны затруднения в ситуациях, требующих быстрой формулировки ответа. Искажение, обстоятельность и ригидность мышления в свою очередь вносят свои особенности и сложности при социальном взаимодействии. При искажении процессов обобщения человек опирается не на стандартные категории, а подбирает неожидан-

ные обоснования, что может создать недопонимание в беседе с другими людьми и даже привести к конфликту. При обстоятельности мышления человек склонен прибегать к излишней детализированности, которая будет мешать ему вычлнить главное от второстепенного во время разговора. Ригидность мышления может послужить одной из причин демонстративного поведения, эгоцентризма и аффективного поведения.

Результаты, полученные в ходе исследования социально-психологических характеристик наркозависимых зрелых лиц, могут быть использованы при психопрофилактической, психодиагностической и психокоррекционной работе. Также данные результаты можно применять при составлении точечных программ, направленных на реабилитацию и ресоциализацию наркозависимых в специализированных учреждениях.

Объединение аддиктов в группы является одной из их социально-психологических защитных потребностей. С точки зрения социальной психологии акцент применения полученных результатов смещается на конструктивное выстраивание процессов социального взаимодействия в группах, поскольку наркозависимые стремятся избегать ответственности, становятся более замкнутыми и мнительными по причине подавленности и аддиктивности их социального развития личности.

Выводы

1. Наркозависимые мужчины в большей степени подвержены истощаемости и утомляемости, чем не наркозависимые мужчины зрелого возраста.
2. Наркозависимые женщины обладают меньшим уровнем сохранности непосредственной памяти, чем не наркозависимые женщины зрелого возраста.
3. Наркозависимые мужчины имеют тенденцию к нарушению уровня обобщения, а именно к снижению и искажению обобщения, также для них характерны обстоятельность и ригидность мышления.
4. Наркозависимые мужчины имеют тенденцию к проявлению признаков эмоциональной вялости в большей степени, чем наркозависимые женщины зрелого возраста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Г.М. Социальная психология: Учебник для высших учебных заведений / Г. М. Андреева. — 5 е изд., испр. и доп. — М.: Аспект Пресс, 2009. — 363 с.
2. Величковский Б.М. Когнитивная наука. Основы психологии познания. М.: Академия, 2006. Т. 1. 448 с.
3. Зейгарник Б.В. Принципы построения патопсихологического исследования. Практикум по патопсихологии. Москва: Изд-во Московского Университета, 1987. — 183с.
4. Зейгарник Б.В. Психология личности: норма и патология: избранные психологические труды / Б.В. Зейгарник; под ред. М.Р. Гинзбурга; Российская акад. образования, Московский психолого-социальный ин-т. - 4-е изд., стер. - Москва: Изд-во Московского психолого-социального ин-та; Воронеж: МОДЭК, 2007. — 414с.
5. Змановская Е.В., Рыбников В.Ю. Девиантное поведение личности и группы. — СПб: Питер, 2019.- 3-е издание, дополненное. — 352с.

6. Караганова С.А., Малашенко И.Е., Федорова А.В., Наркомания в России: угроза нации аналитический доклад, Совет по внешней и оборонной политике, М.: 2008.
7. Лурия А.Р. Основы нейропсихологии. Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2003. — 384с.
8. Нейропсихология памяти [Текст]. Нарушения памяти при локальных поражениях мозга / 22 см. — Москва: Педагогика, 1974, 1974. — 310с.
9. Письмо и речь. Нейролингвистические исследования: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальностям психологии / А.Р. Лурия. - Москва: Academia, 2002. — 345с.
10. Рубинштейн С.Я. Экспериментальные методики патопсихологии. — М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999. — 448с.
11. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. — Санкт-Петербург: Питер, 2000 — 705с.
12. Старшенбаум Г.В. Аддиктология: психология и психотерапия зависимостей. - Москва: Когито-Центр, 2006 (Можайск (Моск.обл.) : Можайский полиграфкомбинат). - 366с.
13. Степанова О.П., Слепухина Г.В., Безенкова Т.А. Психологические особенности людей, зависимых от психоактивных веществ // АНИ: педагогика и психология. 2018. №4 (25). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-lyudey-zavisimyh-ot-psihoaktivnyh-veschestv> (дата обращения: 05.11.2024).
14. Эдкинд Д. Эрик Эриксон и восемь стадий человеческой жизни. / Пер. с англ. - М.: Ин-т психологии РАН, 2013. - 160с.

© Фурсов Кирилл Александрович (mr.grimhold@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ВЕСТИБУЛОГЛАЗНОГО РЕФЛЕКСА У ДЕТЕЙ С ТРУДНОСТЯМИ В ОБУЧЕНИИ И НАРУШЕНИЯМИ РЕЧИ ДО И ПОСЛЕ ДВИГАТЕЛЬНОГО ТРЕНИНГА

Хаснутдинова Антонина Леонидовна

Аспирант, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»
ant.khasnutdinova@yandex.ru

FEATURES OF THE VESTIBULO-OCULAR REFLEX IN CHILDREN WITH LEARNING DIFFICULTIES AND SPEECH DISORDERS BEFORE AND AFTER MOTOR TRAINING

A. Khasnutdinova

Summary: The article presents the results of an experimental study involving 343 children and adolescents with speech disorders and learning difficulties, aged from 3 to 16 years. The effect of motor training on the state of the vestibulo-ocular reflex of the subjects was assessed. Before the training, it was established by instrumental studies that all subjects had reduced sensory reactivity of the vestibular apparatus. To assess the vestibulo-ocular reflex, which reflects the quality of communication between the vestibular system and the oculomotor apparatus, a dynamic visual acuity test was conducted, as well as measuring the duration of post-rotational nystagmus. After individual motor training, which took place daily for 15 days, a repeated test of dynamic visual acuity was conducted. It was shown that the younger the child, the more pronounced changes in dynamic visual acuity were achieved during the training. The training indicators have a negative correlation with the post-rotational nystagmus assessment indicators. The worse the post-rotational nystagmus indices were before the training, the higher the effectiveness. The dynamic visual acuity test is simple and can be carried out in any educational institution to identify children at risk and to assess the effectiveness of training.

Keywords: children, vestibular system, dynamic visual acuity, vestibulo-ocular reflex, compensatory eye movements, learning difficulties, reading disorders, speech disorders.

Аннотация: В статье представлены результаты экспериментального исследования, в котором приняли участие 343 ребенка и подростка с нарушениями речи и трудностями в обучении, возраст от 3-х до 16 лет. Оценивали влияние двигательного тренинга на состояние вестибулоглазного рефлекса испытуемых. До начала тренинга было установлено путем проведения инструментальных исследований, что у всех испытуемых снижена сенсорная реактивность вестибулярного аппарата. Для оценки вестибулоглазного рефлекса, который отражает качество связи между вестибулярной системой и глазодвигательным аппаратом, проводился тест динамической остроты зрения, а также измерение длительности поствращательного нистагма. После индивидуального двигательного тренинга, который проходил ежедневно в течение 15 дней, было проведено повторное тестирование динамической остроты зрения. Показано, что чем младше был ребенок, тем более выраженных изменения динамической остроты зрения удалось добиться во время тренинга. Показатели тренинга имеют отрицательную корреляцию с показателями оценки поствращательного нистагма. Чем хуже были показатели поствращательного нистагма до тренинга, тем выше была эффективность. Тест динамической остроты зрения простой и может проводиться в любом образовательном учреждении для выявления детей группы риска и для оценки эффективности тренингов.

Ключевые слова: дети, вестибулярная система, динамическая острота зрения, вестибулоглазной рефлекс, компенсаторные движения глаз, трудности в обучении, нарушения чтения, нарушения речи.

Введение

За последние десятилетия значительно увеличилось количество детей, имеющих трудности в обучении. По разным данным в России и других развитых странах количество таких детей среди младших школьников составляет не менее 40% [8]. Наиболее распространенными являются трудности с освоением чтения. Достаточно часто эти трудности возникают у детей, которые в дошкольном возрасте имели нарушения речевого развития [7]. Если чтение не становится навыком в начальной школе, этот дефицит будет оказывать длительное негативное влияние на способность ребенка к обучению. Поэтому изучение психофизиологических механизмов, лежащих в основе возникновения наруше-

ний чтения у детей, является актуальным.

Одно из направлений изучения причин нарушений чтения у детей связано с представлениями о возможном влиянии на формирование навыка чтения вестибулярных дисфункций, которые достоверно часто выявляются у школьников с трудностями в обучении чтению [4,13].

Автор теории сенсорной интеграции Дж. Айрес считала вестибулярную систему основой развития ребенка [4].

Известно, что вестибулярная система выполняет две основные функции: вестибулоспиальную и вестибулоглазную. Цель настоящего исследования состояла в оценке влияния двигательного тренинга на вестибуло-

глазную функцию у детей с сенсорной гипореактивностью вестибулярной системы.

Методика.

В исследовании участвовали 343 ребенка, в возрасте от 3 до 16 лет ($M_{\text{возраст}} = 7.6, SD = 2.21$), 241 мальчика и 102 девочки. Исследование проводилось на базе детской неврологической клиники. Родители детей школьного возраста обратились в клинику по поводу трудностей в обучении; родители дошкольников по поводу нарушений речевого развития. Все дети были осмотрены неврологом и логопедом. Диагностика и развивающие занятия проводились по назначению врача с письменного согласия родителей.

Наличие сенсорной гипореактивности вестибулярной системы у испытуемых было установлено с помощью комплекса инструментальных исследований, который включал в себя: цервикальные вестибулярные вызванные потенциалы (цВМВП) и оценку поствращательного нистагма с окулограммой (ПВН).

цВМВП на звуковой щелчковый стимул проводили на нейроресурсы «Нейро-МВП-4» («Нейрософт», Иваново). Оценивали латентный период пика P1 цВМВП слева и справа. Показатели P1 слева составили от 8.93 мс. до 14 мс. ($M_{\text{цВМВП слева}} = 10.6, SD = 0.844$), справа от 9.01 мс. до 14.1 мс. ($M_{\text{цВМВП справа}} = 10.6, SD = 0.850$).

Длительность ПВН оценивали с использованием устройства психофизиологического телеметрического «Реакор-Т» производства ООО НПКФ «Медиком-МТД» (г. Таганрог) в ПМО «Энцефалан-СА». Длительность ПВН слева составила от 1 сек. до 52 сек. ($M_{\text{ПВН слева}} = 18, SD = 9.11$), справа от 1 сек. до 53 сек. ($M_{\text{ПВН справа}} = 16.7, SD = 8.51$).

Помимо этих исследований, до и после двигательного тренинга проводился тест динамической остроты зрения (ДОЗ) с использованием стандартной таблицы Сивцева.

Первоначально измерялась статическая острота зрения, затем динамическая острота зрения в положении сидя и стоя. Для активации вестибулярной системы взрослый совершал быстрые движения головой ребенка из стороны в сторону. Дети, которые носят очки для коррекции зрения, проходили обследование в очках. Качество ДОЗ оценивали как разницу в количестве увиденных строк в таблице Сивцева в статике и динамике, сидя и стоя.

Изменение количества увиденных строк в статике стоя варьировались от -3 до 5 ($M_{\text{Изм.ДОЗ стоя}} = 0.536, SD = 1.0$), изменение СОЗ в положении сидя от -3 до 4 ($M_{\text{Изм.СОЗ сидя}} = 0.446,$

$SD = 0.989$), изменение количества строк ДОЗ в положении стоя от -4 до 4 ($M_{\text{Изм.ДОЗ стоя}} = 0.746, SD = 1.19$) и изменение ДОЗ в положении сидя от -4 до 4 ($M_{\text{Изм.ДОЗ сидя}} = 0.738, SD = 1.16$).

Далее каждый ребенок посещал двигательный тренинг, направленный на нормализацию вестибулоглазного рефлекса. Занятия проходили ежедневно, 15 дней, по 30 минут в индивидуальном режиме. Через 15 дней оценка СОЗ и ДОЗ проводилась повторно.

Статистическая обработка была выполнена с помощью программных продуктов Microsoft Excel 2016 и Jamovi (версия 2.3.28) (источник: <https://www.jamovi.org>). При анализе количественных показателей использовали тест Шапиро-Уилка для сравнения распределений с нормальным. Распределение в выборке носит характер отличный от нормального (критерий Шапиро-Уилка, уровень значимости ($<0,001$)) поэтому для дальнейшего анализа были использованы непараметрические методы.

Результаты

В экспериментальную группу вошли дети с гипореактивностью вестибулярной системы, которая определялась по показателям цВМВП и ПВН на основе предыдущих исследований с участием детей групп сравнения [15].

Задачи исследования включали в себя поиск взаимосвязей между показателями ДОЗ после тренинга с возрастом испытуемых, а также поиск связи с показателями инструментальной диагностики, которая проводилась до тренинга. Для проверки гипотез о наличии возможных связей был использован корреляционный анализ Спирмена.

В результате был получен ряд значимых отрицательных корреляций (таблица 1). Так, возраст отрицательно связан с изменениями СОЗ в положении стоя ($R_o = -0.160, p = 0.002$), с изменениями СОЗ в положении сидя ($R_o = -0.157, p = 0.002$), с изменением ДОЗ в положении стоя ($R_o = -0.105, p = 0.026$), с изменением ДОЗ в положении сидя ($R_o = -0.093, p = 0.042$). Изменения СОЗ в положении стоя отрицательно коррелировали с длительностью ПВН слева ($R_o = -0.109, p = 0.022$). Изменения ДОЗ в положении стоя отрицательно коррелировали с длительностью ПВН слева ($R_o = -0.099, p = 0.034$) и с длительностью ПВН справа ($R_o = -0.115, p = 0.016$). Исходя из полученных результатов, можно сказать, что чем старше ребенок, тем ниже вероятность значительно улучшить статическую и динамическую остроту зрения путем двигательного тренинга.

Чем хуже у ребенка были показатели поствращательного нистагма, тем более выраженное улучшение стати-

Таблица 1.

Корреляционная матрица изменения статической и динамической остроты зрения в положении сидя и стоя с возрастом и продолжительностью поствращательного нистагма у детей.

		Изменение СОЗ (в положении стоя)	Изменение СОЗ (в положении сидя)	Изменение ДОЗ (в положении стоя)	Изменение ДОЗ (в положении сидя)
Возраст	Спирмен $\rho(\rho)$	-0.160**	-0.157**	-0.105*	-0.093*
	p-значение	0.002	0.002	0.026	0.042
ПВН слева	Спирмен $\rho(\rho)$	-0.109*	-0.066	-0.099*	-0.045
	p-значение	0.022	0.112	0.034	0.201
ПВН справа	Спирмен $\rho(\rho)$	-0.087	-0.068	-0.115*	-0.077
	p-значение	0.061	0.106	0.016	0.077

Примечание. * $p < .05$, ** $p < .01$, *** $p < .001$

ческой и динамической остроты зрения наблюдались после тренинга. (Таб. 1.)

Таким образом, нам удалось показать, что дети более младшего возраста и меньшей продолжительностью поствращательного нистагма демонстрируют более выраженную динамику в отношении статической и динамической остроты зрения после двигательного тренинга.

Обсуждение результатов

Первоначально стойкие нарушения чтения (дислексия) назывались «словесной слепотой». Поэтому попытки объяснить трудности в освоении чтения теми или иными особенностями глазодвигательной активности предпринимались исследователями многократно. Были получены неоднозначные результаты [6].

Метафора «словесная слепота» обозначает ситуацию, когда офтальмолог не находит нарушений зрения во время стандартной диагностики, но у ребенка возникают трудности во время восприятия напечатанного или написанного текста. Проверка зрения у офтальмолога обычно проводится в статичном положении: сидя с неподвижной головой. В реальных условиях голова ребенка никогда не бывает полностью неподвижна, даже во время чтения. При определенных движениях головы активируется вестибулоглазной рефлекс, который должен обеспечивать автоматические компенсаторные движения глазных яблок. Острота зрения во время движений головы (динамическая острота зрения) обычно ниже на одну строчку по стандартным таблицам, чем при оценке остроты зрения в статике. Если компенсаторные движения глаз недостаточны, у ребенка могут возникать субъективные ощущения, затрудняющие чтение: текст двигается, буквы затуманены или меняются местами. При этом разница между СОЗ и ДОЗ будет две строки и более по таблице Сивцева. Этот дефицит негативно влияет на способность ребенка к освоению учебных навыков, но, как правило, остается скрытым.

Тест динамической остроты зрения играет ключевую роль в оценке вестибулярной функции, зрительных функций спортсменов, а также различных глазных заболеваний. Поскольку зрительные пути, передающие динамические и статические сигналы, различны, этот тест может иметь потенциальные преимущества перед традиционными тестами, оценивающими остроту зрения [18].

В 2003 году было установлено, что тест оценки динамической остроты зрения, который ранее проводился только для взрослых, является достоверным и валидным для детей с 3-х лет [17]. Исследование проводилось с детьми, имеющими нейросенсорную тугоухость, которая сочеталась с вестибулярной гипофункцией. Было показано, что дети с вестибулярной гипофункцией, особенно с двухсторонней вестибулярной гипофункцией, имеют более низкие показатели скорости чтения, чем сверстники без вестибулярных дисфункций, независимо от слуха. Кроме того, показатели скорости чтения в этом исследовании коррелировали с динамическими, а не статическими показателями остроты зрения. Это может быть связано с недостаточностью вестибулоглазного рефлекса, которая приводит к невозможности стабилизировать изображение на сетчатке глаза достаточно долго для корректной обработки. [1].

В настоящее время, работы с использованием оценки ДОЗ для детей с трудностями в обучении по-прежнему немногочисленны [2,8,14]. Хотя идея о том, что полноценная регистрация вестибулярных ощущений является функциональным фундаментом не только для движения, но и для развития когнитивных функций, нашла подтверждение в исследованиях последних лет. Опубликован ряд исследований ДОЗ у спортсменов, занимающихся различными видами спорта, это направление сейчас активно развивается [10,11].

Связь между нарушениями ДОЗ и трудностями в обучении чтению нуждается в дальнейшем изучении. Хотя ребенок рождается с полностью функциональной вестибулярной системой, связи вестибулярной системы с

другими моторными и сенсорными системами формируются в процессе опыта. Двигательный и зрительный опыт современного ребенка существенно отличается от опыта детей 40-50 лет назад. Современный ребенок с младенческого возраста знакомится с гаджетами, что является одной из причин снижения двигательной активности, необходимой для нормального развития сенсомоторной интеграции. Дефицит двигательной активности может в том числе негативно влиять на развитие автоматических компенсаторных движений глаз (вестибулоглазной рефлекс), приводя к снижению динамической остроты зрения.

Известно, что периферическая часть вестибулярного аппарата состоит из трех полукружных каналов и двух отолитовых органов. В большей степени на компенсаторные движения глаз влияет регистрация изменения положения головы полукружными каналами. Это подтвердили и результаты нашего исследования, так как оценка поствращательного нистагма также является одним из инструментов диагностики связей между вестибулярным аппаратом и глазодвигательной системой.

В нашем исследовании было показано, что чем младше были испытуемые, чем ниже у них была сенсорная реактивность полукружных каналов (показатели ПВН), тем эффективнее был тренинг, направленный на нормализацию вестибулоглазного рефлекса. Можно предположить, что существует критический период, после которого изменения ДОЗ к лучшему затруднены. Пока недостаточно данных, чтобы сделать выводы о временных рамках такого критического периода. Однако полученные нами результаты показывают, что целесообразно выявлять нарушения ДОЗ до того, как ребенок начинает осваивать чтение и при необходимости проводить двигательный тренинг, направленный на нормализацию вестибулоглазного рефлекса.

Таким образом, тест ДОЗ – это инструмент функциональной оценки нарушений и компенсации вестибулярной системы, который отражает качество вестибулоглазного рефлекса.

Сейчас существуют различные модификации этого теста: компьютеризированный DVAT (сDVAT), DVAT на беговой дорожке, DVAT на вращающемся тренажере, DVA с наклоном головы (htDVA) и функциональное импульсное тестирование головы (fHIT), определение динамической остроты зрения со смещением взгляда при ходьбе (gsDVA), трансляционный динамический тест на остроту зрения (tDVAT), педиатрический DVAT и т.д. [3].

Однако, классический вариант проведения теста с использованием стандартных таблиц для проверки зрения является доступным вариантом, который можно использовать в любом образовательном учреждении. Результаты нашего исследования показывают целесообразность использования такого теста для выявления детей группы риска и для оценки эффективности тренингов.

Большинство детей, которые принимали участие в тренинге испытывали затруднения в упражнениях, где нужно ловить мяч (или другие объекты, пересекающие пространство), а также попадать мячом в цель. Все игровые упражнения во время тренинга постепенно усложнялись. Первый этап: голова ребенка неподвижна, он ловит мяч или прицеливается и бросает мяч в неподвижную цель. Второй этап: цель неподвижна, но ребенок движется (батут, подвижная платформа, иппотренажер). Третий этап: движутся и ребенок, и цель.

На основе полученных нами результатов можно рекомендовать использовать тест динамической остроты зрения для детей с 3-х лет, с целью как можно более раннего выявления детей группы риска, у которых позднее могут возникнуть трудности в обучении. Растущее количество детей с нарушениями ДОЗ указывает на необходимость изменения представлений о том, как должны быть организованы развивающие занятия с детьми дошкольного возраста. Чем младше ребенок, тем больше внимания следует уделять двигательной активности, которая способствует развитию динамической остроты зрения. Особое внимание следует уделять различным играм с мячом, летающей тарелкой, бадминтону, дартс. Все эти виды активности могут использоваться как для профилактики нарушений динамической остроты зрения, так и для нормализации вестибулоглазного рефлекса.

Выводы

Среди детей с нарушениями речи и трудностями в обучении можно выделить группу с гипореактивностью вестибулярной системы, которая приводит к недостаточности вестибулоглазного рефлекса и снижению динамической остроты зрения. Тест динамической остроты зрения можно проводить детям с трех лет, дополнительно может быть проведена оценка длительности поствращательного нистагма. Чем раньше выявлены нарушения динамической остроты зрения, тем эффективнее может быть тренинг, направленный на нормализацию вестибулоглазного рефлекса. Возможно, дисфункции вестибулярной системы затрудняют процесс освоения навыка чтения у определенной группы детей. Требуется дальнейшие исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аветисов Э.С., Ковалевский Е.И., Хватова А.В. Руководство по детской офтальмологии. — М.: Медицина, 1987. — С. 106 — 146.

2. Архангельская А.Д. О факторах влияющих на зрительную работоспособность детей // Актуальн. проблемы офтальмологии — научн. мат- лы. С.-Пб.; изд. ПМИ, 1995. С.42-44.
3. Барабанщиков, В.А. Методы регистрации движений глаз: теория и практика / В.А. Барабанщиков, А.В. Жегалло // Психологическая наука и образование. - 2010. - № 5. - С. 240-254.
4. Безруких, М.М. Функциональное развитие мозга, познавательная деятельность и обучение в предшкольном и младшем школьном возрасте // Новые исследования. - М. Институт возрастной физиологии РАО. - 2009. - № 2. - С. 8-9
5. Волков В.В. Психофизиология зрительных процессов и методы ее изучения: Сб. науч тр. М.: Руссомед, 1993. - С. 158 - 179.
6. Егорова Т.С. Скорость чтения как эргономический критерий оптимальной коррекции при слабовидении. // Офтальмоэргономика и оптометрия: Сб. науч. работ. -М., 1988. С.158 -165
7. Ефимова, В.Л., Николаева, Е.И. (2020) Роль вестибулярной системы в формировании специфических речевых расстройств у детей. Физиология человека, т. 46, № 3, с. 83–89.
8. Ефимова, В.Л., Резник, Е.Н., Николаев, И.В. (2019) Вестибулярные дисфункции у детей с симптомами СДВГ. Вестник психофизиологии, № 3, с. 38–43.
9. Корнилова, Л.Н. Ориентация в пространстве, вестибулярная функция и зрительное слежение в условиях измененной гравитационной среды / Л.Н. Корнилова // – 2020. – Т. 54, № 6. – С. 50-57. – DOI 10.21687/0233-528X-2020-54-6-50-57.
10. Кинзябулатова О.Ю. Оптимизация результатов интраокулярной коррекции афакии после удаления врожденной катаракты у детей дошкольного возраста: диссертация Уфа, С. 2004.- 160.
11. Никитина Т.Н. Зрительная работоспособность детей различного возраста: диссертация Санкт-Петербург, С. 2004.- 100.
12. Селихова, Е.Г. Определение функциональных особенностей вестибулярного анализатора у детей 7-10 лет / Е.Г. Селихова, Г.Д. Алексанянц // Материалы ежегодной отчетной научной конференции аспирантов и соискателей Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма. – 2019. – № 1. – С. 91-92.

© Хаснутдинова Антонина Леонидовна (ant.khasnutdinova@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕКСТ В ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ: ДЕМАРКАЦИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПОСТМОДЕРНИЗМА

TEXT IN PHILOSOPHICAL DISCOURSE: DEMARCATIION THROUGH THE PRISM OF POSTMODERNISM

*I. Druzhinina
L. Zaynutdinova*

Summary: The interaction of philosophical and literary practices in the context of postmodernism is considered. The subject and object of the study is the demarcation of philosophy and literature in the XX century.

Keywords: postmodernist philosophy, literature, discourse, lifeworld, philology, science, text, ontology.

Дружинина Илона Анатольевна

кандидат исторических наук, Казанский национальный
исследовательский технический университет
им. А.Н. Туполева – КАИ
Ilona.druzhinina@rambler.ru

Зайнутдинова Лилия Ильдаровна

Казанский национальный исследовательский
технический университет им. А.Н. Туполева – КАИ
zaynutdinowa.lil@yandex.ru

Аннотация: Рассматривается взаимодействие философских и литературных практик в контексте постмодернизма. Предметом и объектом исследования является демаркация философии и литературы в XX веке.

Ключевые слова: философия постмодернизма, литература, дискурс, жизненный мир, филология, наука, текст, онтология.

«О сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух
И Опыт, сын ошибок трудных,
И Гений, парадоксов друг,
И Случай, бог изобретатель...»
А.С. Пушкин

В октябре 2024 года Дружинина Илона Анатольевна стала участницей 3-го Петербургского исторического форума, где директор исторического института СПбГУ гордо сказал на пленарном заседании, что разрушаются и реальные стены и виртуальные преграды между различными областями гуманитарного знания. Сегодня любая реальность человека, общества, страны, природы может быть рассмотрена в качестве текста, значит филологическая составляющая присутствует в современной философии обязательно. Это можно увидеть в зарубежной гуманитарной мысли, в частности, в «проекте» Ж.П. Сартра, «теоретическом антигуманизме» Альтюссера. Также принципиально новый ракурс в рассмотрении текстов открывается в работе «О грамматики» Ж. Дерриды. В свете идеи «конца философии», отвечая на траектории движения современных философских смыслов, в спор с Ж. Дерридой вступает Ю. Хабермас. В его философии для анализа применяются теоретические стратегии, сближающие философию с наукой. В рассматриваемом нами вопросе соотношения философии и литературных произведений Хабермас полагает, что именно в философском дискурсе впервые аккумулируется

универсалистская постановка вопроса¹.

В статье «Философия и литература: формы взаимодействия в пространстве культуры» Автономова Н.С. приводит мысль о том, что специфическая особенность философии это – ее способность выявить смысловое ядро нерационального и непонятного². Экспликация и рационализация, выявление своеобразного устройства самого процесса осмысления и позволяют появиться ощущению ясности. Философия всякий раз обращается сразу к двум полюсам – мышлению и к предмету мышления, в данном случае, к литературным текстам. В романах, повестях, стихотворениях и пьесах жизненные миры действующих персонажей становятся близки нам тем, что приоткрывают свои внутренние переживания и позволяют прикоснуться к ним чувственно, выстроить соотнесение себя с текстом как с некоей реальностью. В философии важна попытка понять диалектику целого и части, синтезировать некие целостности, стоящие за текстом, а филология отвечает на вопросы о внутреннем устройстве текста.

Согласно Автономовой Н.С., необходимо проанализировать язык текста прежде, чем выстраивать с его помощью новые проекты. Текст специально выстроен так, что в нем содержится множество «субъективирующих оговорок...много слов в кавычках — это значит, что все слова чужие и означают не то, что в словаре, а что именно – неизвестно»³.

1 Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне М.: «Весь Мир», 2003. – С. 126.

2 Автономова Н.С. Философия и литература: формы взаимодействия в пространстве культуры // Дом Бурганова. Пространство культуры. – 2010. – №. 4. – С. 173.

3 Деррида Ж. О грамматологии М.: Ad Marginem, 2000. – С. 10.

Литературный критик Григорий Амелин в своих лекциях по «Философии литературы» отметил: «Предмет филологии — конкретные тексты или что угодно как текст. У философии же нет своего предмета, поскольку ее объект — мышление. А объектом мышления может быть все что угодно»⁴. Философия может иметь своим предметом любое социальное явление, тяготеет оно более к истории или культуре, к психологии, к этике или к языку. Философия исследует связи и отношения между ними, выстраивая определенную онтологию вокруг явлений, с помощью концептов и терминологии «схватывая» и описывая некоторую реальность.

В постмодернистской мысли происходит отрицание субстанциальности, на смену приходит утверждение, что тексты, философские или же литературные, выступают в качестве письма.

Рассматривая литературное произведение в качестве философского объекта исследования, можно следовать филологическим критериям. Например, можно считать, что оно относится к тому или иному жанру, автору, событию и имеет собственные философские смысловые «ключи» для понимания. Таким образом, можно определить место произведения в культуре. Фридрих Джеймисон, философ и литературный критик, обсуждая рассматривая проявления культуры, приводит мысль о том, что извлекаемые из продуктов культуры идеи по привычке считаются неизменными, вечными, в то время как они исторически изменчивы. Например, «опера может быть представлена как нечто особенное и невероятное, нереальное, только при условии, что мы уже знаем ее как традиционный институт и уже считаем ее чем-то само собой разумеющимся. Это относится и ко всем другим возможным объектам отстранения: сражению (Стендаль, Лев Толстой), браку («Крейцерова соната»), морали среднего класса («Тошнота»), труду («Новые времена» Чаплина). Тот факт, что у нас есть имена для этих объектов, показывает, что мы уже заранее думаем о них в единообразном, вневременном ключе как о предметах того или иного рода»⁵. Стало быть, выбрав для философского анализа тот или иной текст, необходимо предварительно выяснить особенности, характерные для времени его создания. Для Джеймисона «ключами» к прочтению текстов являются извлекаемые из них идеологемы, понимаемые как некоторые ценности, из которых выстраивается классовый дискурс⁶. Такой анализ является «внешним» по отношению к тексту, направленным на анализ обще-

ственных отношений. Мы же не станем останавливаться на поиске идеологем, однако введем идею об изменчивом характере культурных форм, сохраняющих, при этом свою субстанциальность.

Говоря о современном состоянии философии, некоторые исследователи отмечают сложность очерчивания границ их взаимовлияния с литературой. Так, по Л. Борхесу, философия является разделом «фантастической литературы», притязания которой состоят в усмотрении нечто за пределами культуры.

Как мы уже отмечали ранее, спор о слиянии философии и литературы как жанров текста нивелирует вопрос об их субстанциальной основе. Десубстанциализация необходима для самопереосмысления философии и литературы, однако идея их совпадения указывает на внеисторическое осмысление. Отечественный исследователь Колесников А.С. утверждает, что связь между литературой, искусством, поэзией, философией и языком существовала на всем протяжении их становления. В античных текстах стройность формы воспринималась как само собой разумеющееся явление. Так, например, трактат по философии, называемой физикой в те времена, тита Лукреция «О природе вещей» представляет собой поэму, написанную гекзаметром. Поэтическая форма изложения была выбрана им неслучайно. Лукреций в стихах 931–950 сравнивает читателя с ребенком: как последнему для смягчения вкуса лекарства края сосуда смазывают медом, так и учение философ излагает «ясным стихом»⁷, чтобы оно стало доступным читателю. Пересечение философии и литературы отмечается Колесниковым и в обсуждении этического поступка — для XIX века характерны близость понимания свободы как «нравственной чистоты личности»⁸ у И. Канта и Ф. Достоевского.

В качестве примера философского творчества и произведений, изложенных «литературным языком», можно привести работы Ф. Ницше, который целенаправленно не создавал корпус текстов, не задумывал целостности книг: «фрагментарность, незаконченность, метафоричность — вот первое, с чем сталкивается читатель при знакомстве с литературными опытами Ницше»⁹. В XX веке философия сближается с художественными формами слова, в качестве примеров Колесниковым приводятся произведения У. Эко, Л. Борхеса, Б. Шоу, М. Пруста, Ф. Кафки и других.

4 Амелин Г.Г. Лекции по философии литературы [Электронный ресурс] URL: <https://filosoff.org/tvorchestvo/lekcii-po-filosofii-literatury-grigorij-grigorevich-amelin/>, свободный. – проверено 16.06.2023.

5 Джеймисон Ф. Марксизм и интерпретация культуры. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2014. – С. 91.

6 Там же. С. 48.

7 Тит Лукреций Кар О природе вещей / Пер. Ф.А. Петровского. М., 1983. – С. 51.

8 Колесников А.С. Философия и литература: современный дискурс [Электронный ресурс] URL: <http://anthropology.ru/ru/text/kolesnikov/filosofiya-i-literatura-sovremennyy-diskurs>, свободный. – Проверено 09.05.2023.

9 Подорова В. А. Выражение и смысл. М.: Ad Marginem, 1995. –С. 209.

Ключевыми в определении позиции в отношении философии и литературы стоят вопросы «Что такое философия?» и «Что такое литература?». Исходя из приведенных нами исследований и аргументации, можно сделать выводы, что философия и литература – две взаимовлияющие формы культуры, сохраняющие свою автономность на некотором уровне. Философия иссле-

дует связи и отношения между явлениями, выстраивает определенную сетку концептуального понимания, определенную онтологию находящейся перед ней реальности. Литературное же произведение рассматривается как открытие жизненного мира, восприятие которого происходит через личное прочтение и становится читательским опытом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономова Н.С. Философия и литература: формы взаимодействия в пространстве культуры // Дом Бурганова. Пространство культуры. – 2010. – №. 4. – С. 172-178.
2. Амелин Г.Г. Лекции по философии литературы [Электронный ресурс] URL: <https://filosoff.org/tvorchestvo/lekcii-po-filosofii-literatury-grigorij-grigorevich-amelin/>, свободный. – проверено 16.06.2023
3. Деррида Ж.О грамматологии М.: Ad Marginem, 2000. – 210 с.
4. Джеймисон Ф. Марксизм и интерпретация культуры. Екатеринбург: «Кабинетный ученый», 2014. – 182 с.
5. Колесников А.С. Философия и литература: современный дискурс [Электронный ресурс] URL: <http://anthropology.ru/ru/text/kolesnikov/filosofiya-i-literatura-sovremennyy-diskurs>, свободный. – Проверено 09.05.2023
6. Подорова В.А. Выражение и смысл. М.: Ad Marginem, 1995. –278 с.
7. Тит Лукреций Кар О природе вещей / Пер. Ф.А. Петровского. М., 1983.-270 с.
8. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне М.: «Весь Мир», 2003. – 236 с.

© Дружинина Илона Анатольевна (Ilona.druzhinina@rambler.ru), Зайнутдинова Лилия Ильдаровна (zaynutdinowa.lil@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТВОРЧЕСТВО ЗВУКОРЕЖИССЕРА КАК ФОРМА ПОСТИЖЕНИЯ СМЫСЛОВ МУЗЫКАЛЬНОГО БЫТИЯ

Ключкова Елена Юрьевна

Соискатель, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Москва)
elena_kluchkova@mail.ru

THE CREATIVITY OF A SOUND ENGINEER AS A FORM OF COMPREHENSION OF THE MEANINGS OF MUSICAL EXISTENCE

E. Klyuchkova

Summary: In this article, sound and the formation of a sound image are considered as points of intersection of semiotic, psychoanalytic and phenomenological discourses. This problem is correlated with the philosophical trends of the XX century, on the basis of which conclusions are drawn about the creative act of a sound engineer as a form of comprehension of the meanings of musical existence. The inextricable connection of the philosophical categories reflected in the technical documents defining the semantic component of the sound engineer's work with the primary foundations of reasonable reality in general demonstrates their fundamental interconnectedness and dialectical interdependence.

Keywords: sound image, sound engineer, music, meaning, musical being.

Аннотация: В работе рассматривается процесс формирования звукового образа как точки пересечения семиотического, психоаналитического и феноменологического дискурсов. Данная проблематика соотнесена с философскими направлениями XX века, на основе которых раскрывается специфика творческого акта звукорежиссера как формы постижения смыслов музыкального бытия. В статье выявлены философские основания творческого акта звукорежиссёра, его ценностно-смысловые контуры, нашедшие свое отражение в технических документах, составляющих основу его деятельности.

Ключевые слова: звуковой образ, звукорежиссер, музыка, смысл, музыкальное бытие.

Звукорежиссура как один из новых, но максимально востребованных видов творческой деятельности, находится сегодня в эпицентре изменений ценностно-смысловых оснований жизнедеятельности общества. Его рождение связано с революционным усложнением социокультурного пространства в XX в., появлением новых способов коммуникации, репрезентации произведений искусства и обострением необходимости удовлетворения потребности в развлечении массового зрителя, влекущими за собой масштабную трансформацию общественного сознания. Аксиологический кризис, фиксируемый исследователями в русле наступающей цифровизации искусства, максимально видоизменяющей его облик и характер, требует глубокой философской рефлексии деятельности звукорежиссёра по формированию и ретрансляции смыслов современной культуры посредством звуковых образов.

Многие современные исследователи рассматривают наступающие цифровые трансформации как развёртывание особой среды обитания человека, в которой меняется как язык взаимодействия, так и его принципы. В этом ключе звукорежиссёр становится флагманом этого процесса, выводя на первый план звуковые ресурсы искусства и формируя новые ценностно-смысловые контуры цифрового мира. Его роль в формировании вос-

приятия звуковых образов, оказывающих воздействие на развитие массовой культуры и сознание молодого поколения, требует системного философского анализа.

Рассматривая деятельность звукорежиссёра в ценностно-смысловой перспективе необходимо отметить, что она представляет собой особый творческий акт по созданию звуковых образов, транслирующих объёмные художественные смыслы – новую, требующую постижения звуковую семиосферу современной культуры, которая, по мысли Ю.М. Лотмана, предполагает применение единого языка, способствующего пониманию между «говорящими» и «слушающими» – языка музыкального искусства.

Художественный смысл звуковых образов трактуется современными исследователями как музыкальный, что обосновано становлением и восточной, и европейской культурной традиции. Звук превращается в музыкальный образ в тот момент, когда становится очевиден его смысл – образуется смысловая граница, являющаяся его эстетическим пределом. Философский смысл отдельных звуковых образов также может быть выявлен через эту призму, поскольку даже паузы и тишина рассматриваются сегодня как объёмное смысловое пространство: «музыка заключена уже внутри каждого отдельного тона, а не только в их сочетаниях»¹. Этому утверждению до-

¹ Яснев А.А. Музыкальный звук как феномен и композиторская практика XX в // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2011. №2 : [сайт]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzykalnyy-zvuk-kak-fenomen-i-kompozitorskaya-praktika-hh-v> (дата обращения: 10.12.2023).

бавляет полноты расхожая в музыкальной среде фраза, приписываемая В.А. Моцарту: «музыка – это тишина, которая живет между звуками».

Ещё одним пределом понимания музыкального звука становится его логико-философская антонимия, постигаемая через шум. Но даже этот вектор возвращает нас к музыкальному смысловому содержанию, поскольку «определение шума далеко от однозначности и линейности и его толкование неотделимо от понимания логики его взаимодействия с музыкой»². Шум соотносится Ю.М. Лотманом с «вторжением беспорядка, дезорганизации в сферу структуры и информации»³ [З, с. 84.].

Ещё один значимый для современного исследователя «вопрос о логике взаимопревращений музыки и шума, звучания и тишины»⁴ ставит Т.Б. Сиднева. Исследователь обращается к тезису Дж. Кейджа, который имеет первостепенное значение для понимания языка, принципов и ценностно-смысловых оснований творчества звукорежиссёра: «музыкой можно назвать абсолютно все, немусики просто нет... Музыку сфер можно услышать и в шипении жарящейся яичницы»⁵. Таким образом, постижения художественного смысла звуковых образов, репрезентированных посредством ресурсов звукорежиссуры, рассматривается сегодня как погружение в ценностно-смысловые основания музыкального бытия.

Звукорежиссер в своей ежедневной творческой деятельности ставит своей целью расширение сферы тех смыслов, которые рождаются в процессе создания звукового образа, используя для этого весь арсенал художественных средств. Все выбранные им для этого ресурсы для воссоздания художественного образа вызывают у слушателя субъективные переживания, что и отличает звуковой образ от его суррогата в виде набора звуков.

Постижение смыслов музыкального бытия требует от исследователя точного определения данного понятия. В этой перспективе, исходя из выводов Ю.Н. Холопова: «понятие музыкального бытия вбирает все очерченные стороны, слои и аспекты искусства звука»⁶, что даёт основание говорить о максимально объёмном неоднородном пространстве. Таким образом, музыкальное

бытие формируется посредством наполненных художественным смыслом звуковых образов различной формы, включающих гармоничные звуки, шум и тишину, которые требуют своего постижения. Умелое чередование данных компонентов на этапе формирования аудиообраза субъективно отделяет в восприятии слушателя образы, имеющие и не имеющие художественную ценность, которые трактуются обывателями как «музыка» и «немусика». Именно в этом и состоит ценностная составляющая деятельности звукорежиссера.

Ю.Н. Холопов, опираясь на тезисы Ю.А. Урманцева, использует термин «постижение» применительно к музыкальному искусству, обосновывая свой выбор тем, что, данный вид творческой деятельности максимально интуитивен и иррационален. К. Леви-Стросс трактует эту иррациональность следующим образом: «мы не знаем всех ментальных условий музыкального творчества...какова разница между теми немногочисленными творцами, которые создают музыку, и бесчисленными получателями, которые не творят, находя, однако, в ней своё выражение...и если музыка – язык для создания сообщений, и если среди всех остальных языков только этот язык объединяет противоречивые свойства быть одновременно умпостижимым и непереводаемым, – то это само по себе превращает создателя музыки в существо, подобное богам, а самую музыку – в высшую тайну науки о человеке»⁷. Фиксируемая исследователями иррациональность требует иных подходов нежели инструменты рационального познания. В процессе обращения к экзистенциальному опыту личности, происходит постижение ценностно-смыслового содержания художественного образа. Сам феномен постижения «является неотъемлемой частью человеческого бытия, экзистенции, не поддающейся рефлексивному анализу»⁸. Этот тезис В.В. Знакова максимально объёмно показывает суть экзистенциально ориентированного метода. Ещё один аспект, связанный с иррациональностью процесса постижения, раскрывается посредством следующего утверждения: «такое понимание может быть достигнуто в результате серьезных творческих усилий, глубокой интуиции, озарения, божественного откровения. Для него недостаточно готовых знаний или чужих объяснений»⁹.

2 Сиднева Татьяна Борисовна Шум и музыка: логика взаимопревращений. С.3.

3 Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Об искусстве. СПб., 1998. С. 84.

4 Сиднева Татьяна Борисовна Шум и музыка: логика взаимопревращений.

5 Сиднева Татьяна Борисовна Шум и музыка: логика взаимопревращений. С.3.

6 Холопов Ю.Н. О формах постижения музыкального бытия // Вопросы философии. - 1993. - №4. - С. 106-114. Холопов Ю.Н. «О формах постижения музыкального бытия», С.106.

7 Леви-Стросс 1972 — Леви-Стросс К. Из книги «Мифологические. I. Сырое и вареное» // Семиотика и искусствометрия / ред. Ю.М. Лотман, В.М. Петров. М.: Мир, 1972. С. 25–49. С. 31.

8 Три традиции психологических исследований — три типа понимания // Психологическая газета URL: <https://psy.su/feed/9884/> (дата обращения: 11.10.2024).

9 Апресян Ю.Д. и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск / Под общим рук. Ю.Д. Апресяна. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 259–260.

Всё вышеизложенное свидетельствует о том, что для погружения в смыслы музыкального творчества и их объёмной репрезентации необходим опыт постижения мира экзистенциального характера - «интуитивного чувствования человеком архитектоники своего внутреннего смыслового мира, переживаемого как истинно присутствующему ему»¹⁰. Это такой опыт постижения смыслового содержания, где рождается «знание, которое становится способом существования, это знание не того, что существует, а того, как существовать»¹¹.

Данный способ существования, как ценностно-смыслового постижения музыкального бытия, включает также и то, что каждый человек очерчивает понятием «музыкальное искусство» свой круг смыслов, который может кардинально не совпадать с точкой зрения других. Для кого-то особую ценность представляют произведения великих композиторов эпохи классицизма или романтизма, мелодизм и гармония, для кого-то – это творчество популярных композиторов, но каждый имеет полное право считать свои ценностно-смысловые приоритеты единственно верными. Подобные круги смыслов могут расходиться очень сильно, особенно если пытаться объединить в единую ценностно-смысловую систему различные времена, географические пространства и культуры.

При этом нужно исходить из того, что изначально различные виды искусства, в том числе музыкальное, носили синкретичный характер, и лишь существенно позже музыкальное искусство обрело независимость и самостоятельность. Но даже став самостоятельным видом искусства, музыка по-прежнему может носить прикладной характер в отдельных видах человеческой деятельности (к примеру, церковное пение).

Ещё одним важным аспектом постижения смысла звукорежиссерского искусства является рефлексия его ролевой функции в художественном творчестве. Ю.Н. Холопов, формулируя принципы осмысления музыкального бытия, вспоминает знаменитую триаду Б.В. Асафьева: «композитор – исполнитель – слушатель»¹². Однако, пытаясь продвинуться дальше, выдвигает тетрактиду «сочинение – исполнение – восприятие – постижение», отражающую сложность рождения и репрезентации художественного смысла сквозь призму восприятия нескольких участников данного процесса¹³. Исследователь считает, что все участники данного процесса отвечают за ценностно-смысловое содержание музыкального про-

изведения и результат его постижения на различных уровнях. Так, замысливший произведение автор отвечает за его идейное и ценностно-смысловое содержание, вписывая духовные смыслы собственного бытия в рамки музыкальной знаковой системы. По сути, он совершает акт творения - переход от небытия к бытию, используя все доступные инструменты для выражения экспрессии. Исполнитель постигает зашифрованные в нотном тексте смыслы, интерпретируя авторские идеи через призму своего опыта и воспроизводит их в реальном звучании инструмента или голоса. Слушатель является основным адресатом музыкального послания, постигающим посредством слухового восприятия содержание произведения и трактуящим его смысл, заложенный автором и переданный исполнителем, сообразно личному опыту и мировоззренческим установкам.

По мнению Ю.Н. Холопова четвертым участником процесса является музыковед, постигающий смысл музыки вплоть до конечных причин ее бытия. Однако, эта позиция не может исчерпывать все смыслы современного музыкального искусства, которое требует расширения исследовательского горизонта, максимально эффективно расширяемого посредством философской рефлексии. Сегодня, в век массовой культуры, четвертым участником процесса, отвечающим за творение и постижение музыкальных смыслов, закономерно становится **звукорежиссер**.

Не менее значимыми для постижения смысловой бездны звукорежиссерского искусства являются работы А.Ф. Лосева, который постулирует тезис о том, что музыка – это не просто колебание воздушных волн, а подлинный феномен: «смысл музыки, т.е. её подлинный явленный лик, её подлинный феномен, никогда и ни при каких обстоятельствах не может быть отличен признаками физическими, физиологическими или психологическими»¹⁴. Постигание музыки сложный системный процесс смыслового декодирования, невозможный без «воздействия гармонизированных воздушных волн на слух человека», но не ограничивающийся законами физики, физиологии и психологии. Возникающий в результате данного погружения в пространство музыкальной жизни эффект эмерджентности как нового качества сложной системы даёт возможность слушателю постичь саму суть музыкального произведения. В связи с этим акт музыкального творчества трактуется исключительно феноменологически, как «нечто цельное и простое... в то же время текучебесформенное [образующее собой]

10 Анцыферова Л.И. Гуманистически-экзистенциальный подход к мудрости: способы постижения истинного Я и призвания человека // Психол. журн. 2005. Т. 26. № 3. С. 5–14. С. 6.

11 Эпштейн М. От мудрости к философии — и обратно // М. Эпштейн. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. М: Новое литературное обозрение, 2004. С. 788–806. С. 797.

12 Холопов Ю.Н. О формах постижения музыкального бытия // Вопросы философии. - 1993. - №4. - С. 106-114. С.106.

13 Холопов Ю.Н. О формах постижения музыкального бытия // Вопросы философии. - 1993. - №4. - С. 106-114. С.108.

14 Музыка как предмет логики [Текст] / А.Ф. Лосев; [вступ. ст. К.В. Зенкина, с. 5-32]. - Москва: Академический проект, 2012. С. 202.

подвижное единство в слитости, текучую цельность во множестве»¹⁵. Ни один слушатель не сможет логически объяснить, по какой причине то или иное сочинение вызывает слезы, радость, эмоциональный подъем или другие сильные эмоции. Кроме того, великие музыкальные произведения преодолевают темпоральные характеристики бытия, образуя уникальный музыкально-обусловленный временной континуум. Отдельно взятые звуки, гармония, мелодия, ритм и др. еще не есть музыка, но в своем единстве ею являются. В современном искусстве появлению данного единства активно способствуют не только композитор и исполнитель, но и звукорежиссёр.

Рассуждая о смысловом содержании музыкального искусства, важно не забывать и о его программности, поскольку «Героическая» симфония Л. ван Бетховена порождает соответствующие чувства, а «Ромео на могиле Джульетты» С. Прокофьева - определенные эмоции. Данный феномен связан с тем, что музыка – искусство не просто образное, а символическое, скрывающее тайну, которая сокрыта в звуках.

Музыка связывает воедино время и пространство, образуя слитность и взаимопроникновение последовательностей и моментов, но при этом не существует в отдельном времени или в отдельном пространстве. Этот вид искусства во всей его полноте невозможно измерить или зафиксировать никакими измерительными приборами. Музыка – это живой неоднородный опыт, воспринимаемый как единое целое, он не может быть принудительно разделен на какие-либо составные части. Только слитное соединение в сознании и переработка всех последовательностей, из которых музыка состоит, позволяют говорить о качестве и смысловом значении ее восприятия. Вследствие этого музыка становится одним из самых адекватных выражений душевных переживаний автора, исполнителя, а также субъекта воспринимающего и субъекта постигающего. Не существует эталонного объективного восприятия какого-либо произведения, есть только субъективность переживаний ценностно-смыслового содержания.

Так же очевидна и темпоральность музыкального искусства, поскольку оно образует собой пространственно-временной ценностно-смысловой континуум, формирование которого сегодня немыслимо без звукорежиссёра.

Деятельность звукорежиссера, как субъекта постигающего, тесно связана с трактовкой смыслов и образов, заложенных в музыкальном произведении. Она нашла свое отражение не только в описании субъективных представлений о звуковой картине и слуховом впечатлении аудитории, но и в стандартизированных метри-

ках, что лишний раз подтверждает её ценность для современного общества. Наиболее важным и значимым для развития аудиосферы официальным документом, призванным привести к единому знаменателю объективные параметры звука для создания наиболее прозрачной и понятной для восприятия звуковой картины, стал оценочный протокол OIRT, который длительное время используется как стандартный инструмент оценки качества сигналов и звуковой фонограммы в целом. В его основе лежат те же самые математически осмысленные параметры, которые отвечают за семантическую составляющую звука. Этот тезис является особо значимым для понимания специфики звукорежиссерского искусства, поскольку к учету и анализу инструментов воплощения музыкального образа традиционно принимались такие основные понятия, как художественная форма, музыкальный баланс, тембр, восприятие пространства, прозрачность, помехи, что перекликается с тезисами, высказанными А.Ф. Лосевым в работе «Музыка как предмет логики», где отображены его семантические составляющие.

Однако, нельзя забывать о том, что восприятие субъективно. На этом утверждении зиждется весь базис такого исследовательского направления, как психоакустика. Поэтому звукорежиссеру как художнику, работающему с определенным инструментарием в процессе создания звукового образа, необходимо разделять и классифицировать определенные аудиохарактеристики, которые могут быть как объективными, так и личностными. К объективным характеристикам, которые нельзя трактовать субъективно, из всего вышеперечисленного относится только наличие помех (щелчков, шумов, иных призывков). Это чисто технический момент, который определяет качество процесса записи как акта фиксации звукового образа на физический или цифровой носитель, что, в свою очередь, может повлечь искаженное восприятие звукового образа, неточную передачу информации и другие негативные последствия.

Таким образом, становится очевидно, что режиссёрское звуковое искусство призвано отображать реальность посредством художественных образов, объёмно интерпретируя её смысловое содержание, в том числе с помощью технических средств.

Важнейшим ресурсом воплощения и постижения смысла музыкального произведения является художественная форма, которая включает в себя такие понятия как метр и ритм. Метрико-ритмические характеристики понимаются А.Ф. Лосевым как «акты смыслового ползания и их распределенность, их взаимная расположенность»¹⁶. Темп же подразумевает воплощенность чистого

15 Музыка как предмет логики [Текст] / А.Ф. Лосев; [вступ. ст. К.В. Зенкина, с. 5-32]. - Москва: Академический проект, 2012. С. 30.

16 Музыка как предмет логики [Текст] / А.Ф. Лосев; [вступ. ст. К.В. Зенкина, с. 5-32]. - Москва: Академический проект, 2012. С. 281

времени в физическом материале. Жизнь звукового образа определена метро-ритмом, именно эта характеристика наиболее полно отражает основной энергетический посыл звуковой картины, делает ее стремительной или созерцательной.

Звукорежиссер, работающий над созданием звукового образа, располагает элементы во времени и пространстве, как художник красками рисуя основные черты музыкальных инструментов, человеческих голосов, выстраивая музыкальный баланс, который учитывает интенсивность (динамические характеристики) и ритмическую организацию. Динамика движения объединяет все составляющие в единое целое, воспринимаемое слушателем, и превосходит переходы между различными музыкальными частями или конструкциями. Однако, смысловые категории музыки – это не только те, что определяют время и пространство. Тон, а также тембр, мелодия и гармония, представляющие собой движение совокупности тонов, которое структурируется целью, определяют смыслы, заложенные в образ и наполняющие организованную звуковую ткань.

Воплощение образа очень зависит от пространства, восприятие которого определяется объемностью звука и техническими аспектами, связанными с расположением источников в пространстве (так называемая «стереофоничность»). То, что объёма звук по-разному воспринимается многократно описано как физиками, так и психологами и музыковедами. Задача звукорежиссера при работе с такими понятиями – умело использовать все доступные ему средства для создания реалистичных звуковых образов, понятных зрителю, вызывающих эмоциональный отклик, способствующий глубокой рефлексии.

Ценностно-смысловые доминанты звукорежиссерского искусства, нашедшие свое отражение в том числе в технических документах, структурируют данную деятельность. Это демонстрирует принципиальную взаимосвязь и диалектическую взаимообусловленность технических и художественно-смысловых компонентов. Все вышеперечисленное позволяет трактовать творческий акт звукорежиссера как форму постижения смыслов музыкального бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Яснев А.А. Музыкальный звук как феномен и композиторская практика XX в // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2011. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzykalnyy-zvuk-kak-fenomen-i-kompozitorskaya-praktika-hh-v> (дата обращения: 10.12.2023).
2. Сиднева Татьяна Борисовна Шум и музыка: логика взаимопревращений // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2012. №146. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/shum-i-muzyka-logika-vzaimoprevrascheniy> (дата обращения: 11.10.2024).
3. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. СПб: Об искусстве, 1998. 704 с.
4. Холопов Ю.Н. О формах постижения музыкального бытия // Вопросы философии. 1993. №4. С. 106-114.
5. Леви-Стросс 1972 — Леви-Стросс К. Из книги «Мифологические. I. Сырое и вареное» // Семиотика и искусствометрия / ред. Ю.М. Лотман, В.М. Петров. М.: Мир, 1972. С. 25–49.
6. Три традиции психологических исследований — три типа понимания // Психологическая газета URL: <https://psy.su/feed/9884/> (дата обращения: 11.10.2024).
7. Апресян Ю.Д. и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск / Под общим рук. Ю.Д. Апресяна. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 259–260.
8. Анцыферова Л.И. Гуманистически-экзистенциальный подход к мудрости: способы постижения истинного Я и призвания человека // Психол. журн. 2005. Т. 26. № 3. С. 5–14.
9. Эпштейн М. От мудрости к философии — и обратно // М. Эпштейн. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. М: Новое литературное обозрение, 2004. С. 788–806.
10. Музыка как предмет логики [Текст] / А.Ф. Лосев; [вступ. ст. К. В. Зенкина, с. 5-32]. - Москва: Академический проект, 2012. 205 с.

© Ключкова Елена Юрьевна (elena_kluchkova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АМФИТЕАТР: ФИЛОСОФИЯ ПРОСТРАНСТВА В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ ПОСТМОДЕРНА

AMPHITHEATER: THE PHILOSOPHY OF SPACE IN THE CONTEXT OF THE SOCIOCULTURAL SITUATION OF POSTMODERNISM

**M. Korsak
I. Bernas**

Summary: Architectural space, correlating with social space, coordinates the activities of individuals and social groups, dividing and uniting them at certain points. In conditions of increasing social conflict and cultural crises, the problem of finding ways to stabilize society becomes particularly significant, including through means available to architecture as an environment of social life. A comprehensive, multifaceted solution to this problem is necessary, which involves, among other possible approaches, working on structuring the living space of individuals, appealing to the deep layers of their consciousness and historical memory, as it concerns fundamental existential values. The amphitheater suggests uniting people not on the basis of the universalization of consumption but on a deeper spiritual foundation — it is a space that brings people together in real time and place around a specific event or action. Research into the socio-philosophical context of constructing amphitheater space and the possibilities of actualizing this architectural form in modern social and urban realities can be one of the sources for solving pressing sociocultural problems of postmodernism.

Keywords: amphitheater, circle, architectural space, social space, sociocultural meanings, value orientations, postmodern culture, consolidation, cultural diversification, universalization, social conflictogenicity.

Корсак Маргарита Викторовна

к. филос. н., Бендерский политехнический филиал ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко» (Бендеры, Приднестровье, Молдова)
margoshacu@mail.ru

Бернас Инна Зиновьевна

Старший преподаватель, Бендерский политехнический филиал ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко» (Бендеры, Приднестровье, Молдова)
adessa59@mail.ru

Аннотация: Архитектурное пространство, коррелируя с пространством социальным, координирует деятельность индивидов и социальных групп, разделяет и объединяет их в определенных точках. В условиях растущей социальной конфликтogenicности, кризисных явлений в культуре особо значимой становится проблема выявления путей стабилизации общества, в том числе и средствами, доступными архитектуре, как среде социальной жизни. Необходимо комплексное, разностороннее решение данной проблемы, предлагающее, как один из возможных путей, работу над структурированием жизненного пространства человека, обращение к глубинным пластам его сознания и исторической памяти, так как речь идет об основополагающих, бытийных ценностях. Амфитеатр предполагает объединение людей не на основе универсализации потребления, а на более глубокой духовной основе — это пространство, объединяющее людей в реальном времени и месте вокруг определенного события или действия. Исследование социально-философского контекста построения пространства амфитеатра, возможностей актуализации данной архитектурной формы в современных общественных и градостроительных реалиях может быть одним из источников решения насущных социокультурных проблем постмодерна.

Ключевые слова: амфитеатр, круг, архитектурное пространство, социальное пространство, социокультурные смыслы, ценностные ориентации, культура постмодерна, консолидация, диверсификация культуры, универсализация, социальная конфликтogenicность.

Исследовательская практика социологии, философии и теории архитектуры, а также других гуманитарных наук, демонстрирует тот факт, что архитектурные объекты и их комплексы являются значимыми элементами общественных отношений, отражают их и в определенной степени — моделируют их. Проблема пространства и его связи с человеком — одна из значимых в современном научном дискурсе. Виды пространства не существуют обособленно, они пересекаются и взаимодействуют друг с другом, оказывают влияние на формирование индивидуальных и общесоциальных характеристик. Структура архитектурного пространства отвечает социальной структуре, отражает представления об идеальном социальном устройстве, представления о мире, о пространстве жизни (то есть биологическом простран-

стве). Архитектурное пространство города, коррелируя с пространством социальным, координирует деятельность индивидов и социальных групп, разделяет и объединяет их в определенных точках. По мнению М. Назаровой, «потребность жить не в хаотичном, а осмысленном и символически организованном пространстве можно признать одним из древнейших побуждений человека» [1, с. 4]. При этом, анализируя современную архитектурную практику в мире, можно сделать вывод, что на настоящий момент необходимость управлять процессом организации архитектурного пространства значительно актуализировалась. Можно предположить, что это связано с повышением подвижности и изменчивости общества, усложнением его структуры, повышением его конфликтogenicности, вследствие действия процессов

глобализации и регионализации. Кризисные явления во всех сферах социальной жизни требуют поиска возможных путей социальной стабилизации. В этом смысле архитектура, непосредственно соприкасаясь с человеком, может оказать необходимое действие. Необходим поиск таких путей и инструментов разрешения существующих проблем, которые будут иметь полиструктурный характер, то есть, будут многомерными, пластичными, универсальными. Такие универсальные инструменты предполагают воздействие на глубинные основы социального бытия, на индивидуальное и общественное сознание. Среди них – и пространственные структуры, реализованные в архитектурных формах и ансамблях. В науке, общественно-политической практике длительное время формировались принципы и приемы бесструктурного управления обществом, которые проявляют себя более продуктивно с точки зрения возможностей социальной стабилизации. Одним из значимых приемов, что понимали уже древние цивилизации, является соответствующая организация пространства, организация архитектурной среды и отдельных архитектурных объектов. Такой прием эффективен потому, что «архитектурные объекты, являясь частью жизненной среды человека, имеют высокую степень воздействия на воспринимающего субъекта, а их исключительность проявляется в сочетании эмоциональной насыщенности, свойственной произведениям искусства, и социальной значимости для субъектов их восприятия» [1, с. 114]. Таким образом, в свете вышеизложенного, можно сформулировать основные цели статьи. Среди них – рассмотрение различных видов пространств и специфики их взаимодействия в рамках социальной практики и научных исследований; философский анализ взаимовлияния архитектурного и социального пространства; экспликация архитектурного объекта как транслятора значимой социокультурной информации в историческом контексте и изучение комплекса социокультурных смыслов и значений, потенциальных социально значимых качеств такого архитектурной формы, как амфитеатр, обладающей богатой историей, исторически сложившимися функциями и семантикой.

В научном дискурсе известны общие исследования архитектуры и архитектурных объектов как носителей социально значимой информации, способной быть интерпретированной субъектами в зависимости от их социальных потребностей. Теория и история архитектуры, а также теория градостроительства, в свою очередь, обладают обширным материалом исследований амфитеатра. В силу своей функциональной специфики и своеобразия исторического возникновения данная архитектурная форма рассматривается целым комплексом научных направлений – культурологией, теорией архитектуры, философией и социологией. Ее исследование невозможно без данных истории и искусствоведения. При этом, на настоящее время остается открытым вопрос о социокультурном значении амфитеатра, его

актуальности в современной культуре, как транслятора значимой социальной информации, как пространственной формы, определенным образом влияющей на поведение человека, его мировосприятие.

В рамках социологии и философии проблемы городского пространства, взаимовлияния архитектуры и общества еще недостаточно изучены. Расширение социально-философских исследований города произошло в первой половине XIX века и было связано с растущим социальным неравенством между различными слоями городского населения и угрозой социальной дестабилизации. Первое теоретическое социологическое исследование города провел в начале XX в. М. Вебер. Город стал рассматриваться как административно-политическая система.

Интересны работы В.Л. Глазычева, А.Э. Гутнова, которые формулируют связь в соотношении пространственной модели мира определенной культуры и типа пространственной организации поселения – то есть, «формулы градостроительства» [2]. В работах Дж.О. Саймондса, К. Линча, Р. Арнхейма [3] уделено внимание проблеме влияния архитектурного пространства на его восприятие различными социальными субъектами. Представители символического интеракционизма – В. Бани, Р. Смит, определяют социологию архитектуры как научное направление, исследующее взаимосвязь и взаимовлияние социокультурных явлений и искусственно создаваемого архитектурного пространства [4]. Заслуживают внимания исследования М. Назаровой, позволяющие понять социокультурное значение архитектурных объектов и их сущность как составляющих человеческой культуры. М. Назарова указывает на богатство и сложность коммуникативного потенциала архитектурных объектов в зависимости от исторических условий и состояния общества.

Философское осмысление амфитеатра как своеобразной формы построения пространства, восходящей к формам алтаря, предполагает обращение к исследованию роли пространственных архетипов в формировании современной городской среды. В культурологическом дискурсе активно исследуется бытие социокультурных архетипов, которые транслируются на протяжении тысячелетий и являются социально значимыми для любой эпохи, несмотря на изменения в общественном устройстве. Данные исследования касаются и проблем бытия архитектурных архетипов [5].

Для исследования социально-философского контекста пространственных форм и пространства вообще, как среды производства социальных отношений, интересна работа Анри Лефевра «Производство пространства». Автор обращает внимание на то, что «Социальная энергия, точно так же как энергия материальная, молекулярная

или атомная, распространяется и рассеивается, концентрируется в отдельных локусах и воздействует на их окружение» [6, с.192]. Таким образом, оправданно наличие в городской ткани определенных точек пересечения и объединения различных социальных групп и слоев, а также пространственных структур, разграничивающих их, что, в свою очередь, говорит о потенциале архитектурной среды как средства социального регулирования. По мысли А. Лефевра, пространство представляет собой динамичное образование, в состав которого входит его социально-политическое измерение. Процесс повседневного воспроизводства социальных отношений всегда имеет пространственные границы, что предполагает наличие возможности изменять социально-пространственные отношения. А. Лефевр в работе «Производство пространства» ставил для себя основную задачу – разработать единую теорию пространства. Потребность ее разрешения связана, прежде всего, с социально-политической необходимостью.

Амфитеатр – не просто архитектурная форма с глубокой историей, это пространственный архетип, на ментальном уровне оказывающий влияние на человека и его действия. В архитектурной среде амфитеатр выступает как символическая пространственная доминанта. Архитектурное пространство города, коррелируя с пространством социальным, координирует деятельность индивидов и социальных групп, разделяет и объединяет их в определенных точках. Одной из таких точек, предполагающих объединение различных групп, является амфитеатр. Исторически он служил той же роли. Возрастание его значения связывалось с определенными политическими, социально-культурными обстоятельствами – расцвет амфитеатра характерен для Древнего Рима, где представления в амфитеатрах стали орудием популяризации власти и решением многих политических вопросов. Амфитеатры в значительном количестве строились на территории бывшего СССР, что определялось необходимостью организации досуга, с одной стороны, и необходимостью трансляции определенных идей, информации. Архитектурная форма амфитеатра, предполагающая объединение людей вне зависимости от социального положения и социальных ролей, на настоящее время используется мало, несмотря на богатство своих потенциальных функций и градостроительные возможности. При этом, архитектурные объекты и формируемые ими пространственные структуры оказывают непосредственное и непрерывное влияние на формирование мировоззрения, психики, особенностей восприятия, эстетических и других предпочтений и поведение личности, социальных групп и общества. Соответственно, в данном аспекте не стоит недооценивать амфитеатр. Влиянию на внутренний мир человека способствует не только изначально заложенный в сооружении смысл и круг культурных значений, но и все исторические напластования смыслов и значений, накопленные им. Интересна в этом

отношении мысль Ю. Лотмана: Производство искусства может «умирать» и вновь возрождаться, здесь «работает» не последний временной срез, а вся толща текстов культуры [7]. Архитектурные объекты, амфитеатр – в том числе, являются значимыми элементами общественных отношений, отражают их и, в определенной степени – моделируют их. Архитектурная среда формируется не только под влиянием географических, природных условий, но и на основе базовых характеристик мировосприятия и менталитета, которые, в свою очередь, во многом определяются влиянием особенностей окружающего пространства – лес, степь, пустыня, горы, равнины, реки и т.д. Архитектурное пространство связано также с пространством социальным, они пересекаются, оказывают влияние друг на друга.

Для более эффективного понимания социокультурного значения амфитеатра, в том числе – и на современном этапе, необходимо обратиться к истокам возникновения данной архитектурной формы, а также указать на его смысловое, семантическое содержание, что позволит философски осмыслить своеобразие и роль в обществе такого типа организации пространства. Известно, что амфитеатр развивался на базе алтаря и религиозных культов – то есть, это тоже своего рода средоточие смысла жизни. Амфитеатр представляет собой соединение социального, ментального и физического пространства в конкретно-чувственной, наблюдаемой форме. Знаменательно для данной работы и то, что активизация ритуальной стороны человеческой жизни напрямую связана с развитием первых обществ – «переход к классовому строю (и формированию государства) всегда приводил к интенсификации обрядовой стороны верований» [8, с. 18]. На протяжении всей истории человечества религиозные ритуалы были своего рода фундаментом общественной жизни, определяли саму общественную иерархию. Первые же государственные системы носили исключительно теократический характер. Религиозные обряды могли принимать различные формы, часто включали жертвоприношения. Изначально, процесс формирования амфитеатра шел параллельно с развитием верований, формированием религиозных культов и совместно – с формированием социальной структуры античного общества. Амфитеатр – вместилище этих религиозных ритуалов, которые укрепляли общество, связи внутри него. Еще в Древнем Риме игры, проводимые в амфитеатрах, были оценены как эффективный способ управления толпой и, соответственно, мощный фактор стабилизации общества. Смена социального порядка, системы ценностей и мировоззрения привела к изменению отношения к амфитеатру, утрате его значения в период заката Римской империи и перехода от язычества к христианству. В эпоху Средневековья сохранившиеся амфитеатры стали каменоломнями, использовались как крепости, затем – и как жилье.

Амфитеатр стал выражением в архитектурной форме

определенной философии миропонимания. Это связано с его смысловым содержанием и символикой. Амфитеатр базируется на форме круга, которая представляет собой один из наиболее распространенных пространственных архетипов. Символическое содержание круга многоаспектно. Оно выражается, например, в символике и ритуальной стороне солярных религий, базирующейся на их основе материальной культуре, дошедшей до нашего времени. Круг реализуется в формах взаимодействия групп людей (круг, круглый стол), в устойчивых словоформах (семейный круг, дружеский круг, окружение), в искусстве (хоровод, орнамент). Форма круга связана с представлениями человека о сотворении мира: «Установлено, что в любой культуре, языческой или религиозной, доминирует символика Солнца. Везде присутствует тема четырехчастности пространства и времени, происходящих от первородного центра. Таким образом, любая архитектура - это всегда воспроизведение космогонии, сотворения мира в микрокосме, воспроизведение пространства и времени в одной точке. Символически это выражено в форме здания, а именно, в присутствии в плане союза дополняющих принципов квадрата и круга, символизирующих объединение Земли и Неба, Пространства и Времени» [9, с.12].

Амфитеатр предполагает объединение не на основе универсализации потребления (что характерно для современной культуры), а на более глубокой духовной и культурной основе. Как архитектурная форма, как форма организации пространства он обладает глубокой семантикой и потенциалом в деле социальной консолидации и стабилизации. Амфитеатр – пространство, объединяющее людей в реальном времени и месте (не в Сети) вокруг определенного события или действия. Круг, как архитектурная форма, вид организации пространства и символ имел большое значение во все времена и во всех культурах. Символика и значение круга в древних обществах и по настоящее время предполагает обращение к следующим аспектам - круг как архитектурная форма, как форма организации пространства; солярные религии, сакральные действия, годовой цикл, проявление в языке – выражения речи. Таким образом, приходим к выводу о глубинной смысловой нагрузке пространственной формы амфитеатра. На это указывает и сам процесс исторического генезиса древнегреческого театра. Организация людей в круг на первых порах формирования общества (вече, круг); потребность приобретения этим общественным взаимодействием определенной архитектурно-пространственной формы (овеществление действия, формирование соответствующей обстановки для него, содержащей определенные культурные смыслы) выражение специфики социальных отношений потребовали развития архитектурной формы амфитеатра. Символизм присутствует органически в действиях человека и групп, в архитектуре: «Символами, на базе которых люди взаимодействуют, выступают, в первую очередь, язык, жесты,

ритуалы, а также – спроектированные и искусственно созданные материальные формы: таковыми очевидно являются возведенные людьми постройки» [10, с.7398].

В условиях растущей социальной конфликтности, кризисных явлений в культуре особо значимой становится проблема выявления путей стабилизации общества, в том числе и средствами, доступными архитектуре, как среде социальной жизни. Такие явления постмодерна, как диверсификация культуры, атомизация индивидов, гибридизация культур на базе глобализационных процессов и развития коммуникаций, наряду с разложением общечеловеческих, универсальных ценностей и утверждением их относительности приводят на настоящее время к утрачиванию общечеловеческой основы социальной консолидации. Этому же способствует ярко выраженная и культивируемая современной культурой нацеленность на удовлетворение личных потребностей и эгоизм. Необходимо комплексное, разностороннее решение данной проблемы, предполагающее, как один из возможных путей, работу над структурированием жизненного пространства человека, обращение к глубинным пластам его сознания и исторической памяти, так как речь идет об основополагающих, бытийных ценностях. Амфитеатр имеет также и градостроительное значение – формирует городское, а соответственно, и социальное пространство. Эти цели реализовывались в нем исторически и тем же он актуален на настоящее время. Необходимо понимать, что «Объекты архитектурного пространства не нейтральны, они несут в себе смыслы, которые воспринимаются той или иной эпохой как более или менее ценностно-значимые и трактовка их меняется под воздействием социокультурных изменений» [11, с. 112].

Как архитектурная форма и форма организации пространства, он обладает исторически сложившимися социокультурными смыслами; в архитектурной среде амфитеатр выступает как символическая пространственная доминанта. Играет роль в организации пространственных архитектурных композиций, имеет свои эстетические качества, художественно обогащая среду жизнедеятельности. Архитектура, будучи частью жизненной среды человека, оказывала и оказывает на настоящее время серьезное идеологическое и мировоззренческое влияние на человека, она представляет собой своеобразное эстетическое выражение социальных процессов.

Архитектурный объект, такой как амфитеатр, который существует на протяжении столетий, при этом - не теряет информации, а накапливает ее. Создавая современные постройки амфитеатров, архитектору-проектировщику следует задуматься – что останется от древних образцов, что будет дано нового; каков социокультурный и философский контекст новых амфитеатров, реа-

лизуют ли они свои глубинные духовные функции? Будучи открытой, динамичной системой, город находится в состоянии непрерывного изменения. В городской ткани одни объекты сохраняют жизнеспособность, другие – устаревают. Значимой проблемой, как для архитекторов-градостроителей, так и для социологов, искусствоведов, становится поиск допустимой грани в отношении того, что должно быть сохранено, а что подлежит изменению. Амфитеатр, представляющий собой архетипическую форму, хранящую историю, значимые ценности, актуален и в настоящее время. В эпоху атомизации индивидов становится необходимым развитие тех архитектурных форм, которые позволяют объединить людей вокруг общезначимого действия или идеи.

Амфитеатр, как и другие архитектурные формы в своей совокупности, можно представить как одни из элементов системы бесструктурного управления, предполагающий, в отличие от СМИ, рекламы и др., непосредственное, «живое» восприятие и взаимодействие, наблюдение за реакцией других индивидов. Социальные взаимодействия в данном пространстве с его соци-

окультурным контекстом, могут быть позитивны с точки зрения формирования личности: необходимость совершать реальный выбор здесь и сейчас, непосредственно координировать свои поступки без возможности отменить, «стереть» что-либо (что значимо для формирования социальной ответственности, воли, самоконтроля, личностных ценностей).

Таким образом, исследование социально-философского контекста пространства, организованного амфитеатром, предполагает рассмотрение различных типов пространств (архитектурного, социального, биологического и других) и сущности их взаимодействий. Это позволит не только глубже понять исторически сложившуюся природу данного архитектурного объекта, его функционал и культурное значение, но и его социальный, коммуникативный потенциал, выраженный в богатстве социокультурных смыслов, актуальных для настоящего времени. Необходимо дальнейшее исследование возможностей актуализации данной архитектурной формы в современных общественных и градостроительных реалиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Назарова М.П. Социокультурные архетипы в структуре архитектурного пространства: монография / М.П. Назарова. – Волгоград: ВолгГАСУ, 2011. – 238 с.
2. Гутнов А.Э. Мир архитектуры: Лицо города / А.Э. Гутнов, В.Л. Глазычев. – Москва: Молодая гвардия, 1990. – 352 с.
3. Арнхейм Р. Динамика архитектурных форм / Рудольф Арнхейм. – М.: Стройиздат, 1984. – 192 с.
4. Бани В. Теория символического интеракционизма и архитектура / В. Бани, Р. Смит // Социологические исследования. – 2010. – № 9. – С. 71-79.
5. Юнг К.Г. Архетип и символ / Карл Гюстав Юнг. – М.: Ренессанс, 1991. – 343 с.
6. Лефевр Анри Производство пространства / Пер. с фр. М.: Strelka Press, 2015. – 432 с.
7. Лотман Ю.М. Память о культурологическом освещении. Т. 1. // Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин: Изд-во Таллин. пед. ун-та, 1992. – С. 123–126
8. Мусатов А.А. Происхождение и эволюция зрелищных сооружений древности. Часть I. От древних жертвоприношений к гладиаторским играм / А.А. Мусатов // 1– 2013. – С. 18-30
9. Волегова А.А. Семиотические аспекты космогонии и космологии в памятниках архитектуры и градостроительства: автореф. дисс. ... канд. архитектуры: 18.00.01: защищена 26.10.2007: утв. 15.04. 2008 / Волегова Александра Алексеевна. – Екатеринбург, 2007. – 19 с.
10. Баранова Л.М. Социальная среда в городах с историческим центром: эскиз социологического размышления / Л.М. Баранова // Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса «Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие». Секция 40: социология архитектуры. Уфа, 2012. – С. 7397-7401
11. Назарова М.П. Социокультурные архетипы в структуре архитектурного пространства: монография / М.П. Назарова. – Волгоград: ВолгГАСУ, 2011. – 238 с.

© Корсак Маргарита Викторовна (margoshacu@mail.ru) Бернас Инна Зиновьевна (adessa59@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМА МИЛОСЕРДИЯ В ЭТИКЕ И. КАНТА

THE PROBLEM OF MERCY
IN THE ETHICS OF I. KANTL. Piontkевич
M. Gusarova

Summary: The authors of the article analyze the definition of mercy given by I. Kant in the "Metaphysics of Morals", which arouses enduring theoretical interest, despite the many studies of Kantian ethics. In particular, the idea is substantiated that a person who deservedly suffered deprivation in Kant's ethical system could not count on help and support, since mercy was related to morally neutral actions. The authors insist that I. Kant offers a more rational approach to the justification of mercy, based to a greater extent on respect for laws and rules than on emotional and sensory perception.

Keywords: mercy, duty, reason, virtue, right, morality, duty of beneficence, duty of love for people.

Пионткевич Лариса Юрьевна

кандидат философских наук, доцент, ФГБОУ ВО
«Национальный исследовательский университет «МЭИ»,
(г. Москва)

PiontkевичLY@mpei.ru

Гусарова Мария Николаевна

доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО
«Национальный исследовательский университет «МЭИ»,
(г. Москва)

GusarovaMN@mpei.ru

Аннотация: Авторы статьи анализируют данное И. Кантом в «Метафизике нравов» определение милосердия, которое вызывает непреходящий теоретический интерес, несмотря на множество осуществленных исследований кантовской этики. В частности, обосновывается мысль о том, что заслуженно терпящий лишения человек в этической системе Канта не мог рассчитывать на помощь и поддержку, так как милосердие относилось к нравственно-нейтральным действиям. Авторы настаивают, что И.Кант предлагает более рациональный подход к обоснованию милосердия, в большей степени основанный на уважении к законам и правилам, чем на эмоционально-чувственном восприятии.

Ключевые слова: милосердие, долг, разум, добродетель, право, мораль, долг благотворения, долг любви к людям.

Не вызывает сомнения глубокая укорененность в культуре идеи милосердия как нравственного принципа и практического действия, проявляющегося в сострадании и направленного на помощь человеку в его нуждах и лишениях. Хорошо известно, какую важную роль милосердие играет во многих религиозных учениях, в частности, в христианстве, где оно представляется проявлением божественной любви и сострадания к ближнему и является одним из центральных догматов христианской веры. В этой связи высказывание Канта о милосердии как «оскорбительном способе благоденствия» [3, с.476] вступает в серьезное противоречие с существующими оценками и трактовками этого морального принципа в мировой культуре. Несмотря на то, что этот момент кантовской этики не был обойден учеными-кантоведами [1], тем не менее, на наш взгляд, логика обоснования правомерности кантовской позиции по этому вопросу может быть дополнена более пристальным вниманием к учению Канта о праве, и в этой связи к проводимому им разделению морального долга на долг в «узком смысле» и «долг в широком смысле».

Разделение долга добродетели на долг любви – долг в широком смысле, и долг уважения – долг в узком смысле Кант осуществляет в «Метафизике нравов».

Долг любви к людям, в свою очередь, находит свое выражение в максиме благоволения – в практическом

человеколюбию и разделяется на такие обязанности, как долг благотворения, долг благодарности, и долг участия. Что касается милосердия, то речь о нем идет в связи с рассуждениями о третьей обязанности долга благоволения – участия в судьбе ближнего.

Прежде чем перейти к подробному анализу трех составляющих максимы благоволения, следует обратиться к рассмотрению дога уважения. Кант определяет его как «долг негативный» и проводит мысль о его совпадении с правовым долгом. При этом правовой долг также рассматривается им как проявление добродетели, но только минимальной. Кант определяет его как долг в «узком смысле», тогда как долг любви он предлагает трактовать как долг «в широком смысле».

Значимость этого положения становится понятной в свете последующих в истории философской мысли интерпретаций права как «морального минимума». Хорошо известна позиция Вл. Соловьева в вопросе соотношения права и морали, согласно которой «право есть принудительное требование реализации определенного минимального добра, или такого порядка, который не допускает известных крайних проявлений зла» [6, с.35]. Казалось бы, само наличие этой формулы доказывает, что вышеприведенная идея Канта о разделении долга на «долг в узком смысле» и «долг в широком смысле» получила свое последующее воплощение и развитие. На наш взгляд, это

не совсем так. Из определения права как «морального минимума», нашедшего поддержку и у современных мыслителей, вытекает трактовка морали как альтернативы формальной законности, превосходящей ее и выступающей по отношению к ней более высоким принципом жизнеустройства. Проще говоря, мораль вбирает в себя право и закрепляет за ним функцию защиты от наиболее серьезных видов проявления зла. Однако в отношении права, как нам представляется, Кант занимает иную позицию. Для него правовой долг аналогичен долгу уважения в том смысле, что *проявляет себя как требование «никого не лишать его своё»*. Именно эта формула доказывает ключевую роль права в превращении совместного взаимодействия людей в «царство целей», в сообщество, где признается достоинство жизни каждого.

Право в этом смысле ограждает от умышленного вторжения в сферу чужой собственности, в сферу владений Другого, и рассматривает требование *Neminem laedere* (лат.) – никому не вреди, как необходимое условие существования человечества: «человечество могло бы существовать, если бы никто ничем не способствовал счастью других, но при этом умышленно ничего бы от него не отнимал...» [4, с. 92].

Таким образом, урегулированное только правом (без морали) существование обеспечивает человечеству весьма сносные условия жизни. «В самом деле каждый может быть свободен, – пишет Кант, – хотя бы для меня его свобода и была совершенно безразлична, или же я в душе охотно бы ее нарушил, если только я не наносу ей ущерба своими *внешними поступками*» [4, с.285].

Единственное, что смущает Канта в этой ситуации, так это то, что благополучие другого человека никого не волнует, и никто, в результате, не утруждает себя заботой о благе ближнего: «никто ничем не способствует счастью других». *В то же время* практический разум убеждает нас, что такое автономное существование несовместимо с «идеей человечества как цели самой по себе» и противоречит требованиям долга. Идея человечества как цели, таким образом, может быть реализована лишь при условии, что каждый будет стремиться к счастью другого, и только тогда можно рассчитывать на полное воплощение в жизнь принципа, согласно которому возможно будет относиться к человечеству и в своем лице, и в лице каждого другого как к цели, а не как средству.

Однако в работе «Религия в пределах только разума» Кант говорит о том, что счастье в мире должно быть приведено в полное согласие с его достоинством: счастье нужно заслужить. Возможно, именно поэтому заслуженно терпящий лишения человек в этической системе Канта не мог рассчитывать на помощь и поддержку, и именно поэтому милосердие Кантом не поощрялось и относилось к нравственно-нейтральным действиям. Если человек не сделал ничего, чтобы избежать несчастья, то распла-

чиваться за это должен он сам, а не кто-то другой. В Отрывках из морального катехизиса из Метафизики нравов Кант, словами учителя, дает напутствие ученику: «Итак, ты видишь, что, если бы у тебя и было все счастье и к тому же самая добрая воля, ты все-таки не должен был бы без рассуждения наградить этим счастьем каждого, кто протягивает к нему руку, а должен был сначала исследовать, насколько каждый *достоин счастья*» [3, с.495]. Поэтому милосердие – это благоволение, «которое относится к недостойному...», и которое не должно проявляться в отношении друг друга у людей, как раз не имеющих права похвастаться тем, что они достойны счастья» [3, с.476].

Если наш анализ корректен, тогда логично было бы предположить, что следует приходить на помощь только тем людям, чье страдание не заслужено, и вызвано внешней, независимой от их воли, причиной. Если же вызывающее страдание воздействие носило внешний характер, то каждый, кто не пострадал, кого злая участь обошла стороной, должен воспринимать подобное благополучие незаслуженным благом. Например, выжившие во время землетрясения, или какого-либо другого стихийного бедствия, прекрасно осознают, что по какой-то невидимой причине расплачиваться за происшедшее вынуждены другие, в то время как их благополучие, благополучие выживших, не пострадало.

Исправить подобную ошибку можно лишь при условии, что каждый из уцелевших постарается разделить страдания потерпевших, и, имея возможность распорядиться собой и своим имуществом, возместит им материальные и моральные потери. Следовательно, руководствуясь нравственным законом, каждый, избежавший ущерба, должен предпринять действия, направленные на восстановление равновесия в распределении потерь, вызванных случайными обстоятельствами, так как выгодное положение, в котором оказались счастливицы, досталось им отнюдь не благодаря личным заслугам. Можно, в связи с этим, также предположить, что существование долга благотворения, о котором говорит Кант, обязывающего «по мере возможности помогать людям» [3, с.472], проистекает отнюдь не из непонятно откуда берущегося требования делиться имеющимся, а обусловлено осознаваемой всеми необходимостью возвращать необоснованно присвоенное. Безнравственным, в связи с этим, следует признать поведение индивидов, в основе которого лежит нежелание отказаться от незаслуженного преимущества, полученного ценой потерь, лишений, претерпеваемых другими людьми.

Можно проверить наши наблюдения, обратившись к анализу лжи, которая в одном случае квалифицируется как правовое преступление, в другом случае – как моральное (ложь в этическом смысле). «Для того чтобы объявить неприемлемой ложь (в этическом смысле слова) как преднамеренную неправду вообще, – пишет Кант, – она обязательно должна нанести ущерб другим, ведь тогда она была

бы *нарушением прав других* (курсив авт.). Причиной лжи может быть и легкомыслие или даже добродушие; более того, при помощи лжи можно преследовать действительно добрую цель...» [3, с.453]. Высказывание, что этическая ложь «необязательно должна нанести ущерб» предполагает, что эта ложь все-таки может нанести ущерб, но, в отличие от ущерба в правовом смысле, этический ущерб оказывается иного качества, он не нацелен на нарушение прав других, т.е. не связан с преднамеренным посягательством на принадлежащую другим собственность.

Что же касается осуждения человека, совершившего недобродетельный поступок, то его источник следует искать отнюдь не в уличенном намерении посягнуть на чужое, а в нежелании вернуть случайно, часто вопреки воле этого человека, присвоенное. Подобная позиция оказывается несовместимой с «царством целей», с обществом, которое индивид выбирает для себя в качестве желаемого, где каждый проявляет заинтересованность в существовании других, не безразличен к их успехам и способствует их счастью. Нравственно-ориентированная личность, таким образом, своими действиями, направленными на помощь и поддержку другого, как бы восстанавливает нарушенное случайными обстоятельствами равновесие условий, необходимых каждому для достижения заслуженного благополучия.

Эта идея равновесия подтверждается рассуждениями Канта при ответе на им же поставленный вопрос: «До какого предела можно расходовать свои средства на благотворительные цели? Разумеется, – пишет Кант, – не до такого предела, чтобы в конце концов самому нуждаться в благотворении других» [3, с.473], то есть можно предположить, что положение дающего, в результате помощи, не должно стать таким же, каким было оно у нуждающегося в благотворительности. Однако, если учесть, что в реальной жизни окружающие нас люди постоянно переживают незаслуженные страдания, терпят бедствия различной степени тяжести от плохого настроения до потери имущества и т.п., т.е. являются нуждающимися в сравнении с другими, и нужда эта может принимать са-

мые ужасающие формы, то легко можно представить во что превратится в связи с этим жизнь добродетельного человека, постоянно отслеживающего людские бедствия и реагирующего на них, это во-первых, и, во-вторых, надолго ли хватит его возможностей, как духовных так и физических, ведь, оказывая поддержку кому-либо, человек может располагать только собой и своим имуществом?

На самом деле, положение добродетельного человека в этической системе Канта не так плачевно, как это может показаться на первый взгляд. Вспомним о долге любви или максиме благоволения. В соответствии с Кантом долг благоволения, как практическое человеколюбие, проявляется в том, что «я всего лишь не безразличен к данному человеку» [3, с.471]. Из последующих рассуждений Канта становится ясно, что одинаково благоволишь ко всем необязательно, и благоволение к «любимым мною» различается в зависимости от того, кто из них мне ближе и дороже.

Таким образом, максима благоволения, она же долг любви к людям, призывает «сделать своей целью благополучие другого человека (благодетельствие)», при этом степень участия в судьбе другого может быть самой минимальной и ограничиться пожеланием «добра всем другим».

Итак, милосердие является проявлением долга любви, из которого вытекает обязанность благотворения как первая составляющая милосердия и как первая обязанность - долг наряду с долгом благодарности и участия, согласно которому индивид должен прийти на помощь каждому, кто этой помощи достоин, т.е. тому, кто оказался в затруднительном положении не по своей вине. Что же касается тех страдальцев, которые недостойны счастья, то в отношении них действует условный или косвенный долг участливости – человечности. Это третий долг наряду с благотворением и благодарностью, и вторая составляющая милосердия – сострадательность, заложенный в человеке самой природой. Ориентируя на деятельное участие в судьбе ближнего, условный долг призван культивировать чувства сострадания в целях поддержания стойкости в следовании моральным принципам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Frierson, Patrick (2007) «Providence And Divine Mercy In Kant's Ethical Cosmopolitanism,» Faith and Philosophy: Journal of the Society of Christian Philosophers: Vol. 24: Iss. 2, Article 3.
2. Кант И. Критика практического разума / Критика практического разума. С.-Пб., 1995.
3. Кант И. Метафизика нравов / Критика практического разума. С.-Пб., 1995.
4. Кант И. Основы метафизики нравственности / Критика практического разума. С.-Пб., 1995.
5. Провидение и божественное милосердие в этическом космополитизме Канта», «Вера и философия: журнал Общества христианских философов: Том 24: Выпуск 2, статья 3».
6. Соловьев В.С. Право и нравственность. Мн., 2001.

© Пионткевич Лариса Юрьевна (PiontkевичLY@mpei.ru), Гусарова Мария Николаевна (GusarovaMN@mpei.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕСТО НАБЛЮДЕНИЯ В СИСТЕМЕ НАУЧНЫХ МЕТОДОВ

THE PLACE OF OBSERVATION IN THE SYSTEM OF SCIENTIFIC METHODS

D. Sklyarov

Summary: The article discusses the system of scientific methods and the place of observation as a method in this system. A number of modern approaches to the systematization of scientific methodology are noted and, using the example of the most developed approaches by V.P. Kohanovsky and V.S. Stepin, the interrelation of these methods with the observation method is considered. Based on the analysis of this interrelationship, a conclusion is drawn about the key links of the observation method with other methods and, as a result, the logically determined place of the observation method in the structure of scientific methodology is noted. The article is one of the elements of the development of the methodology of observation and allows, then, to move on to a more accurate description of it.

Keywords: observation, methodology of science, empirical methods, general scientific methods, theory of knowledge.

Скляров Денис Сергеевич

Преподаватель, Южный федеральный университет
(г. Ростов-на-Дону)
denscliarov@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается система научных методов и место наблюдения как метода в этой системе. Отмечается ряд современных подходов к систематизации научной методологии и, на основе подходов В.П. Кохановского и В.С. Степина, рассматривается соотношение имеющихся методов с методом наблюдения. На основе анализа данного соотношения делается вывод о ключевых связях метода наблюдения с другими методами и, как следствие, отмечается логически обусловленное место метода наблюдения в структуре научной методологии. Статья является одним из элементов разработки методологии наблюдения и позволяет, затем, перейти к более точному его описанию.

Ключевые слова: наблюдение, методология науки, эмпирические методы, общенаучные методы, теория познания.

Для обозначения места наблюдения в структуре научных методов, сначала стоит воспроизвести и проанализировать имеющиеся точки зрения на эту структуру. Её понимание, в общем, не слишком различается у разных авторов и имеет вполне традиционный, устоявшийся характер. Несмотря на этом можно выделить несколько базовых подходов, отличающихся, скорее, не разным пониманием структуры методологии науки, а способами её описания. В качестве образцов таких подходов возьмём работы В.П. Кохановского и В.С. Степина.

В.П. Кохановский в своей «Философии и методологии науки» [2, с.255] приводит следующую классификацию общенаучных методов:

- эмпирические методы: наблюдение, эксперимент, сравнение;
- теоретические методы: формализация, аксиоматический метод, гипотетико-дедуктивный метод;
- общелогические методы: анализ, синтез, абстрагирование, идеализация, обобщение, индукция, индуктивное установление причинных связей, дедукция, аналогия, моделирование, системный подход, вероятностные методы.

В «Истории и философии науки» В.С. Степина [5, стр. 196] научные методы также подразделяются на теоретические и эмпирические. Он отмечает сложную связь эмпирического и теоретического уровней, проявляю-

щуюся во взаимодействии не просто каких-то теорий с их эмпирическим базисом, но во взаимодействии целых научных дисциплин с другими дисциплинами.

В подходе В.С. Степина эмпирический и теоретический уровни являются сложно структурированными. При этом выделяются следующие элементы [5, стр. 203, 221]:

- Эмпирический уровень
- непосредственные наблюдения и эксперименты
- процедуры перехода от эмпирических фактов к эмпирическим зависимостям
- установление инвариантной составляющей
- истолкование инвариантного содержания
- Теоретический уровень
- Частные теоретические модели
- Развитые фундаментальные теории

Как видно, здесь на эмпирическом уровне не делается различия между наблюдением и экспериментом, так как анализу подвергаются *эмпирические факты*, являющиеся результатом и того, и другого. Способ же получения эмпирических фактов, при таком подходе, значения не имеет. Однако, такой подход позволяет сфокусироваться на том, что считать эмпирическим фактом. Отмечается, что наблюдаемые объекты или процессы, в принципе, обладают бесконечным числом характеристик и задачей исследователя является выделить те, что являются значимыми, с точки зрения исследования.

Также обращается внимание на тесную связь эксперимента и наблюдения, вводится понятие «*квазиприборного объекта*» [5, стр. 209], когда природные свойства некоторых объектов используются как часть приборной системы. Такие наблюдения (или эксперименты) раскрывают не только свойства целевого объекта, но и учитывают всю систему связей от исследуемого объекта до исследователя.

Вторая же часть эмпирического уровня: переход от эмпирических фактов к эмпирическим зависимостям прямо подразумевает использование ряда теоретических методов. На этом этапе выполняются такие действия, как индуктивное обобщение полученной информации, статистическая обработка, формирование гипотезы, истолковывающей выявленные закономерности и т.д. То есть происходит тесное взаимодействие эмпирического и теоретического уровней.

В основе теоретического уровня лежат абстрактные объекты, формируемые путём идеализации реальных объектов. Именно относительно них формируются законы теоретической модели. [5, стр. 222] Однако, формирующиеся на теоретическом уровне модели далеко не в полной мере отражают реальность, поскольку идеализация и моделирование являются процедурами упрощения. Точно таким же модельным упрощением является и лабораторный эксперимент, сам смысл которого заключается в выделении нескольких ключевых действующих факторов при снижении до минимума влияния остальных. Что опять приводит к необходимости наблюдения как метода «окончательного контроля».

Таким образом, можно сказать, что наблюдение не просто является одним из эмпирических методов, но и на различных этапах включает и другие составляющие ряда общенаучных методов, как теоретических, так и общелогических. Некоторые из приведённых выше определений метода подразумевают включение в состав наблюдения теоретических элементов, причём теоретические функции наблюдения иногда даже завышаются (например, придание наблюдению задачи объяснения [1]).

Если следовать другим моделям понимания системы научных методов, то, например, М. Коэн и Э. Нагель также подразумевают включение теоретических элементов в состав наблюдения, отмечая, что «даже случайное, на первый взгляд, наблюдение требует использования гипотезы для интерпретации воспринимаемого» [3, стр. 186]. Также ими отмечается обратная связь наблюдения и гипотезы: с одной стороны наблюдаемые факты являются основанием для построения гипотез, с другой стороны, именно гипотеза определяет дальнейшее направление наблюдения и, за счёт этого, определяет его эффективность как метода познания. Таким образом, наблюдение включается в структуру познания как метод

эмпирического уровня, тесно связанный с теоретическим уровнем взаимным влиянием.

С другой стороны, некоторые теоретические методы также могут частично включать или опираться на элементы наблюдения. Как отмечает Г.И. Рузавин, [4, стр. 40], «научные наблюдения, как и обыденные, основываются, в принципе на чувственном восприятии предметов и явлений, в науке они лучше организованы, систематизированы, а самое главное — направляются и контролируются теорией». Так образуется система связей, объединяющая наблюдение с другими методами и определяющая его место в общей структуре.

Рассмотрим, как тесное взаимодействие и взаимовлияние, существующее между наблюдением и другими методами, позволяет говорить о роли наблюдения как одного из существенных связующих звеньев в структуре методологии науки.

Эксперимент, подразумевающий активное воздействие субъекта на объект с целью выяснения его свойств [4, стр. 45], включается в наблюдение тогда, когда речь идёт о подборе необходимых средств наблюдения. Объект при этом не задействуется и какое-либо влияние на него не оказывается, однако подбор и в дальнейшем коррекция средств наблюдения, по сути, и есть эксперимент, объектом которого являются средства наблюдения, а целью — подбор наиболее эффективного их сочетания для обеспечения выполнения поставленных задач.

Наблюдатель оказывает активное воздействие на средства наблюдения, выясняя их пригодность, границы применимости, контролируя их поведение. При этом обеспечивается воспроизводимость как одна из черт эксперимента, т.к. одни и те же средства могут использоваться многократно для наблюдения тех же объектов в схожих условиях.

Сравнение входит в состав наблюдения на этапе контроля, когда нам необходимо оценить результаты наблюдения и их достоверность. На данном этапе сравнение используется в полной мере и применяется для выделения сходств и различий между построенной на основании уже полученных результатов моделью наблюдаемого объекта и получаемыми в процессе наблюдения новыми данными.

Формализация, по В.П. Кохановскому [2, стр.259], подразумевает отображение содержательного знания в знак-символьном виде. Она также включается в наблюдение на этапе контроля. Обеспечение большей точности наблюдения достигается путём включения нескольких наблюдателей. В таком случае, необходимо обеспечение обмена информацией между наблюдателями в наиболее

унифицированной форме, что и достигается путём формализации результатов наблюдения.

Гипотетико-дедуктивный метод, выражающийся в выведении предположений из точно установленных фактов [4, стр.115], лежит в основе выбора средств наблюдения. Не зная изначально всех свойств, которые выявятся в процессе наблюдения, мы вынуждены заранее предполагать некоторые из них исходя из того, что нам уже известно об объекте. Именно для выявления этих предполагаемых свойств и подбираются средства наблюдения. Например, предполагая, что некая жидкость имеет запах, т.к. это вообще свойственно жидкостям, мы её нюхаем.

Анализ и синтез используются на этапе исследования структуры, внешних и внутренних связей объекта. В процессе наблюдения мы выделяем составные части наблюдаемого объекта (либо разделяем по степени важности приходящую от объекта информацию), затем наблюдаем взаимодействие частей объекта между собой, или объекта с его окружением. Также синтезом является восстановление целостного образа объекта из разнородной информации, получаемой различными органами чувств или инструментами, их замещающими.

Моделирование является одним из важных элементов наблюдения. Модель наблюдаемого объекта строится в сознании и является исключительно умозрительной операцией. В ходе моделирования выделяются наиболее существенные, с точки зрения цели, качества объекта, создаётся образ, основанный на выделенных качествах и в дальнейшем этот образ используется при прогнозировании поведения объекта и дальнейшей коррекции приемов и средств наблюдения в ходе обратного контроля.

В свою очередь, имеется и обратное присутствие элементов наблюдения в ряде других методов.

Эксперимент, хотя в какой-то степени и противопо-

ложен наблюдению, поскольку подразумевает активное воздействие на объект вплоть до его разрушения, тем не менее, прямому воздействию и контролю могут подвергаться далеко не все исследуемые свойства объекта, да и полный контроль над всеми свойствами объекта никогда целью эксперимента и не является. Кроме того, любой *эксперимент* над объектом обязательно включает *контролирующее наблюдение за экспериментом*, целью которого является выявление возможных ошибок.

Сравнение же само по себе, обычно, является действием вторичным по отношению к наблюдению либо эксперименту, поскольку сравниваем мы обычно результаты, полученные путём применения этих двух методов. Т.е. наблюдение даёт нам материал, который затем обрабатывается посредством сравнения.

Важна роль наблюдения в *моделировании*, поскольку задача моделирования — представление в упрощённом виде реальных объектов или процессов, то и основанием для моделирования являются эмпирические данные, получаемые в ходе наблюдения или эксперимента, которые, пройдя теоретическое осмысление, ложатся в основу модели. Но наблюдение важно не только как источник первичных данных. Важность наблюдения как части моделирования проявляется на этапе апробации модели, когда исследуется её адекватность реальности. В таком случае эксперимент может быть неприменим или нежелателен, поскольку ценность модели определяется именно возможностью её применения в реальных условиях. И единственным способом проверки адекватности модели становится наблюдение.

Таким образом, место наблюдения в системе научных методов можно описать как связующее эмпирический и теоретический уровни, с одной стороны, поставляя данные для теоретического осмысления и средства апробации его (осмысления) результатов, с другой стороны, теоретические методы входят в структуру наблюдения, определяя его эффективность, контролируя достоверность и выбор наиболее пригодных средств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобкова Т.С. Возможности применения метода наблюдения в психодиагностической работе с подростками // Вестник ВятГУ. 2015. №9. — с.130–137. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-primeneniya-metoda-nablyudeniya-v-psihodiagnosticheskoy-rabote-s-podrostkami>
2. Кохановский В.П. Философия как методология науки и принцип историзма. — Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2014. — 690с. — ISBN 978-5-87872-760-0.
3. Коэн М., Нагель Э. Введение в логику и научный метод. пер. с англ. П.С. Куслия — Челябинск: «Социум», 2010. — 406 с. — ISBN 978-5-91603-029-7
4. Рузавин Г.И. Методология научного познания // Учеб. пособие для вузов. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. — 287с. ISBN 978-5-238-00920-9
5. Степин В.С. История и философия науки: Учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. — М.: Академический Проект; Трикста, 2011. — 423с. — ISBN 978-5-8291-1314-8 (Академический Проект); 978-5-904954-11-6 (Трикста).

© Скляр Денис Сергеевич (denscliarov@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

DIFFERENTIATION AND INTEGRATION OF SOCIAL RELATIONS: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS

V. Skopa
M. Terekhova

Summary: The article examines the procedural categories of social integration and differentiation in relation to the system of social relations and reveals their dialectical relationship. Social, economic, political and cultural transformations in the state are reflected in the nature of social relations, demonstrating the manifestation of contradictory tendencies, arousing the interest of scientists in the processes of social integration and differentiation. This is largely due to both objective and subjective factors. The dialectic of the interaction of differentiation and integration in the system of social relations lies in their inseparable interconnection and the transition of one process to another. Differentiation occurs through integration, which is possible only on the basis of the former.

Keywords: social philosophy, integration, society, differentiation, man.

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент Российской академии
естествознания, Алтайский государственный
педагогический университет (г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

Терехова Мария Сергеевна

Аспирант, Алтайский государственный педагогический
университет (г. Барнаул)

Аннотация: Рассмотрены процессуальные категории социальной интеграции и дифференциации применительно к системе общественных отношений и выявлена их диалектическая взаимосвязь. Социальные, экономические, политические и культурные трансформации в государстве отражаются на характере социальных отношений, демонстрируя проявление противоречивых тенденций, вызывая интерес ученых к процессам социальной интеграции и дифференциации. Во многом это обусловлено как объективными факторами, так и субъективными. Диалектика взаимодействия дифференциации и интеграции в системе общественных отношений заключается в неразрывной их взаимосвязи и переходе одного процесса в другой. Дифференциация идёт через интеграцию, которая возможна только на основе первой.

Ключевые слова: социальная философия, интеграция, общество, дифференциация, человек.

Проблема социальных отношений занимает одно из центральных мест в социальной и политической философии. Именно социальные отношения являются тем связующим звеном, которое позволяет в теоретическом исследовании общества воспроизвести последнее как органическую социальную целостность во взаимосвязи основных ее элементов и сторон. Эти стороны и моменты суть деятельности по освоению окружающей природы; структуры повседневности или формы жизненного мира человека; способы общения людей; общественные акторы – индивидуальности, социальные группы, коллективы, т.е. социальные субъекты; формы общественного сознания; стремление к эмансипации социально детерминированного бытия.

Происходящие социально-политические проблемы в государстве отражаются на характере социальных отношений, демонстрируя проявление противоречивых тенденций, вызывая интерес ученых к процессам социальной интеграции и дифференциации. Во многом это обусловлено как объективными факторами, так и субъективными.

По мере развития человечества, подверженного разным последствиям глобализации, социальные отношения становятся непростой, требующей новых подходов,

проблемой, в центре которой находятся два процесса: дифференциация и интеграция. Так как общество достаточно динамическая и развивающаяся система, то сегодня в новой социальной реальности взаимодействие этих процессов является ключевым для осмысления, в том числе и в социально-философском дискурсе [2, 3, 4, 7, 9].

Методологической основой рассмотрения данной проблемы являлись работы российских и зарубежных исследователей, из которых можно выделить Спенсера Г., Дюркгейма Э., Парсонса Т., Сорокина П., Гидденса Э., Голенкову З.Т.

В социально-философском дискурсе нами используется понятие «интеграция», которое было введено в научное поле Гербертом Спенсером как общий термин для различных процессов, в которых преобладает происхождение единого из раздельного [10]. Антонимичным понятием учёный считал «дезинтеграцию», причём обозначал дифференциацию как частный случай дезинтеграции, то есть распадение однородного целого на новые единицы, имеющие некоторые особые свойства. Спенсер указывал, что общество, развиваясь, проходит две стадии: интеграции и дифференциации [10].

Философская мысль стала оперировать терминами

«дифференциация» и «интеграция» сравнительно недавно. Так, Ф.В. Константинов в философской энциклопедии понятие «интеграция» трактует только как «социальная интеграция», а категория «дифференциация» и вовсе отсутствует [13]. Можно отметить, что и в современной науке нет чёткой определённости в данных дефинициях. В то же время, исходя из совокупности работ, можно отметить, что под интеграцией, как правило, понимают состояние и процесс объединения в единое целое, сосуществование ранее разрозненных частей и элементов системы вместе, на основе их взаимозависимости и взаимодополняемости, в том числе как процесс гармонизации отношений между различными социальными группами [11, с. 196]. В данном толковании заметен социологический аспект. В философской мысли преобладает понимание интеграции как качественной характеристики цивилизации: национальные идеи, культурные конфигурации, солидарность, институционализированные ценности, коммуникативный консенсус. Разные трактовки интеграции дают нам понять, что рассматривать данный процесс необходимо концептуально. В этой связи под интеграцией логично будет рассматривать совокупность процессов, благодаря которым происходит соединение разных взаимодействующих элементов в социальную общность за счёт консолидации социальных объектов вокруг норм, ценностей, общих целей, посредством чего достигается устойчивость общественных отношений.

Разделяя различные трактовки и мнения ученых, что рассмотрение интеграции вне связи с дифференциацией неправомерно, обозначим, что дифференциация – это процесс развития, при котором происходит разделение развивающегося целого на отдельные части, многообразные формы, уровни, группы, подсистемы [6]. Важно понимать, что это процесс не столько разрушения, сколько разделения изначального на принципиально иные части с другими функциями, некое «структурное усложнение». При этом надо отметить, что это две взаимообусловленные тенденции современного развития общества. С одной стороны это активный процесс дифференциации, появлении новых социальных групп, и процесс интеграции, сближение условий труда, характер и содержание у представителей разных социальных групп – обусловлено идущими в мире интеграционными процессами в экономике, которые воздействуют на развитие социальной структуры общества. Это ведет к сближению их образа жизни и структуры, их потребностей и интересов.

Социальная интеграция – процесс превращения относительно самостоятельных и малосвязанных между собой в единую, целостную систему, характеризующуюся согласованностью и взаимосвязанностью ее частей на основе общих целей и идей. Примером социальной интеграции может служить конкретный исторический факт: объединение государств для борьбы с фашизмом,

главной целью было освобождение мира от последствий идеологии нацизма и фашизма. Тем самым народы разных государств разделяли одну идею, стремились претворить в жизнь единую цель. Процессом, обратным интеграции, является дифференциация. Социальная дифференциация – расчленение социального целого или его части на взаимосвязанные элементы. Например, как некое социальное целое команда, созданная для разработки чего-либо, состоит из следующих участников: менеджера проекта, бизнес-аналитика, разработчика, дизайнера, специалиста по тестированию и других субъектов. Объединенные общей целью данные личности в практической деятельности они решают свои собственные прикладные задачи.

Отметим, что в глобализованном мире происходит интеграция и дифференциация в широком смысле данных понятий: государства функционируют в едином информационном, политическом, экономическом пространствах, люди социально мобильны – можно говорить о некой планетарной цивилизации, развитие которой предполагает «вхождение» в культуру других стран, знакомство с ценностными ориентирами людей, проживающих в них [8]. Некоторые учёные говорят о стирании национально-государственных границ в информационном и культурном обмене, унификации форм массовой культуры и этики. А кто-то указывает, что сама глобализация – это и есть «всемирная интеграция общественных систем, обеспечивающая их взаимное приспособление и превращение в единую систему» [4, с. 25, 12]. Другие исследователи пишут о «формировании мультикультурных сообществ», признаками которых станут: унификация стилей жизни, символов культуры и транснациональных норм поведения, глобалистское мировоззрение.

В научном дискурсе определяют несколько видов интеграции и дифференциации, в контексте глобализации актуальными становятся социокультурная, социально-экономическая и межэтническая. В данном контексте можно структурно это представить следующим образом: (Таб.1.)

Исходя из выше приведенной таблицы прослеживается внутренне присущая особенность, принадлежащая интеграции и дифференциации как категориям, определяющим развитие общества его структур. Так, для социокультурной интеграции базовыми элементами являются укрепление взаимосвязей между национальными культурами, информационными потоками, а также формирование общечеловеческих ценностей на основе национальных стереотипов. В то же время социальная дифференциация предполагает сохранение религиозно-духовной и социокультурной специфики, т.е. мы можем говорить о сохранении идентичности. Аналогичные тенденции присущи и социально-экономической, и межэтнической интеграции и дифференциации.

Таблица 1.

Вид	Интеграция	Дифференциация
Социокультурная	укрепление взаимосвязей между национальными культурами, информационными потоками; формирование общечеловеческих ценностей на основе национальных стереотипов;	сохранение религиозно-духовной и социокультурной специфики
Социально-экономическая	взаимодействие национальных экономик и социальных структур разных уровней	появление экономических феноменов: «новые индустриальные страны» или «наименее развитые развивающиеся страны» и т.п.
Межэтническая	расширение взаимоотношений этносов, стремящихся выйти на уровень консенсуса	усиление и расширение националистических (этнических) конфликтов

Исследователь М.А. Бирюкова отмечала, что с «категорией интеграции связаны феномены мировой, глобальной и общечеловеческой культуры, а с категорией дифференциации – региональная и локальная культура» [1, с. 36].

Процессы интеграции и дифференциации социальных отношений происходят в российском обществе крайне непросто, это обусловлено как внутренними, так и внешними факторами. Несмотря на это сегодня можно отметить устойчивость социума. В этой связи рационально отметить суждения О.Ф. Шаброва, который определяет два основания для этого: «институт государства как инструмент поддержания внутреннего порядка и внешнего суверенитета» и этнокультурная идентичность [9, с. 28]. Конечно, глобализационные преобразования неизбежны, что повлечет за собой и интеграционные процессы, но российское общество в пространстве же российской действительности принимает изменения, опираясь на свои национальные идеалы, ценностно-нормативные ориентиры и культурно-мировоззренческие установки.

Проанализировав социально-философский дискурс, можно понять, что он имеет критическое суждение в отношении процесса глобализации, потому что она часто отождествляется с агрессивной «американизацией», под которой понимается целенаправленное навязывание западных ценностей, массовой культуры, постепенный захват ресурсов других стран, стирание государственных границ и т.п., что непременно приведёт к потере суверенитета, потере этнокультурной идентичности. В этой связи возникает большое количество вопросов, требующих ответов и истолкования. Как же достичь общецивилизационного прогресса при сохранении разнообразия народов и культур? Как продолжить развитие общемировых тенденций унификации и сохранить этнокультурную идентичности?

В этой связи интеграцию как процесс нужно рассматривать и отождествлять с тем, что в основе интеграции социальных отношений лежит идея существования общечеловеческих ценностей, которые могут способствовать духовному совершенствованию человека и успешному социальному преобразованию, а не быть угрозой этнокультурной идентичности и приводить к ассимиляции многих ценностей. А кто или что задаёт общечеловеческие ценности? Исходя из выявленного историографического массива отчетливо представляется, что они «вырабатываются в опыте совместного участия людей в совместных практиках, которые в свою очередь развиваются в определённых традициях и культурах» [3].

Но парадокс ситуации заключается в том, что интенсификация межкультурных контактов, способствуя интеграции, одновременно порождает новые противоречия и усиливает стремление к дифференциации, поэтому главным условием эффективности интеграционных процессов является переход от биполярного к полиполярному сотрудничеству, от диалога к полилогу культур.

Таким образом, можно отметить, что дифференциация и интеграция – две диалектически взаимообусловленные стороны процесса развития человечества. В случае доминирования одной из сторон, вторая выступает как предпосылка, следствие или спутник. Диалектика взаимодействия дифференциации и интеграции заключается в неразрывной их взаимосвязи и переходе одного процесса в другой. Дифференциация идёт через интеграцию, которая возможна только на основе первой. В целом, социально-философское осмысление дифференциации и интеграции как взаимообусловленных категорий развития социума поможет более глубокому пониманию, осознанию, а также решению многих социальных проблем современности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирюкова М.А. Глобализация: интеграция и дифференциация культур // Философские науки. 2001. №1. – С. 33-42.
2. Гондаренко М.В. Дилемма глобализации и антиглобализации: феномен глокализации и его последствия для науки и общества. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21372110_58410928.pdf (дата обращения 18.09.2024).

3. Гырылова В.А. Универсализм и партикуляризм: проблема общечеловеческих ценностей. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_45611234_10959603.pdf (дата обращения 27.09.2024).
4. Дергачёва Е.А. Социально-философский анализ глобализации // Современные исследования социальных проблем. 2012. №1 – С. 25.
5. Нарочницкая Е.А. Национальный фактор в эпоху глобализации. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_6003834_10882699.pdf (дата обращения 27.09.2024).
6. Полянкина С.Ю. Категории социальной интеграции и дифференциации в категориальном аппарате философии образования. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategorii-sotsialnoy-integratsii-i-differenetsii-v-kategorialnom-apparate-filosofii-obrazovaniya> (дата обращения 07.09.2024).
7. Понарина Н.Н. Социальное преобразование мирового сообщества в условиях глобализации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-preobrazovanie-mirovogo-soobshchestva-v-usloviyah-globalizatsii> (дата обращения 28.09.2024).
8. Сафонова И.А. Межкультурная коммуникация в аксиологическом аспекте. URL: <https://oaji.net/articles/2014/690-1396602512.pdf> (дата обращения 10.09.2024).
9. Щапенко Н.П. Процессы интеграции/дифференциации в российском обществе: вопросы методологии // Наука. Культура. Общество. 2022. №4 – С. 22-35.
10. Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские. Минск: Современный литератор, 1998. – 1376 с.
11. Табылгинова Л.А. Основные научные подходы к понятию «социальная интеграция». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-nauchnye-podhody-k-ponyatiyu-sotsialnaya-integratsiya> (дата обращения 16.08.2024).
12. Таскаев Г.С. Глобализация как тенденция нового времени. М: МАКС Пресс, 2011. – 110 с.
13. Константинов Ф.В. Философская энциклопедия. Том 1-5. М., Издательство: Советская энциклопедия: 1960.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru), Терехова Мария Сергеевна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КАПИТАЛОЦЕН КАК НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ОТЧУЖДЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ОТ ПРИРОДНОГО

CAPITolocENE AS A NEW REALITY: ALIENATION OF THE PUBLIC FROM THE NATURAL

*E. Sukhanova
D. Skorodumov*

Summary: The term "capitalocene" characterizes global changes in nature, as well as changes that occurred in the life and consciousness of society as a result of the formation of the capitalist society in Western countries. The phenomenon of capitalocene itself implies social differentiation, which consists in the division of society into two parts: a small group of owners of fixed capital on the planet and the rest of humanity working for them. The capitalist model of planetary development that emerges from this assumes the use of nature itself as the main source of productive resources. However, the ecological agenda of the capitalocene calls attention not only to the construction of a standardized scheme of the production cycle on a global scale, but also to the alienation of humanity as a species from nature, and in particular from its ecological problems. The capitalist reality actualizes the question of personal and planetary responsibility for the aggravation of the ecological crisis, questioning the assertion of universal guilt of humanity for catastrophic climate change, thus separating it from the direct consequences of its activities in the category of the natural.

Keywords: capitalocene, anthropocene, technological alienation, nature, Marxism, artificial intelligence.

Суханова Елена Вадимовна

*Кандидат философских наук, преподаватель,
Нижегородский государственный педагогический
университет им. К. Минина
elena_stupishina@mail.ru*

Скородумов Дмитрий Анатольевич

*Кандидат философских наук, старший преподаватель,
Нижегородский государственный педагогический
университет им. К. Минина
daskorod@gmail.com*

Аннотация: Термин «капиталоцен» характеризует глобальные изменения в природе, а также изменения, произошедшие в жизни и сознании общества в результате становления капиталистического строя в странах Запада. Сам феномен капиталоцена подразумевает общественную дифференциацию, состоящую в разделении социума на две части: небольшую группу владельцев основного капитала на планете и все остальное трудящееся на них человечество. Формируемая при этом капиталистическая модель планетарного развития предполагает использование природы как таковой в качестве основного источника производственных ресурсов. Однако экологическая повестка капиталоцена заставляет обратить внимание не только на построение стандартной схемы производственного цикла в мировом масштабе, но и на отчужденность человечества как вида от природы, и в частности – от её экологических проблем. Капиталогенная реальность актуализирует вопрос о личной и всепланетарной ответственности за обострение экологического кризиса, ставя под сомнение утверждение о всеобщей вине человечества за катастрофические климатические изменения, тем самым отделяя его от прямых последствий его деятельности в категории природного.

Ключевые слова: капиталоцен, антропоцен, технологическое отчуждение, природа, марксизм, искусственный интеллект.

Современный мировой социум стоит на пороге экологической катастрофы, угроза которой особенно явно обозначила себя в середине 2010-х – начале 2020-х годов. Именно в это время представители ученого сообщества начали все чаще затрагивать вопросы изменения климата, загрязненности окружающей среды, нехватки природных ресурсов и т.п. Все чаще научные публикации стали привлекать внимание к так называемой проблеме антропоцена, суть которой заключается в определении антропологического (техногенного) фактора как ключевого в деле трансформации окружающей среды [9].

Вместе с тем актуальность приобрела тенденция поиска причин столь критического состояния планеты и общества в целом. Появление различных интерпретаций относительно того, что именно вызвало нарушение баланса в той или иной системе мира, привели к плюрализму мнений и по вопросу коллективной и индивидуальной от-

ветственности человека за катастрофические изменения, происходящие на планете. На повестку дня был вынесен вопрос о том, кто является виновным в, скажем, загрязнении воздуха промышленными отходами: конкретный человек, управляющий токсичным производством, или все работники, трудящиеся на фабрике или заводе, принадлежащем этому человеку и отравляющем окружающую среду? Обыденное экологическое сознание утверждает за это всеобщую ответственность. Концептуальный же взгляд на данную проблему был предложен в рамках теории так называемого капиталоцена.

Термин «капиталоцен» был впервые использован Джейсоном Муром в его эссе «Осмыслить планетарный ад» [7], в котором он рассуждает о необходимости иначе взглянуть на современное экономическое и идеологическое развитие общества. Сама идеология капиталоцена, предложенная Муром, основывается на утверждении общественной дифференциации, согласно

которой весь социум делится на «богатых» и «бедных». К числу первых относятся капиталистические магнаты и владельцы мировых корпораций, в руках которых сосредоточен практически весь мировой капитал. Вторые же являются не кем иным, как наемными работниками первых. В этом контексте глобальный экологический кризис настоящего столетия, спровоцированный, по мнению многих исследователей, капиталистическим развитием общества со времен промышленной революции XVIII-XIX веков [2] [10] [11], представляет собой результат деятельности не просто людей в лице всей цивилизации, но конкретных людей в лице владельцев самого процесса производства. Данный факт примечателен тем, что если ответственность за климатические изменения несут единичные представители человечества, то все остальное человеческое сообщество оказывается отчуждено не только от результатов своего труда, но также от итогов их применения, а следовательно, и от природы как средства производства в контексте ее экологических проблем.

Поясним данный тезис: если общество оказывается не виновато в текущем социально-экологическом кризисе и всю ответственность за планетарные изменения берет на себя группа лиц, развивающих и продвигающих ценности капиталистической идеологии, то природа предстает уже не столько в качестве ресурса, сколько в качестве фона общественной жизни. Иначе говоря, природа в капиталоцене – это своего рода собственность капиталистических магнатов. Именно они остаются частично связаны с ней напрямую, используя её возможности для создания так называемой второй природы – искусственного заменителя первой [12]. Остальной социум оказывается отделен от истинной природы продуктами капиталогенной реальности: городами, техникой и прочими благами цивилизации.

Подобное положение дел во многом вторит теории отчуждения К. Маркса, в которой он критикует устройство капиталистического общества [5]. Маркс пишет, что при капитализме от рабочего отчуждается не только продукт его трудовой деятельности, но и труд как таковой. Связано это с тем, что между рабочим и произведенным им продуктом, равно как и между рабочим и его трудом возникает посредник – работодатель-капиталист, присваивающий себе результаты труда рабочих и ограничивающий последних от сути их деятельности. В капиталоцене Мура ситуация повторяется, только, как бы сказал Маркс, на более высшем уровне: рабочий отчуждается уже не просто от результатов своего труда, но от их последствий. Таким образом, отсутствие экологического сознания у отдельного индивида, включенного в огромную систему мировой экономики в качестве простой, вполне заменяемой шестеренки, не приводит к глобальному экологическому кризису, даже если подобных ему шестеренок в этой системе будет 99%. Между завод-

ским рабочим, трудящимся на производстве пластика, и Большим тихоокеанским мусорным пятном, состоящим из этого же пластика, по-прежнему существует посредник в лице какого-либо высокопоставленного лица, чей капитал питает производство будущих синтетических отходов. Именно он является ответственным за пагубное влияние, оказываемое на природу результатами труда нанятой им рабочей силы.

Подтверждая данное утверждение, шведский профессор экологии Андреас Мальм рассуждает о причинах и следствиях стихийных бедствий, которые в последнее время в результате серьезных климатических изменений на планете все чаще обрушиваются на многие страны [4]. Народонаселение последних в большинстве своем, говорит Мальм, нельзя обвинять в том, что именно его коллективная иррациональная деятельность стала катализатором катастрофических природных изменений. Люди как вид отчуждены от этой трансформировавшейся природы. Между ними в капиталоцене стоит уже не только посредник-капиталист, но последствия его деятельности: глобальное потепление, загрязнение воздуха и почвы, шестое массовое вымирание и т.д.

Иначе говоря, выражаясь словами З. Буамана, происходит «полное разжижение» традиционного уклада, сформированного капиталистической экономикой [1]. Такая «плавка реальности» приводит к тому, что даже сам владелец капитала, некогда отчуждавший труд от рабочего, в капиталоцене оказывается отчужденным от природы. Происходит это в результате появления между капиталодержателем и природой как ресурсом производства нового посредника – техники, или второй природы. Именно она еще в период промышленной революции позволила человеку постепенно расширить сферу своего влияния до масштабов всей планеты.

Развитие технологий изначально имело своей целью снижение затрат на производство, а также облегчение человеческого труда. За счет появления паровых машин, конвейера, станков и, в конце концов, систем искусственного интеллекта обе цели были достигнуты. Однако это повлекло за собой ряд проблем, начиная с не только еще большего отчуждения труда от рабочего, но, скорее, его усиливающегося обезличивания, и заканчивая появлением нового вида отчуждения – цифрового (технологического) отчуждения, которое, в конце концов, стало одной из причин потери человеком своей идентичности.

Герберт Маркузе в своей книге «Одномерный человек» пишет о таком типе отчуждения, говоря, что техника лишила человека индивидуальности [6]. Основываясь на концепции органпроекции Эрнста Каппа, можно говорить о том, что люди потеряли свою идентичность еще во времена появления первых ору-

дий труда, когда, скажем, каменный молоток заменил сжатую в кулак руку, тем самым перенея у человека эту функцию и встав между ним и природой [3]. Однако наиболее актуальной эта проблема становится сейчас, в XXI веке, когда уже не техника становится придатком человека, но сам человек превращается в придаток орудий труда, добровольно делегируя последним свою индивидуальность и превращаясь из рабочего в его инструмент. Иными словами, сегодня уже не столько человечество управляет техникой, сколько техника руководит его деятельностью, низводя человеческое существо до состояния вещи.

Наиболее показательным в этом плане может служить пример развития в настоящее время нейросетей и языковых моделей, относящихся к технологиям искусственного интеллекта. Активное внедрение их в жизнь общества, безусловно, принесло определенную пользу. К примеру, это существенно облегчило поиск необходимой информации в сети, которой после появления самого Интернета и с ростом доступности персональных компьютеров и смартфонов с каждым годом становилось все больше. Однако негативные стороны данного феномена представляются более значимыми. Скажем, возможность генерации изображений посредством нейросетей поставила под вопрос необходимость творчества как такового и одновременно существенно обесценила труд художников. Остро стоит также этическая проблематика генерации изображений, их неправомерное использование, как т.н. «deepfake», в целях шантажа, дезинформации или информационной войны. Использование же языковых моделей для создания оригинальных текстов привело к тому, что многие научные труды, квалификационные работы учащихся и даже рецепты приготовления блюд стал писать искусственный интеллект. Последнее следствие, с позиций идеологии капиталоцена, является наиболее значимым, поскольку тут речь идет уже не только об обесценивании умственного труда, но об отчуждении самой функции мышления от человека. А это, в свою очередь, и приводит к тому, о чем писал Г. Маркузе – к превращению человека в подконтрольный технике инструмент.

Ещё серьезней эти проблемы начинают выглядеть, если мы обратим внимание на ресурсоёмкость технологий искусственного интеллекта: их применение требует высокой вычислительной мощности и большого объема дисковых устройств, производство и содержание которых крайне затратно с точки зрения энергетики и организации «грязных» добывающих предприятий. Интересно то, что имевшегося в период Первой промышленной революции увеличения эффективности труда при этом не наблюдается. Как раз наоборот – для достижения, фактически, того же эквивалента информации, как при обычном поиске, в случае применения языковых моделей затрачивается в разы больше ресурсов, поскольку

в оптимальном варианте человек полученную посредством искусственного интеллекта информацию должен перепроверять в силу её склонности к появлению ошибок-«галлюцинаций».

Современный социум, таким образом, близок к вызывающему беспокойство состоянию, когда он делегирует способность мыслить, т.е. способность, которая отличает человека от других живых существ, технологиям. В этом случае отчуждение общественного от природного становится фактически непреодолимым, т.к. техника превращается в некий «метаболический разлом» [12] между двумя этими категориями, в который в капиталогенной реальности утекает все больше экономических средств. Происходит это в результате того, что наиболее выгодным вложением капитала в наше время является именно сфера технологического развития. В сегодняшний момент в мире имеет место начавшаяся еще в прошлом веке гонка высоких технологий [8], в которой ведущие IT-компании соревнуются за достижение лучшего результата в деле развития «умной» техники. Следствием же этого в перспективе можно считать окончательное отчуждение человека от природы за счет перехода функции руководства, а также труда и мышления к созданной им второй, искусственной природе. Такой сценарий неутешителен, однако и его полная противоположность в виде становления технологий искусственного интеллекта новым экономическим «пузырём», не имеющим перспектив дальнейшего развития, также несёт в себе целый ряд рисков, включая становление катализатором экономического кризиса в мире, где компании-гиганты в сфере IT являются одновременно и самыми главными выгодоприобретателями, и первыми в очереди на резкий крах.

Резюмируя вышесказанное, стоит отметить, что главный аспект капиталоцена как новой реальности сводится к вопросу о влиянии науки и технологий на общество, экономику и окружающую среду. В контексте капиталоцена, когда наука и технологии играют центральную роль в экономическом росте, возникает вопрос о том, как мы должны распределять ресурсы и ответственность за последствия научных открытий: должны ли мы возлагать вину за текущий социально-экологический кризис только на ученых, совершивших революционные открытия, и на главных владельцев мирового капитала, или это всеобщая ответственность за пользование благами научно-технического прогресса. Капиталогенная реальность – это реальность отчуждения общественного от природного посредством технического. И главный вопрос здесь заключается в том, как обществу в условиях экспоненциального технологического развития сохранить баланс, не допустив экологической катастрофы на планете, не потерять контроль над орудиями труда и самому не превратиться во вспомогательный инструмент стремящейся к контролю техники.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бауман, З. *Текущая современность* / З. Бауман; [пер. с англ. С.А. Комаров]. — М.: Питер, 2008. — 238 с.
2. Волков, А.В. *Антропоцен, космоцен, робоцен* / А.В. Волков. — М.: Независимое издательство «Ноократия», 2018. — 254 с.
3. Капп, Э., Нуаре, Л., Эспинас, А. *Роль орудия в развитии человека* [Электронный ресурс]. — Л., 1925. // Центр гуманитарных технологий. — URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3479> (дата обращения: 15.09.2024)
4. Мальм, А. *Взгляд из Доминики: антропоцен или капиталоцен?* [Электронный ресурс] / А. Мальм // ЮНЕСКО. — URL: <https://ru.unesco.org/courier/2018-2/vzglyad-iz-dominiki-antropocen-ili-kapitalocen> (дата обращения 06.09.2024)
5. Маркс К. *Экономическо-философские рукописи 1844 г.* / К. Маркс. — М.: «Издательство АСТ», 2024. — 224 с.
6. Маркузе Г. *Одномерный человек* / Г. Маркузе. — М.: REFL-book, 1994. — 368 с.
7. Мур, Дж. *Осмыслить планетарный ад* [Электронный ресурс] / пер. с англ. М. Шер // Сигма. — URL: <https://syg.ma/@maxsher/dzhieison-mur-osmyslit-planietarnyi-ad-gieologhichieskii-antropotsien-ghieoistorichieskiikapitalotsien-planietarnaia-spraviedlivost> (дата обращения 06.09.2024)
8. Суханова, Е.В. *Общество эпохи антропоцена накануне технологической сингулярности: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук* / Суханова Елена Вадимовна, 2023. — 164 с. — EDN WSRVWB
9. Суханова, Е.В., Бурков А.Д. *Дуализм технического прогресса и опасная практика антропоцена* / Е.В. Суханова, А.Д. Бурков // *Цифровой ученый: лаборатория философа*. — 2022. — Т. 5, № 2. — С. 97-114
10. Чакрабартти, Д. *Климат истории: четыре тезиса* / Д. Чакрабартти // *Об антропоцене*. — М.: V-A-C Press, Artguide Editions, 2020 — 160 с.
11. Crutzen, P.J. *Geology of Mankind* / P.J. Crutzen // *Nature*. — 2002. — 415, no. 6867. — P. 23
12. Wark, M. *Molecular Red: Theory for the Anthropocene* / M. Wark. — New York: Verso, 2016. — 304 p. — P.10.

© Суханова Елена Вадимовна (elena_stupishina@mail.ru), Скородумов Дмитрий Анатольевич (daskorod@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Alskaia E. – Postgraduate, Russian New University, Moscow

Arov H. – Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute

Bernas I. – Senior Lecturer, Bendery Polytechnic Branch State Educational Institution "Transnistrian State University named after T.G. Shevchenko", Bendery, Transnistria (Moldova)

Bratash R. – Graduate student, FSAEI HE «National Research Tomsk State University»

Burikova I. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management RANEPА) (St. Petersburg)

Demchenko N. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute

Devyatova O. – Doctor of Cultural Studies, Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg)

Druzhinina I. – Ph.D. candidate, Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev

Efimova E. – candidate of cultural studies, associate professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Arctic State Institute of Culture and Arts"

Emelianenko B. – Graduate student, FSAEI HE "National Research Tomsk State University"

Fursov K. – Graduate student, Federal State University of Education (Moscow)

Glushchenko I. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute

Our authors

Gusarova M. – Doctor of Historical Sciences, Professor, National Research University "MEI", Moscow

Ignatov K. – Graduate student, Moscow City Pedagogical University

Isagulova E. – Candidate of Psychological Sciences, Director, Non-State Medical Institution "Clinical Center for Mental Health"

Khasnutdinova A. – Postgraduate student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen"

Klyuchkova E. – Applicant, Russian Academy of National Economy Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow)

Korsak M. – Candidate of Philosophical Sciences, Bendery Polytechnic Branch State Educational Institution "Transnistrian State University named after T.G. Shevchenko", Bendery, Transnistria (Moldova)

Kostarev V. – Candidate of Psychological Sciences. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Krasnoyarsk State Agrarian University" of the Ministry of Education of the Russian Federation

Kozhevnikova T. – Doctor of Medical Sciences Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev" of the Ministry of Education of the Russian Federation. Russia

Liu Huaizhong – PhD, National University of Andong, China

Maukin V. – Applicant, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg)

Nikolaeva N. – Postgraduate student, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Saint Petersburg

Ogar E. – senior teacher, Nevinomysskiy Humanities and Technical Institute

Petkov V. – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor Kuban State University (Krasnodar)

Pinigina O. – candidate of pedagogical sciences, associate professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Arctic State Institute of Culture and Arts"

Piontkovich L. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, National Research University "MEI", Moscow

Rode Ju. – candidate, Russian New University, Moscow

Sinelshchikova O. – Producer, AN Media

Sklyarov D. – Tutor, South federal University (Rostov-on-Don)

Skopa V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Skorodumov D. – Phd in Philosophy, Lecturer, Nizhny Novgorod State Pedagogical University Of K. Minin

Smolyanskaya E. – postgraduate, Russian Academy of Sciences, Moscow

Sukhanova E. – Phd in philosophy, lecturer, Nizhny Novgorod State Pedagogical University Of K. Minin

Tan Weiqi – Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus

Terekhova M. – PhD student, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Titovets N. – Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev" of the Ministry of Education of the Russian Federation. Russia

Yu Lilin – Postgraduate, SPBGIK

Zaynutdinova L. – Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev

Zelikova K. – Researcher, Vologda State University

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).